PG3337
.P73
03

Ocherki bursy.

N. G. Pomialovskiĭ

146

II
146

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.P73
0 3

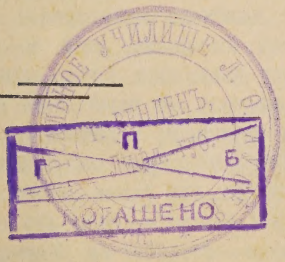
Ученическая библіотека
Венденскаго
Реальнаго Училища
П. О. Ауссія.
Хр. кат. № 278 Г. П. кат. №
Пріобрѣт. въ 191 г. Ц. р. к.
ПОГАШЕНО
Г П
ПОГАШЕНО

Inv. № 348
PG 3337
.P73
O3
MC
"C"
II
61

Н. Г. Помяловскій.

Очерки бурсы.

ПОГАШЕНО



К-во «ОСВОБОЖДЕНІЕ»
С.-ПЕТЕРБУРГЪ—МОСКВА
1914 г.

Типографія Спб. акц. общ. „СЛОВО“. Улица Жуковскаго, 21.

Зимній вечеръ въ бурсѣ.

Очеркъ первый.

1862.

Классъ кончился. Дѣти играютъ.

Огромная комната, вмѣщающая въ себѣ второуѣздный классъ училища, носитъ характеръ казенщины, выражающей полное отсутствіе домовитости и пріюта. Стѣны, съ промерзшими насквозь углами, грязны, — въ черно-бурыхъ полосахъ и пятнахъ, въ плѣсени и ржавчинѣ; потолокъ подпертъ деревянными столбами, потому что онъ давно погнулся и безъ подпорокъ грозилъ паденіемъ; полъ въ зимнее время посыпался пескомъ, либо опилками: иначе на немъ была бы постоянная грязь и слякоть отъ снѣгу, приносимаго учениками на сапогахъ съ улицы. Отъ задней стѣны идутъ п а р т ы (учебные столы); у передней стѣны, между окнами, столъ и стулъ для учителя; вправо отъ него — черная учебная доска; влѣво, въ углу у дверей, на табуретѣ—ведро воды для жаждущихъ; въ противоположномъ углу—печка; между печкой и дверями вѣшалка, на спицахъ которой виситъ цѣлый рядъ тряпичный: шинели, шубы, халаты, накидки

ПОГАШЕН

разнаго рода, все перешитое изъ материныхъ капотовъ и отцовскихъ подрясниковъ, — нагольное, крытое сукномъ, шерстяное и тиковое; на всемъ этомъ виднѣются клочья ваты и дыры, и много въ томъ мѣстѣ, злачнѣмъ и прохладнѣмъ, паразитовъ поѣдающихъ тѣло плохо кормленнаго бурсака. Въ пять оконъ, съ пузырчатыми и зеленоватыми стеклами, пробивается мало свѣта. Вонь и копоть въ классѣ; воздухъ мозглый, какой-то прогорклый, сырой и холодный.

Мы беремъ училище въ то время, когда кончался періодъ насильственнаго образованія и дѣйствовалъ законъ великовозрастія. Были года — давно они прошли — когда не только малолѣтнихъ, но и бородатыхъ дѣтей по приказанію начальства насильно гнали изъ деревень, часто съ дьяческихъ и пономарскихъ мѣстъ, для наученія ихъ въ бурсѣ письму, чтенію, счету и церковному уставу. Нѣкоторые были обручены съ своими невѣстами и сладостно мечтали о медовомъ мѣсяцѣ, какъ нагрянула гроза и повѣнчала ихъ съ Пожарскимъ, Меморскимъ, псалтыремъ и обиходомъ церковнаго пѣнія, познакомила съ *майскими* (розгами), проморила голодомъ и холодомъ. Въ тѣ времена и въ приходскомъ классѣ большинство было взрослыхъ, а о другихъ классахъ, особенно семинарскихъ, и говорить нечего. Достаточно пожилыхъ долго не держали, а, поучивъ грамотѣ года три-четыре, отпускали дьячить; ученики помоложе и поусерднѣе къ наукѣ, лѣтъ подъ тридцать, часто слишкомъ, достигали богословскаго курса (старшаго класса семинаріи). Родные съ плачемъ, воемъ и причитаньями отправляли своихъ птенцовъ въ науку; птенцы съ глубокой ненавистью и отвращеніемъ къ мѣсту образованія возвращались домой. Но это было очень давно.

Время перешло. Въ общество мало-по-малу проникло сознаніе — не пользы науки, а неизбѣжности ея. Надо было пройти хоть приходское ученье, чтобы имѣть право даже на пономарское мѣсто въ деревнѣ. Отцы сами везли дѣтей въ школу, парты замѣщались быстро, число учениковъ увеличивалось и, наконецъ, доросло до того, что не помѣщалось въ училищѣ. Тогда изобрѣли знаменитый законъ великовозрастія. Отцы не всѣ еще оставили привычку отдавать въ науку своихъ дѣтей взрослыми и нерѣдко привозили шестнадцатилѣтнихъ парней. Проучившись въ четырехъ классахъ училища по два года, такіе дѣлались великовозрастными; эту причину отмѣчали въ титулѣ ученика (въ аттестатѣ) и отправляли за ворота (исключали). Въ училищѣ было до пятисотъ учениковъ; изъ нихъ ежегодно получали титулку человѣкъ сто и болѣе; на смѣну прибывала новая масса изъ деревень (большинство) и городовъ, а черезъ годъ отправлялась за ворота новая сотня. Получившіе титулку дѣлались послушниками, дьячками, сторожами церковными и консисторскими писцами; но на половину шатались безъ опредѣленныхъ занятій по епархіи, не зная, куда дѣться со своими титулками, и не разъ проносилась грозная вѣсть, что всѣхъ безмѣстныхъ будутъ верстать въ солдаты. Теперь понятно, какимъ образомъ поддерживался училищный комплектъ, и понятно, отчего это въ темномъ и грязномъ классѣ мы встрѣчаемъ наполовину сильно взрослыхъ.

На дворѣ слякоть и рѣзкій вѣтеръ. Ученики и не думаютъ идти на дворъ. Съ перваго взгляда замѣтно, что ихъ въ огромномъ классѣ болѣе ста человѣкъ. Какое разнохарактерное населеніе класса, какая смѣсь одеждъ и лицъ!.. Есть двадцатичетырехгодовалые, есть

и двадцати лѣтъ. Ученики раздробились на множество кучекъ; идутъ игры—оригинальныя, какъ и все оригинально въ бурсѣ; нѣкоторые ходятъ въ одиночку, нѣкоторые спятъ, несмотря на шумъ, не только на полу, но и по партамъ, надъ головами товарищей. Стонъ стоитъ въ классѣ отъ голосовъ.

Большая часть лицъ, которыя встрѣтятся въ нашемъ очеркѣ, будутъ носить тѣ клички, которыми нарекли ихъ въ товариществѣ, напримѣръ, Митаха, Элпаха, Тавля, Шестиухая-Чабря, Хорь, Плюнь, Омега, Ерракокста, Катька и т. п., но этого не можемъ сдѣлать съ Семеновымъ: бурсаки дали ему прозвище, какого не пропуститъ никакая цензура — крайне неприличное.

Семеновъ былъ мальчикъ хорошенькій, лѣтъ шестнадцати. Сынъ городского священника, онъ держитъ себя прилично, одѣтъ чистенько; сразу видно, что училище не успѣло стереть съ него окончательно слѣдовъ домашней жизни. Семеновъ чувствуетъ, что онъ городской, а на городскихъ товарищество смотрѣло презрительно, называло бабами; они любятъ маменекъ да маменькины булочки и пряники, не умѣютъ драться, трусятъ розги, народъ безсильный и состоящій подъ покровительствомъ начальства. Для товарищества рѣдкій городской составлялъ исключеніе изъ этого правила. Странно было лицо у Семенова — никакъ не разгадать его: грустно и въ то же время хитро; боязнь къ товарищамъ смѣшана съ затаенной ненавистью. Ему теперь скучно, и онъ, шатаясь изъ угла въ уголъ, не знаетъ, чѣмъ развлечься. Онъ усиливается удержать себя вдали отъ товарищей, въ одиночку; но всѣ составили партіи, играютъ въ разныя игры, поютъ пѣсни, разговариваютъ; и ему захотѣлось раздѣлить съ кѣмъ-нибудь досугъ

свой. Онъ подошелъ къ играющимъ въ камешки и робко проговорилъ:

— Братцы, примите меня.

— Гусь свиньѣ не товарищъ, отвѣчали ему.

— Этого не хочешь ли?—проговорилъ другой, подставивъ подъ самый носъ его сытый свой кукишъ съ большимъ грязнымъ ногтемъ на большомъ пальцѣ.

— Пока по шеѣ не попало, убирайся!—прибавилъ третій.

Семеновъ отошелъ уныло въ сторону; но на него не произвели особеннаго впечатлѣнія слова товарищей. Онъ точно давно привыкъ и отерпѣлся съ грубымъ обращеніемъ.

— Господа, съ пылу горячихъ!

— Кому, Тавля?—отозвались голоса.

— Гороблагодатскому.

Семеновъ вмѣстѣ съ другими направился къ столу, около котораго тоже шла игра въ камешки между двумя великовозрастными, при чемъ Гороблагодатскій былъ второй силачъ въ классѣ, а Тавля—четвертый. Лица, окружавшія игроковъ, пріятно оскаблялись, ожидая увеселительнаго зрѣлища.

— Ну!—сказалъ Тавля.

Гороблагодатскій положилъ на столъ руку, растопыривъ на ней пальцы. Тавля размѣстилъ на рукѣ его пять небольшихъ камней самымъ неудобнымъ образомъ.

— Валяй,—сказалъ онъ.

Тотъ вскинулъ кверху камни и поймалъ изъ нихъ только три.

— За два!—подхватили окружающіе.

— Пиши, братъ, къ родителямъ письма,—прибавилъ Тавля съ своей стороны.

Гороблагодатскій, ничего не отвѣчая, положилъ лѣвую руку на столъ. Тавля кинулъ камень въ воздухъ, во

время его полета успѣлъ съ страшной силой щипнуть руку Гороблагодатскаго и опять поймалъ камень.

Толпа захохотала.

Игра въ камешки, вѣроятно, всѣмъ извѣстна, но въ училищѣ она имѣла оригинальныя дополненія: здѣсь она со щипчиками, и при томъ щипчиками холодненькими, тепленькими, горяченькими и съ пылу горячими, которые доставались проигравшему. Безъ щипковъ играла самая молодая, самая зеленая приходчина, а при щипчикахъ „съ пылу горячихъ“ присутствуетъ теперь читатель.

Между тѣмъ матка (главный камень) летала въ воздухѣ, а Тавля своими здоровенными руками скручивалъ кожу на рукѣ партнера и дергалъ ее съ ожесточеніемъ. Послѣ двадцати щипчиковъ рука сильно покраснѣла; послѣ пятидесяти появилась синева.

— Любо ли?—спрашиваетъ Тавля, заглядывая ему въ глаза.

Противникъ молчитъ.

— Любо ли?

Опять отвѣта нѣтъ.

— Взъерепень, взъерепень его! — говорятъ окружающіе.

— Заплачь, такъ прощу!—говоритъ Тавля.

— Смотри, чтобы самому плакать не пришлось! — отвѣтилъ Гороблагодатскій. Здоровый дѣтина выносилъ сильную боль въ рукѣ, но только мрачный взглядъ обнаруживалъ что онъ чувствуетъ.

— Что, дядя, больно?

Тавля далъ такого щипка, что Гороблагодатскій невольно стиснулъ зубы. Всѣ захохотали.

— Живота, аль смерти?

Сильный щипокъ повторился при хохотѣ зрителей. Въ

этомъ хохотѣ не слышалось злорадованья или непріязненной насмѣшки; товарищи видѣли во всемъ только комическую сторону. Одинъ лишь Семеновъ улыбался какъ-то особенно, его удовольствіе не походило на удовольствіе другихъ; и дѣйствительно, онъ затаенно повторялъ въ душѣ:

„Такъ и надо, такъ и надо!“

Дошло до ста...

— Ну, чортъ съ тобой!—заключилъ наконецъ Тавля.

Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Тавлю и рѣшился на игру съ нимъ въ надеждѣ остаться побѣдителемъ и задать ему болѣе, чѣмъ въ пылу горячихъ. Оба они были второкурсные. Каждое учебное заведеніе имѣетъ свои преданія. Аборигены училища, насильно посаженные за книгу, образовали изъ себя товарищество, которое стало во враждебное отношеніе къ начальству и завѣщало своимъ потомкамъ ненависть къ нему. Начальство, съ своей стороны, также стало во враждебныя отношенія къ товариществу и, чтобы сдерживать его въ границахъ училищной инструкціи (кодексъ правилъ для поведенія и ученія), изобрѣло цѣлую бурсацко-бюрократическую систему. Зная, что всякое царство, раздѣлъшееся на ся, не устоитъ, оно отдало однихъ товарищей подъ власть другимъ, желая внести въ среду ихъ междоусобіе. Такими властями были: старшіе спальные—изъ второуѣздныхъ; старшіе дежурные—изъ спальныхъ, справляя недѣльную очередь по всему училищу; цензоры—надзирающіе за поведеніемъ въ классѣ; авдиторы—выслушивающіе по утрамъ уроки и отмѣчающіе баллы въ нотатахъ (особой тетради для балловъ), наконецъ послѣдняя власть и едва ли не самая страшная—секундаторъ, ученикъ, который, по приказанію учителя,

сѣкъ своихъ товарищей. Всѣ эти власти выбирались изъ второкурсныхъ. Ученикъ, просидѣвшій за партою два года, за лѣность и малоуспѣшность оставался въ томъ же классѣ еще на два,—этотъ и назывался второкурснымъ. Очень естественно, что такой ученикъ что-нибудь да выносилъ изъ уроковъ учителей и потому больше зналъ, чѣмъ первокурсный; это бралось начальствомъ во вниманіе, и расчетъ былъ вѣренъ: второкурсные, желая удержать власть въ рукахъ, учились усердно и большинство изъ нихъ заняло первыя мѣста, потому что не бездарность, а лѣнь дѣлала ихъ второкурсными. Вотъ основы училищной бюрократіи, при помощи которой начальство хотѣло разрушить товарищество.

Изо всего этого вышла одна гадость. Къ второкурснымъ было полное довѣріе начальства: жалоба на нихъ была оскорбленіемъ для смотрителя и инспектора; деспотизмъ ихъ развился въ высшей степени, и ничто такъ не оподляетъ духъ учебнаго заведенія, какъ власть товарища надъ товарищемъ; цензоры, авдиторы, старшіе и сѣкундаторы получили полную возможность дѣлать что угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то въ родѣ царька въ своемъ царствѣ, авдиторы составляли придворный штатъ, а второкурсные—аристократію. При томъ второкурсные, просидѣвъ лишнихъ два года, понятно, дѣлались взрослыми, а потому и физическая сила была на ихъ сторонѣ. Наконецъ, по той же причинѣ они знали обряды и формы своего класса, характеръ учителей, умѣнье надувать ихъ. Новичокъ безъ помощи второкурснаго не умѣлъ ступить ни шагу. Начальство, вводя такой деспотизмъ, думало, что оно поселитъ въ товариществѣ ябеду и доносъ. Случилось совсѣмъ не то: при училищномъ второкурсіи только народились въ товариществѣ такія отвратительныя гадины, какъ Тавля, и такіе дикіе харак-

теры, какъ Гороблагодатскій. Они ненавидѣли другъ друга, потому что воспользовались данною имъ властью для разныхъ цѣлей. Тавлю ненавидѣли и другіе силачи— Лашезинъ и Бенелявдовъ; его всѣ ненавидѣли и презирали.

Тавля, въ качествѣ второкурснаго авдитора, при томъ въ качествѣ силача, былъ нестерпимый взяточникъ, бралъ съ подчиненныхъ деньгами, булкой, порціями говядины, бумагой, книгами. Ко всему этому Тавля былъ ростовщикъ. Ростъ въ училищѣ, при нелѣпомъ его педагогическомъ устройствѣ, былъ безсовѣстенъ, наглъ и жестокъ. Въ такихъ размѣрахъ онъ нигдѣ и никогда не былъ и не будетъ. Вовсе не рѣдкость, а, напротивъ, норма, когда десять копеекъ, взятыя на недѣльный срокъ, оплачивались пятнадцатью копейками, т. е., по общепринятому займу на годъ, это выйдетъ двадцать пять разъ капиталъ на капиталъ. При этомъ должно замѣтить, если должникъ не приносилъ, по условію, долга черезъ недѣлю, то черезъ слѣдующую недѣлю, онъ обязанъ былъ принести вмѣсто пятнадцати двадцать копеекъ. Такой ростъ неизвѣстно съ какихъ поръ вошелъ въ обычай бурсы: не одинъ Тавля живодерничалъ, онъ былъ только виднѣе другихъ. Необходимость въ займѣ всегда существовала. Цензоръ или авдиторъ требовали взятки; не дать—бѣда, а денегъ нѣтъ, вотъ и идетъ первокурсный къ своему же товарищу, но ростовщику, согласенъ на какой угодно процентъ, лишь бы избавиться отъ прежестокихъ грядущихъ розгачей. Кредитъ обыкновенно гарантируется кулакомъ либо всегдашнею возможностью нагадить должнику, потому что рисковали на ростъ только второкурсники. Надо замѣтить что большая часть тягостей въ этомъ отношеніи падала на городскихъ, потому что они

каждое воскресенье ходили домой и приносили съ собой деньжонки; поэтому на городскихъ налегали всѣ, хотя и изъ нихъ считался уже богачемъ, кто получалъ на недѣлю какой-нибудь гривенникъ. Поэтому многіе были въ неоплатномъ долгу и нерѣдко состояли въ бѣгахъ. Пошлая, гнилая и развратная натура Тавли проявилась вся при деспотизмѣ второкурсія. Онъ жилъ бариномъ, никого знать не хотѣлъ; ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ не встанетъ для того, чтобы напиться воды, а кричитъ: „эй, Катька, пить!“ Подъ-авдиторные чесали ему пятки, а не то велитъ взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту поганую голову отъ перхоти, которая почему-то называлась плотью; заставлялъ говорить ему сказки, да непремѣнно страшныя, а не страшно, такъ отдуетъ, да и чѣмъ только при сугубомъ развратѣ Тавли не служили для него подъавдиторные! При всемъ этомъ онъ былъ жестокъ съ тѣми кто служилъ ему.—„Хочешь, говоритъ, Катька, р я б ч и к а съѣстъ?“ и начинаетъ щипать подчиненнаго за волоса.—„Тебя маменька вотъ такъ гладила по головкѣ; постой же, я покажу, какъ папенька гладитъ“; послѣ этого, уставивъ палецъ противъ ш е р с т и (волосъ), онъ плотно проводилъ имъ отъ начала лба и до конца затылка.—„Видалъ ли ты Москву?“ спрашиваетъ онъ ученика и прикладываетъ свои широкія, плотныя, скверныя ладони къ ушамъ подъавдиторнаго, сжимаетъ между ними голову его и потомъ, приподнявъ на воздухъ, говоритъ: „Теперь видишь ли Москву? вонъ она!“ Онъ загибаетъ своимъ товарищамъ с а л а з к и, т. е. положитъ ученика на сидѣнье парты, лицомъ вверхъ, поднимаетъ его ноги и гнетъ ихъ къ лицу. Плюнуть въ лицо товарищу, ударить его и всячески изобидѣть составляло потребность его души. Из-

вѣстно было товарищамъ, что онъ однажды добылъ изъ гнѣзда неоперившихся воробьиныхъ птенцовъ, взялъ за тонкія ноги и разорвалъ воробьевъ на части. Меньшинство его ненавидѣло; большинство боялось и ненавидѣло.

Гороблагодатскій былъ сильная, но дикая натура. Второкурсіе отразилось на немъ совершенно иначе, нежели на Тавлѣ. Онъ былъ положительнымъ доказательствомъ, что начальство ошиблось въ расчетѣ, вводя деспотизмъ ученика надъ ученикомъ и черезъ то желая ввести въ товарищество ябеду и доносъ. Товарищество въ самомъ деспотизмѣ нашло себѣ опору. Второкурсные сдѣлались хранителями преданій и, получивъ по наслѣдству ненависть къ начальству, употребляли власть, имъ данную, на то, чтобы гадить тому же начальству. Цензоръ, авдиторы, сѣкундаторъ стали на сторонѣ товарищества, а во главѣ ихъ всѣхъ, въ тотъ курсъ, который описываемъ мы, стоялъ Гороблагодатскій. Пьянство, нюханье табаку, самовластныя отлучки изъ училища, драки и шумъ, разныя нелѣпыя игры—все это было запрещено начальствомъ, и все это нарушилось товариществомъ. Нелѣпая долбня и спартанскія наказанія ожесточали учениковъ, и никого они такъ не ожесточали, какъ Гороблагодатскаго.

Онъ былъ о т п ѣ т ы й.

Отпѣтый характеристиченъ и по внутреннему, и по внѣшнему складу. Онъ ходилъ, заломивъ козырь на шапкѣ, руки накрестъ, правымъ плечомъ впередъ, съ отважнымъ переваломъ съ ноги на ногу, вся его фигура такъ и говоритъ: „хочешь, тресну въ рожу? думаешь, не посмѣю!“—рѣдко даетъ кому дорогу, обойдетъ начальника далеко, чтобы только избѣжать поклона. Гороблагодатскій поддерживаетъ самое неприличное дѣло, если оно относится ко вреду высшихъ властей, о т м а-

чиваетъ дикія штуки. Онъ ревнитель старины и преданій, стоитъ за свободу и вольность бурсака, и, если нужно будетъ, не пощадитъ для этого священнаго дѣла ни репутаціи, ни титулки. Онъ основной столбъ товарищества. Бурсаки съ такими доблестями обыкновенно звались отпѣтыми. Но отпѣтые были разнаго рода; одни изъ нихъ назывались благими: это были дураковатые господа, но держащіеся тѣхъ же принциповъ; другіе назывались отчвалыми: эти были вообще не глупы, но лѣнтяи безшабашные; Гороблагодатскій же былъ отпѣтый башка; онъ шелъ въ первыхъ по ученію и въ послѣднихъ по поведенію. Башка и отчвалый умно гадили начальству, а благой глупо: напримѣръ, вдругъ захохочетъ учителю въ лицо и покажетъ ему кукишъ; вздерутъ благого, а черезъ нѣсколько времени онъ опять выкинетъ какую-нибудь глупую дерзость. Но никто изъ отпѣтыхъ такъ не солилъ начальству, какъ Гороблагодатскій. Если вымазали эконому двери нестерпимой размазней (жидкая гречневая каша), нелюбимому учителю вшей [2]) напустили въ шубу, свиньѣ инспектора переломали ноги или оторвали хвостъ, обокрали погребъ смотрителя, выбили ночью цѣлый рядъ стеколъ—все это были дѣла Гороблагодатскаго, который смѣло велъ за собою на пакость начальству благихъ и отчвалыхъ. Когда требовалось устроить стачку противъ начальства, то опять коноводомъ былъ Гороблагодатскій: подъ его

---

[1]) Этихъ насѣкомыхъ было огромное количество въ бурсѣ. Не повѣрятъ, что одинъ ученикъ былъ почти съѣденъ ими: онъ служилъ какимъ-то огромнымъ гнѣздомъ для паразитовъ: цѣлыя стада на виду ходили въ его нестриженой и нечесаной головѣ: когда однажды сняли съ него рубашку и вынесли ее на снѣгъ, то снѣгъ зачернѣлся отъ нихъ. Вообще неопрятность бурсы была поразительна; золотуха, чесотка и грязь ѣли тѣло бурсака.

вліяніемъ отпѣтые настраивали недавно сѣченыхъ и вообще недовольныхъ; эти волнуютъ весь классъ, самые смиренные и кроткіе начинаютъ шумѣть и грозить, товарищество возбуждено—и зрѣетъ бурсацкій скандалъ, который на мѣстномъ языкѣ называется бунтомъ. Протестанты напередъ знаютъ, что они ничего не добьются отъ начальства: если, напримѣръ, ихъ кормили убоиной, похожей на падаль, то они увѣрены, что и послѣ возмущенія будутъ ѣсть ту же убоину; но они по крайней мѣрѣ гнѣвъ сорвутъ, а тамъ пори себѣ десятаго.

Гороблагодатскому, какъ отпѣтому, часто доставалось отъ начальства; въ продолженіе семи лѣтъ онъ былъ сѣченъ разъ триста и безконечное число разъ подвергался другимъ разнообразнымъ наказаніямъ бурсы; но во всякомъ случаѣ, должно сказать, что его все-таки мало сѣкли: за его разныя продѣлки ему слѣдовало бы подвергнуться наказаніямъ по крайней мѣрѣ въ пять разъ болѣе, но онъ былъ ловокъ и хитеръ. Въ бурсѣ отпѣтыми было изобрѣтено много способовъ, чтобы надувать начальство. Особенно замѣчателенъ былъ пріемъ подъ названіемъ—пустить въ круговую. Напримѣръ, отниметъ табакерку у А; А говоритъ, что она не его, а В; В ссылается на Д, Д на А, А опять на В—вотъ и круговая: разыщите, чья табакерка. Въ круговую вводилось человѣкъ тридцать, и тогда самъ Соломонъ не разберетъ, кого слѣдуетъ выпороть. При бунтахъ всегда прибѣгали къ круговой.—„Ты зачѣмъ кричалъ во время класса?“—Меня научилъ такой-то.—„А ты зачѣмъ?“—Тотъ ссылается на другого, и пошла коловоротица, въ которой самъ чортъ ногу сломитъ. Надуть товарищество считалось преступленіемъ, надуть начальство—подвигомъ и добродѣтелью. Случалось, что сѣкли не того, кого слѣдуетъ, но наказываемый рѣдко выдавалъ виноватаго.

Добровольное сознаніе въ проступкѣ ученики признавали за пошлость и трусость; напротивъ, кто больше и наглѣе лгалъ передъ начальникомъ, безсовѣстно запирался, путалъ дѣло мастерски, божился и клялся на чемъ свѣтъ стоитъ, тотъ высоко стоялъ въ глазахъ бурсацкой общины. Но и въ этомъ отношеніи Гороблагодатскій стоялъ выше всѣхъ; послѣ долгой практики въ скандалахъ разнаго рода онъ навыкъ въ самомъ изворотливомъ запирательствѣ. Другіе только не сознавались въ проступкѣ, а онъ съ самоувѣренной дерзостью, глядя прямо въ глаза начальству, огрызался, и въ то время такая оскорбленная невинность была написана на его лицѣ, что опытный физіономистъ и психологъ сбился бы съ толку. Онъ входилъ до того въ роль невиннаго, что самъ считалъ себя невиннымъ и подъ лозами никогда не сознавался. Все, что исходило отъ начальства, онъ презиралъ и ставилъ ни во что: поэтому розги, оплеухи, лишенія обѣда, стоянья на колѣняхъ, земные поклоны и т. п. для него положительно не имѣли никакого моральнаго значенія. Наказаніе было до такой степени дѣло не позорное, лишенное смысла и полное только боли и крика, что Гороблагодатскій, сѣченный публично въ столовой, предъ лицомъ пятисотъ человѣкъ, не только не стѣснялся сразу же послѣ порки явиться передъ товарищами, но даже похвалялся передъ ними. Полное безстыдство предъ начальнической розгой создало мѣстную поговорку: не рѣпу сѣютъ, а сѣкутъ только. Да чего лучше: сѣкундаторъ, товарищъ, сѣкущій своихъ товарищей, уважаемъ и любимъ былъ ими, потому что и онъ служилъ въ ихъ видахъ: искусный въ своемъ дѣлѣ, онъ сильно дралъ своихъ товарищей и свистѣли лозы по воздуху, когда подъ ними лежала добрая голова. Гороблагодатскаго много сѣкли; случа-

лось ему вкушать даже до ста ударовъ, и потому онъ переносилъ розги легче, нежели его товарищи, вслѣдствіе чего съ абсолютнымъ презрѣніемъ относился съ какому бы то ни было наказанію. Ставили его колѣнями на покатой доскѣ парты, на выдающееся ребро ея, заставляли въ двухъ шубахъ волчьихъ дѣлать до двухсотъ земныхъ поклоновъ, приговаривали держать въ поднятой рукѣ, не опуская ее, тяжелый камень по получасу и болѣе (нечего сказать, изобрѣтательно было начальство), жарили его линейками, били по щекамъ, посыпали сѣченое тѣло солью (вѣрьте, что это фактъ)—все онъ переносилъ спартански; лицо его дѣлалось послѣ наказанья свирѣпо и дико, а на душѣ копилась ненависть къ начальству. Мы видѣли въ Гороблагодатскомъ переносчивость физической боли, когда Тавля задавалъ ему съ пылу горячихъ.

Но кража, сплетня, порча чужихъ вещей и всякая гадость не считались пороками только относительно начальства, а въ себѣ самомъ товарищество было честно, и съ этой стороны Гороблагодатскій является въ новомъ свѣтѣ. Онъ не взялъ ни одной взятки, безпристрастно и справедливо отмѣчалъ подъавдиторнымъ баллы, не куражился надъ ними, часто защищалъ слабосильныхъ, любилъ вмѣшиваться въ ссоры, и хотя деспотически, но всегда справедливо рѣшалъ ихъ; онъ постоянно солилъ ростовщикамъ и взяточникамъ. Товарищество его любило и уважало.

Мы сказали, что Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Тавлю за его гнусную натуру; но онъ съ нимъ играетъ въ камешки; ему хочется выиграть и помучить Тавлю.

Кончивъ щипчики, Тавля предложилъ лукаво:

— Не хочешь ли еще?

Тавля отлично игралъ въ камешки и надѣялся на себя.

— Давай!—упорно отвѣтитъ Гороблагодатскій.

Камни опять защелкали.

Семеновъ издали наблюдалъ за игроками. Семеновъ былъ третій типъ училищный, созданный тою же бурсацкою администраціею. Товарищество сегодня огласило его фискаломъ.

Начальство понимало, что черезъ свое педагогическое устройство бурсы оно не достигло цѣли, но вмѣсто того, чтобы отказаться отъ училищныхъ порядковъ, оно пошло по пути нелѣпостей далѣе. Явилось новое должностное лицо—фискалъ, который тайно сообщаетъ начальству все, что дѣлалось въ товариществѣ. Понятно, какую ненависть питали ученики къ наушнику; и дѣйствительно, требовался громадный запасъ подлости, чтобы рѣшиться на фискальство. Способные и прилежные ученики не наушничали никогда, они и безъ того занимали видное мѣсто въ спискѣ; тайными доносчиками всегда были люди бездарные и подловатенькіе трусы; за низкую послугу начальство переводило ихъ изъ класса въ классъ, какъ дѣльныхъ учениковъ. Но мы сказали, что товарищество само въ себѣ было честно и потому не уважало тѣхъ учениковъ, которые, за взятку начальству, по родственнымъ связямъ, по протекціи, а тѣмъ болѣе за фискальство, занимали не свое мѣсто въ спискѣ. Кромѣ того, ученики вполнѣ справедливо были увѣрены, что наушникъ переносилъ не только то, что въ самомъ дѣлѣ было въ товариществѣ, но и клеветалъ на нихъ, потому что фискалъ долженъ былъ всячески доказать свое усердіе къ начальству. Но когда онъ передавалъ инспектору или смотрителю даже правду, и тогда онъ возбуждалъ въ классѣ ненависть

и злобу: напримѣръ, дѣти собираются устроить попойку, оторвать хвостъ экономской свиньѣ, улизнуть къ знакомой прачкѣ или чѣмъ инымъ развлечься, и вдругъ инспекторъ, предувѣдомленный заранѣе, вмѣсто развлеченія, дралъ ихъ не на животъ, а на смерть. Правда, въ большинствѣ случаевъ, при непобѣдимомъ упорствѣ бурсаковъ, доносы не вели къ наказанію, но начальство изъ доносовъ все-таки умѣло сдѣлать полезное для себя употребленіе. Какъ объяснить, отчего инспекторъ за одинаковое преступленіе двоихъ учениковъ наказывалъ неодинаково? Это большею частью объяснялось тѣмъ, что на ученика сильно наказаннаго были доносы отъ фискаловъ. Начальство особенно не терпѣло тѣхъ лицъ, которыя ненавидѣли и преслѣдовали наушниковъ. Вся ябеда, добытая черезъ наушниковъ, вносилась въ черную книгу. Эта книга имѣла огромное значеніе при переводѣ изъ класса въ классъ: тогда многимъ неожиданно вручались волчьи паспорты; это тѣ же титулки, только съ отмѣткою въ нихъ о дурномъ поведеніи: такія титулки объяснялись единственно черною книгою.

Семеновъ чувствовалъ, но страшно вѣрить ему было, что товарищество догадалось, что онъ фискалъ. Онъ ясно замѣтилъ, что съ нимъ никто не хочетъ слова сказать, а первой мѣрой противъ наушника было молчаніе: цѣлый классъ, а иногда все училище соглашалось не говорить ни слова, исключая брани, съ фискаломъ. Положеніе ужасное: жить цѣлыя недѣли среди живыхъ людей и не услышать ни одного привѣтливаго звука, видѣть на всѣхъ лицахъ отталкивающее презрѣніе и отвращеніе, вполнѣ быть увѣрену, что никто ни въ чемъ не поможетъ, а напротивъ, съ радостью сдѣлаетъ зло... И дѣйствительно, фискалъ становится

въ товариществѣ внѣ покровительства всякихъ законовъ: на него клеветали, подводили подъ наказанія, крали и ломали его вещи, рвали одежду и книги, били его и мучили. Иное поведеніе относительно фискала считалось безчестнымъ.

Но начальство все-таки напрасно развратило навѣки нѣсколько десятковъ человѣкъ, сдѣлавъ изъ нихъ наушниковъ: училищная жизнь развивалась въ своихъ нелѣпыхъ формахъ, и товарищество дѣлало, что хотѣло.

Семеновъ, смотря на играющихъ въ камешки, злорадостно усмѣхнулся.

— Съ пылу горячіе!—закричалъ Гороблагодатскій.

Въ его голосѣ было что-то зловѣщее. Тавля струсилъ и поблѣднѣлъ на минуту. Около стола опять толпа. Опять камень летаетъ въ воздухѣ, но теперь Тавлина рука лежитъ на столѣ; напрасно онъ понадѣялся на себя: Гороблагодатскій въ одинъ пріемъ взялъ всѣ восемь коновъ, а Тавля срѣзался на пятомъ...

— Конца не будетъ!—сказалъ сурово Гороблагодатскій.

Тавля видимо струсилъ. Окружающіе не смѣялись: они видѣли, что дѣло идетъ не на шутку, что Гороблагодатскій мститъ.

Дошло до ста. Отъ здоровенныхъ щипчиковъ вспухла рука Тавли. Онъ выносилъ страшную боль, наконецъ, не вытерпѣлъ и проговорилъ просительно:

— Да ну, полно же!..

— Послѣ двухсотъ проси пощады,—отвѣчалъ Гороблагодатскій.

— Вѣдь больно!..

— Еще больнѣе будетъ.

На сто семидесятомъ щипкѣ у Тавли рука покрылась темно-синимъ цвѣтомъ. Онъ чувствовалъ ломъ до самаго плеча...

— Довольно же, Ваня... что же это будетъ?

Гороблагодатскій, вмѣсто отвѣта, съ ожесточеніемъ щипнулъ Тавлю.

Тавля зналъ, что слово Гороблагодатскаго ненарушимо, однако онъ ощущалъ до того сильную боль во всей рукѣ, что не могъ не просить:

— Оставь... Вѣдь натѣшился.

— Скажи только слово, еще двѣсти закачу!..

Гороблагодатскій далъ щипокъ, болѣе чѣмъ съ пылу горячій. Тавля не вынесъ: по щекамъ его потекли слезы.

Наконецъ двѣсти.

— Теперь прощенья проси!

Какъ ни больно Тавлѣ, а стыдно прощенья просить.

— Да ну, оставь же!

— Зачѣмъ насмѣхался давеча?

— Такъ то вѣдь шутка!

— Такъ ты смѣешь, животное, надо мной шутить?

Жестоко щипнулъ онъ Тавлю.

— Ну, прости меня, Ваня...

Гороблагодатскому точно жаль было прекратить мученія ненавистнаго для него Тавли. Онъ собралъ всѣ силы, и отъ послѣдняго щипка рука Тавли почернѣла.

— Будетъ съ тебя. Сытъ ли?..—спросилъ Гороблагодатскій.

Лишь только освободился Тавля, страхъ въ душѣ его смѣнился бѣшенствомъ и злостью.

— Подлецъ!—проговорилъ онъ.

— Слышь, не задѣвай! въ зубы съѣзжу!

— Ты?

— Я. А вотъ и харя, съѣзди,—сказалъ Гороблагодатскій, подставляя свое лицо...

Тавля забылся въ бѣшенствѣ и залѣпилъ оглуши-

тельную плюху своему врагу, но въ отвѣтъ получилъ еще здоровѣйшую. Завязалась драка...

„Такъ и надо, такъ и надо!..“ шевелилось въ душѣ Семенова...

Тавля такъ ошалѣлъ отъ злости, что, несмотря на истерзанную свою руку, не уступалъ Гороблагодатскому, хотя тотъ былъ сильнѣе его. Злость до того охмелила Тавлю и увеличила его силы, что трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ осталась побѣда... Гороблагодатскій затаилъ и эту обиду въ душѣ.

Гороблагодатскій послѣ драки пошелъ къ ведру напиться; на дорогѣ ему попался Семеновъ. Онъ далъ Семенову затрещину и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ свой путь. Семеновъ со злостью посмотрѣлъ на него, но не смѣлъ пикнуть слова.

Постоявъ немного посреди класса, Семеновъ сталъ безцѣльно шляться изъ угла въ уголъ и между партами, останавливаясь то здѣсь, то тамъ.

Посмотрѣлъ онъ, какъ играютъ въ чехарду—игра вѣроятно всѣмъ извѣстная, а потому и не будемъ ее описывать. Въ другомъ мѣстѣ два парня ломали пряники, то-есть, вставъ спинами одинъ къ другому и сцѣпившись руками около локтей, поочередно взваливали себѣ на спину другъ друга; это дѣлалось быстро, отъ чего составлялась изъ двухъ лицъ одна качающаяся фигура. У печки сѣкундаторъ, по прозванію Супина, учился своему мастерству; въ рукахъ его отличныя лозы; онъ помахивалъ ими и выстегивалъ въ воздухѣ полосы, которыя должны будутъ лечь на тѣло его товарища. На третьей партѣ играли въ швычки: эта деликатная игра состоитъ въ томъ, что одному игроку закрываютъ глаза, наклоняютъ голову и сыплютъ въ голову щелчки, а онъ долженъ угадать, кто его уда-

рилъ; не угадалъ—опять ложись: угадалъ—на смѣну его ляжетъ угаданный. Семеновъ увидѣлъ, какъ его товарищу пустили въ голову цѣлый рядъ швычковъ и какъ тотъ, вставая, хватился руками за голову.

„Такъ и надо!“ повторилъ онъ въ душѣ и пошелъ къ пятой партѣ.

Тамъ одна партія дулась въ три листика, а другая въ носки: извѣстная игра въ карты, въ которой проигравшему бьютъ по носу колодой картъ.

Семеновъ перешелъ къ седьмой партѣ и полюбовался, какъ шесть нахаживали. Эти шестеро, взявшись руками за парту, качались взадъ и впередъ.

На слѣдующей партѣ Митаха выдѣлывалъ богородиченъ на швычкахъ, т. е. онъ пѣлъ благимъ гласомъ „Всемірную славу“ и въ тактъ пощелкивалъ пальцами. Тутъ же Ерундія (прозвище) игралъ на белендрясахъ, перебирая свои жирныя губы, которыя, шлепаясь одна о другую, по мѣстному выраженію, белендрясили. Третій артистъ старался возможно быстро выговаривать: „подъ потолкомъ полкомъ полколпака гороху“, „нашего пономаря не перепономаривать стать“, „сыворотка изъ-подъ простокваши“.

Наконецъ Семеновъ пробрался до стѣны. Здѣсь Омега и Шестиухая-Чабря играли въ плевки. Оба старались какъ можно выше плюнуть въ стѣну. Игра шла на смазь. Шестиухая-Чабря плюнулъ выше.

— Подставляй!—сказалъ онъ, расправляя въ воздухѣ свою пятерню.

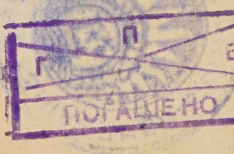
Омега выпятилъ свою лупетку (лицо).

— Надувайся!—сказалъ Чабря.

Омега надулъ щеки.

— Шире бери!

Омега до того надулся, что покраснѣлъ



— Верховая,—началъ Чабря, прикладывая свою руку ко лбу Омеги, — низовая, — прикладывая къ подбородку,—двѣ боковыхъ,—прикладывая къ одной и другой щекѣ.—Надувайся!

Омега надулся.

— И всеобщая! — торжественно воскликнулъ Шестипухая-Чабря.

Послѣ этого онъ забралъ лицо Омеги въ пясть, такъ что оно между пальцами проступило жирными и лоснящимися складками, и трясъ его за упитанныя мордасы и кверху, и книзу.

Семенову было скучно. Онъ не зналъ, что дѣлать...

— Леденцовъ, пряниковъ! Пряниковъ, леденчиковъ!

Это былъ голосъ Элпахи, который обыкновенно торговалъ пряниками и леденцами, отъ чего получалъ не малую выгоду, потому что покупалъ фунтами, а продавалъ по мелочи.

Семеновъ очутился около него.

— На сколько?—спросилъ его Элпаха, оглядываясь вокругъ и около, потому что товарищество запрещало говорить съ Семеновымъ, но купецкая корысть Элпахи взяла свое.

— На пять копеекъ.

— Деньги?

— Вотъ!

— Держись.

— Что жъ ты обсосанныхъ даешь?

— Лучшій сортъ.

— Перемѣни, Элпаха.

— Леденчиковъ, пряниковъ!—закричалъ Элпаха, отворачиваясь въ сторону.

Семеновъ, держа на ладони, разсматривалъ леденцы, не зная, съѣсть ихъ или бросить, и уже рѣшился съѣсть,

какъ кто-то сзади подкрался, схватилъ съ руки лакомство и быстро скрылся. Семеновъ со злобой посмотрѣлъ на товарищей, но безсильна была его злоба и въ то же время одурь брала его отъ скуки.

— Давай играть въ костяжки,—сказалъ ему Хорь.

Семеновъ самъ удивился, что съ нимъ заговорилъ товарищъ.

Онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на Хоря.

— Что глядѣлки-то пучишь? не бойся.

— Надуешь...

— Ну, вотъ, дуракъ... что ты!

— Побожись.

— Ей Богу, вотъ-те Христосъ!

— Право, не надуешь?

— Побожился, чего жъ тебѣ еще?

— Ну, ладно,—отвѣтилъ Семеновъ, отъ души обрадовавшись, что съ нимъ заговорило живое существо, хоть это живое существо и было Хорь.

Въ училищѣ была своя монета — костяжки отъ брюкъ, жилетовъ и сюртуковъ. За единицу принималась однодырочная костяжка; двѣ однодырочныхъ равнялись четырехдырочной или парѣ; пять паръ — кучѣ или грошу, пять кучъ — великой кучѣ. Костяжки имѣли цѣну, опредѣленную разъ навсегда, и во всякое время за пять паръ можно было получить грошъ. Огромное количество костяной монеты обращалось въ бурсѣ. Ею платили при игрѣ въ юлу и въ четъ-нечетъ. Бывали владѣтели сотни великихъ кучъ и болѣе; ихъ можно узнать по тому, что они всегда держатъ руку въ карманѣ и роются тамъ въ костяномъ богатствѣ. Употребленіе костяной монеты породило особаго рода промышленниковъ, которые по ночамъ обрѣзывали костяжки на одеждѣ товарищей или

дѣлали это во время классовъ, подъ партами, спарывая бурсацкую монету сзади сюртуковъ.

Хорь былъ одинъ изъ такихъ промышленниковъ. У Хоря ничего не было своего—все казенное, и если бы не казна, вы увидѣли бы въ лицѣ его возможность на Руси совершенно голаго человѣка. У него почти никогда не водилось денегъ. Въ продолженіе семи лѣтъ у него не перебывало и семи рублей, такъ что настоящая монета для него была менѣе дѣйствительна, чѣмъ костяжки. Это былъ нищій второуѣзднаго класса, и мастеръ же онъ былъ к а л ь я ч и т ь. Узнавъ, что у товарища есть булка или какое-нибудь лакомство, онъ приставалъ къ нему какъ съ ножомъ къ горлу, канючилъ и выпрашивалъ до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ его желаніе. Будучи безъ роду и племени, круглый сирота, онъ безвыходно жилъ въ училищѣ, на каникулы никогда не ѣздилъ и до того втянулся во всѣ формы бурсацкой жизни, что кромѣ ея другой не существовало для него. Только въ каникулярное время посѣщалъ онъ базаръ сосѣдній, рѣку да лѣсъ: здѣсь былъ конецъ его свѣта. Учиться Хорь терпѣть не могъ, но учился, потому что не могъ терпѣть и розги: изъ двухъ золъ (а бурсацкое ученье—зло) приходилось выбирать меньшее. Онъ былъ страстный игрокъ въ костяжки; но наживши кое-какъ великую кучу, онъ либо вымѣнивалъ ее на деньги и проѣдалъ ихъ съ жадностью нищаго, либо опять проигрывалъ, потому что игралъ не совсѣмъ счастливо. погда съ перочиннымъ ножомъ онъ промышлялъ подъ партами, либо по ночамъ подъ подушками товарищей, куда ученики прятали свою одежду. У одного товарища такимъ образомъ онъ споролъ съ одежды всѣ костяжки, такъ что не на что было застегнуться—все валилось долой, хоть умирай. Однажды Бенелявдовъ, первый си-

лачъ класса, во время урока, при учителѣ, поймалъ его за волоса подъ партой и задалъ ему волосянку. Просить пощады нельзя было, замѣтитъ учитель. Послѣ долго смѣялись надъ Хоремъ, говоря, что у него волоса распухли. Теперь у Хоря только и было полпары, то-есть однодырочная.

— Четъ аль нечетъ?—спросилъ онъ, заглядывая.

— Пусть нечетъ, — отвѣчалъ Семеновъ.

— Твое. Теперь ты.

Семеновъ загадалъ, но лишь только открылъ онъ ладонь, чтобы сосчитать, вѣрно-ли Хорь сказалъ „нечетъ", какъ хищный Хорь схватилъ костяжки и спряталъ ихъ къ себѣ въ карманъ.

— Что же это, Хорь?—говорилъ Семеновъ.

— Я тебѣ Хорь?.. а въ ухо хочешь?

— Оплетохомъ, — сказалъ одинъ изъ товарищей.

— Беззаконновахомъ,— прибавилъ другой.

— И неправдовахомъ,— заключилъ третій.

— Отдай, Хорь; право, отдай.

— Опять Хорь?.. Рожу растворожу, зубы на зубы помножу!

Семеновъ не сталъ болѣе разговаривать. Несчастный отошелъ въ сторону. Нигдѣ не было для него пріюта. Онъ вспомнилъ, что у него въ партѣ есть горбушка съ кашей. Семеновъ хотѣлъ позавтракать, но горбушки не оказалось. Раздраженный постоянными столкновеніями съ товарищами, онъ обратился къ нимъ со словами:

— Господа, это подло, наконецъ!

— Что такое?

— Кто взялъ горбушку?

— Съ кашей?—отвѣчали ему насмѣшливо.

— Стибрили?

— Сбондили?

— Сляпсили?
— Сперли?
— Лафа, братъ!

Всѣ эти слова въ переводѣ съ бурсацкаго на человѣческій языкъ означали: „украли“, а лафа—лихо!

— Комедо!—раздался голосъ Тавли.

— Иду,—было отвѣтомъ.

Семеновъ еще послѣ обѣда подслушалъ, что у Комеды съ Тавлей состоялся странный споръ на пари, и потому поспѣшилъ на голосъ Тавли, забывъ о своей горбушкѣ.

— Готово?—спросилъ Комедо?

— Есть,—отвѣтилъ Тавля и развязалъ узелъ, въ которомъ оказалось шесть трехкопеечныхъ булокъ.

— Сожрешь?

— Сказано.

Толпа любопытныхъ обступила ихъ. Комедо былъ парень лѣтъ девятнадцати, высокаго роста, худощавый, съ старообразнымъ лицомъ, сгорбленный.

— Условія?

— Не стрескаешь—за булки деньги заплати, а стрескаешь—съ меня двадцать копеекъ.

— Давай.

— Смотри, ничего не пить, пока не съѣшь.

Вмѣсто отвѣта Комедо сталъ уплетать бѣлый хлѣбъ, который такъ рѣдко ѣдятъ бурсаки.

— Разъ!—считали въ толпѣ,—два, три, четыре...

— Ну-ка, пятую...

Комедо улыбнулся и съѣлъ пятую.

— Хоть на шестой-то подавись!

Комедо улыбнулся и съѣлъ шестую.

— Прорва!—говорилъ Тавля, отдавая двадцать копеекъ.

— Теперь и напиться можно,—сказалъ Комедо.

Когда онъ напился, его спрашивали:

— А еще можешь съѣсть что-нибудь?

— Хлѣба съ масломъ съѣлъ бы.

Достали ломоть хлѣба и масла достали.

— Ну-ка, попробуй!

Онъ съѣлъ.

— А еще?

— Горбушку съ кашей съѣлъ бы.

Добыли горбушку. Его кормили изъ любопытства. Онъ съѣлъ и горбушку.

Эка тварь!.. Куда это лѣзетъ въ тебя, животина ты этакая? Скотъ! Какъ ты не лопнешь, подлецъ?

— А что брюхо?—спросилъ кто-то.

— Тугое,—отвѣчалъ Комедо, тупо глядя на всѣхъ.

— Очень?

— Пощупай.

Стали брюхо щупать у Комедо.

— Ишь ты, стерва!.. какъ барабанъ!..

— А что, два фунта патоки съѣшь?

— Съѣмъ...

— А четыре миски каши?

— Съѣмъ...

— А пять рѣдекъ?

— А четыре ковша воды выпьешь?

— Не знаю... не пробовалъ... Я спать хочу...

Комедо отправился въ Камчатку. Долго толпа ругала Комеду и стервой, и прорвой, и всячески...

Между тѣмъ Тавля, накормивъ на свой счетъ Комеду, по обыкновенію озлился. Одному изъ первокурсныхъ попала отъ него затрещина, другому онъ загнулъ салазки, третьему сдѣлалъ смазь. Гороблагодатскій видѣлъ это и въ душѣ называлъ Тавлю скотиной. Потомъ Тавля по-

смотрѣлъ на игру въ скоромные. Васенда наводилъ, онъ и выставляетъ руку на партѣ, а Гришкецъ со всего размаху ладонью бьетъ его по рукѣ. Васенда старается отдернуть руку, чтобы Гришкецъ далъ промахъ: тогда уже будетъ подставлять руку Гришкецъ. Это Тавлю не развлекло.

— Не сданутъ ли въ постные?—пробормоталъ онъ.

Онъ сталъ оглядываться, желая узнать, не играютъ ли гдѣ въ постные.

— А, вонъ гдѣ!—сказалъ онъ, отыскавъ то, что требовалось.

Около заднихъ партъ, подлѣ Камчатки, собралось человѣкъ восемь. Одинъ изъ нихъ, положивъ голову на руки, такъ что не могъ видѣть окружающихъ, наводилъ: спина его была открыта и выпячена впередъ. Поднялись надъ спиной руки и съ трескомъ опустились на нее. Къ ударамъ другихъ присоединился и ударъ Тавли. По силѣ удара наводившій догадался, чей онъ былъ...

— Тавля ударилъ,—сказалъ онъ.

Тавля легъ подъ удары.

Гороблагодатскій между тѣмъ направлялся правымъ плечомъ впередъ, по-медвѣжьи, къ той же кучкѣ. Увидѣвъ, что Тавля наводитъ, онъ присоединился къ играющимъ.

Ударили Тавлю.

— Хлестко!—говорили въ толпѣ.

— Ты восчуствуй, дорогая, я за что тебя люблю!

— Кто ударилъ?

— Ты.

— Вали его... вали снова!..

Тавля наклонился...

— Взбутетень его!

— Взбутетень его!

— Чтобъ насквозь прошло!

Трехпудовый ударъ упалъ на спину Тавли.

— Гороблагодатскій ударилъ,—сказалъ Тавля,—едва переводя духъ...

— Растянуть его снова!

Опять повторился ударъ...

— Бенелявдовъ,—указалъ Тавля.

— Вали еще!

— Что жъ, братцы, этакъ убить можно человѣка...

— Зачѣмъ мало каши ѣлъ?

— Жарь ему въ становой!

Опять сильный ударъ, и опять не угадалъ Тавля.

— Что жъ это, братцы?.. убить что ли хотите?

— Значитъ, любимъ тебя,—почитаемъ,—сказалъ Гороблагодатскій.

— Братцы я не лягу... что же такое!.. другихъ такъ не бьютъ...

— Жилить?

— Вздуемъ!

— Морду расквашу!—сказалъ Гороблагодатскій.

— Братцы...

— Ну!—крикнулъ грозно Бенелявдовъ.

— Тавля угадалъ наконецъ... Игроки захохотали, когда онъ сказалъ:

— Я не хочу больше играть.

— Отчего же, душа моя?—спросилъ Гороблагодатскій.

Тавля взглянулъ на него съ ненавистью, но, не сказавъ ни слова, удалился потѣшаться надъ первокурсными... Кучка продолжала игру въ постные. Но вдругъ одинъ изъ играющихъ поднялъ носъ и понюхалъ воздухъ.

— Кто это?—спросилъ онъ.

Поднялись носы и другихъ игроковъ. Потомъ всѣ подозрительно посмотрѣли на Хорька.

— Ей Богу, братцы, не я... вотъ те Христосъ, не я... хоть обыщите...

— Чичеръ!..—провозгласилъ Гороблагодатскій.

Человѣкъ десять вцѣпились Хорьку въ волоса, а одинъ изъ нихъ запѣлъ:

— Чичеръ, учеръ, собирайтесь на-вечеръ; кто не былъ на пиру, тому волосы деру: съ кровью, съ мясомъ, съ печенью, перепеченью. Кочана или пирога?

— Пирога,—пищалъ Хорь...

— Не проси пирога, мука дорога. Чичеръ, ячеръ, собирайтесь на вечеръ; кто не былъ на пиру, тому волосы деру: съ кровью, съ мясомъ, съ печенью, перепеченью... Кочана или пирога?

— Кочана.

Снова почали, и опять пропѣли „чичеръ“...

— Кокъ или вилки въ бокъ?

— Кокъ!—отвѣчалъ истасканный Хорь.

Послѣ этого, отпустивъ въ его голову нѣсколько щелчковъ, отпустили его съ миромъ, говоря:

— Не безчинствуй!..

— Черти этакіе:—отвѣчалъ Хорь,— я въ другой разъ еще не такъ!

Семеновъ, видя, какъ таскали Хоря, шепталъ:

— Такъ и надо, такъ и надо!

Но Гороблагодатскій схватилъ Семенова сзади и положилъ на парту вмѣсто того, кто долженъ былъ наводить; съ другой стороны придержали Семенова за голову. На спину его обрушились жесточайшіе удары. Онъ шатался, когда поднялся. Не его спинѣ было переносить такую тяжесть здоровыхъ ладоней. Осмотрѣлся онъ без-

мысленно кругомъ. Кто билъ? за что? Семеновъ упалъ
а парту и зарыдалъ. Темнѣло въ классѣ; еще нѣсколько
инутъ, и зги не увидишь.

— Братцы,— заговорилъ Семеновъ опомнившись,—
а что вы меня ненавидите?.. всѣ!.. всѣ!..

Голосъ его былъ заглушенъ хоровою пѣсней. Сумерки
азвивались быстро; едва можно разсмотрѣть лица; цвѣ-
а и линіи пропадаютъ въ воздухѣ, остаются одни звуки.

Семеновъ пробрался къ окну и съ гнетущей тоской и
лобой на сердцѣ смотрѣлъ на непривѣтливый дворъ въ
епроглядную тьму зимняго сквернаго вечера. Припом-
илась ему родная семья. Отецъ уже давно всталъ отъ
ослѣобѣденнаго сна; добрая мать, которой онъ былъ
юбимцемъ, вноситъ теперь самоваръ въ гостиную;
ратъ и двѣ сестренки уже около стола, щебечутъ и
мѣются; звенятъ чайныя ложки и блюдца, и легкій
аръ идетъ отъ живительной влаги. „Домой бы теперь!“...
нъ закрылъ лицо руками, прислонился къ стеклу и
пять зарыдалъ... Но вдругъ плачъ его пресѣкся...
жасъ напалъ на него, и онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.
трашна такая жизнь, какую онъ испыталъ сегодня. Онъ
абылъ физическую боль тѣла, лишь только въ груди
алегло что-то и мѣшало дышать. Отупѣлъ онъ отъ
траха, и неотразимо ясно представилось ему: „Отвер-
енецъ!.. тебя всѣ ненавидятъ! и даже предвидѣть
ельзя, что съ тобой сдѣлаютъ! быть можетъ, сейчасъ
ударятъ въ спину, вырвутъ клокъ волосъ изъ головы,
люнутъ въ лицо“... Въ классѣ совершенно темно по-
ому что начальство изъ экономическаго расчета зажи-
ало лампу только въ часъ занятій. Въ этой темнотѣ
огутъ сдѣлать съ нимъ что угодно, и не узнаешь, кто
адъ тобой сорветъ гнѣвъ свой и отомститъ за товари-
ество. „Не буду больше“, прошепталъ онъ, и не было

тѣни злобы въ его душѣ. Того и стою!“ прокрадывалось въ его сознаніи. Онъ желалъ примириться съ товариществомъ и душевно просилъ пощады. Онъ уже ненавидѣлъ начальство, сдѣлавшее его фискаломъ, и готовъ былъ самъ вырвать клокъ волосъ изъ головы того товарища, который займетъ его мѣсто. Семеновъ рѣшился просить у всего класса прощенія и публично отказаться отъ шпіонства. Но вдругъ онъ услышалъ, что будто кто-то крадется къ нему; онъ въ страхѣ поспѣшно оставилъ окно и неизвѣстно куда скрылся въ темнотѣ.

Въ классѣ такъ темно, что за два шага не распознать лица человѣческаго. Всякія игры прекращались въ эти часы, бурсакъ могъ развлекаться только звуками, странными и разнообразными. Общее впечатлѣніе было дико...

Звуки мѣшаются и переплетаются. Раздается крикъ какого-то несчастнаго, которому, вѣроятно, въѣхали въ загорбокъ; слышенъ напѣвъ на „Господи воззвахъ, гласъ осьмый“; вырывается изъ концерта патетическая нота въ верхнее ре; кого-то еще треснули по рожѣ; у печки поютъ: „отроцы семинарстіи, посредѣ кабака стояще, пояху: подавай, наливай; мы книги продадимъ, тебѣ деньги отдадимъ“: слышенъ плачъ; грегочетъ какая-то тварь, т. е. ржетъ полошадиному, выдѣлывая „и-и-го-го-го-го!“ Ругань виситъ въ воздухѣ, крики и хохотъ, козлоглагольствуютъ, грегочутъ и поютъ на глассы и вкушаютъ затрещины. Въ Камчаткѣ, подъ управленіемъ заматорѣлаго Митахи, хранителя училищныхъ преданій, поется стихъ, сложенный еще аборигенами бурсы:

Сколь блаженны тѣ народы,
Коихъ крѣпкія природы

Не знали нашихъ мукъ,
Не вѣдали наукъ!
Тутъ въ столовую заглянешь,
Щей негодныхъ похлебаешь,
Опять въ свой классъ идешь,
Идешь, хоть и воешь...
Тутъ архангелы подскочатъ,
Изъ-за парты поволочатъ,
Давай раба терзать,
Лозой его стегать...

Бѣдняги! недаромъ же такъ дико въ вашемъ классѣ. Васъ волочатъ, терзаютъ, стегаютъ!.. Сочувственно подстаютъ къ голосу Митахи голоса его товарищей. Къ сожалѣнію, конецъ пѣсни, которая пѣлась какимъ-то замогильнымъ, грустнымъ напѣвомъ, забылся и не дошелъ до насъ...

Въ другомъ мѣстѣ слышно:

На поповой-то на дачѣ
Мужикъ ѣдетъ на клячѣ,
Хлибушку везе,
Хлибушку везе.
Мужичье къ возью бѣжали,
Кулачьемъ въ возье совали:
— Ще, бра, продаешь?
Ще, бра, продаешь?
Имъ сказали, що овесъ;
Мужикъ вынулъ да потресъ
На горсти своей,
На горсти своей.

Еще слышно:

А какъ взяли козла
Поперекъ живота,
Какъ ударили козла
О сырую мать землю:

ПОГАШЕНО

Его ноженьки
При дороженьки,
Голова его, языкъ
Подъ колодою лежитъ...

Послѣ каждаго двустишія припѣвалось:

Ти-ли-ли-ли-ли-ли-ли.

и потомъ повтореніе второго стиха.

А вотъ и еще отрывокъ:

Любимцы... Аполлона
Сидятъ безпечно in саирона,
Ѣдятъ селедки, vinum пьютъ
И Вакху дифирамбъ поютъ:
„О, какъ ты силенъ, добрый Вакхъ!
Мы tuum regnum чтимъ въ мозгахъ;
Dum caput nostrum посѣщаешь,
Оттуда curas выгоняешь,
Блаженство въ наши льешь сердца
И dignus domini отца.
Мы любимъ Феба, любимъ музъ;
Они съ богами насъ равнятъ,
Они путь къ счастью пролагаютъ,
Они даютъ намъ лучшій вкусъ;
Sed omnes haec плоды ученья
Conjunctae sunt всегда съ томленьемъ...
Давно бъ нашъ юный цвѣтъ увялъ,
Когда бъ ты насъ не подкрѣплялъ!“

Восьмипѣсенная „Семинаріада“ составлена давно и переходитъ по преданію изъ одного поколѣнія къ другому. Въ мѣстныхъ пѣсняхъ и стихахъ отразилось какъ товарищество смотрѣло на науку и на своихъ начальниковъ...

Изъ общаго же всѣмъ репертуара пѣвались здѣсь либо жестокіе романсы: „Стонетъ сизый голубочекъ“, „Ночною темнотою“, „Я, бѣдная пастушка“, „Ужъ

солнце зашло, вверхъ горя" и т. п., либо чисто народныя пѣсни: „Ахъ вы сѣни", „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ", „Какъ за рѣченькою, какъ за быстрою", „Полно, полно намъ, ребята, чужо пиво пити" и т. п.

Но вотъ какой-то отпѣтый возглашаетъ еще стихъ домашняго издѣлія:

Въ девятомъ часу по утрамъ,
Лишь лампы блеснутъ на стѣнахъ,
Мужикъ Суковатовъ несется,
Несется въ личныхъ сапогахъ...

Повисли въ воздухѣ хохотъ, остроты и крѣпкая ругань противъ начальства... Опять какая-то шельма грегочетъ... десятеро загреготали... двадцать человѣкъ... счету нѣтъ... Появились лай, мяуканье и кряканье, свистъ и визгъ... Ко всей этой ерундѣ присоединилась голосовъ въ сорокъ бурсацкая разноголосица: участвующіе въ ней разбираютъ между собой всѣ тоны, употребляемые въ пѣніи, и всѣ ноты берутъ сразу. Между тѣмъ сырость и холодъ пронимаютъ приходчину до костей; благимъ матомъ затягивается: „холодно, холодно!"—это призывный къ согрѣванію звукъ, послѣ котораго ученики начинаютъ махать руками наподобіе тому, какъ грѣются извозчики, и стонутъ—душу надрываютъ: „холодно, холодно!" — „Домового ли хоронятъ, вѣдьму ль замужъ выдаютъ?"—Пастей во сто выработывается безшабашный гвалтъ, и все это совершается въ непроглядной темнотѣ. Если бы привести въ классъ свѣжаго человѣка, не слыхавшаго стенаній бурсака, онъ подумалъ бы, что это грѣшныя души воютъ въ аду. Грегочутъ, тянутъ „холодно", даютъ разноголосицу во всѣ ноты; въ вопіющихъ и взывающихъ звукахъ растутъ-разрастаются голоса и отдаются дрожью въ оконныхъ стеклахъ... Существуетъ ли на свѣтѣ еще

какой нибудь нелѣпый звукъ, который не отыскался бы въ этой массѣ крика, пѣнья и гудѣнья? Но вотъ что-то новое зарождается въ душномъ, промозгломъ воздухѣ кромѣшнаго класса; что-то встало надъ всѣми головами. Заслышали товарищи знаменитый громадный басъ Великосвятскаго, гласящаго „благоденственное и мирное житіе»; съ неудержимою силою оглушаются товарищи послѣдними словами: „благополучно нынѣ почивающему на лаврахъ курсу многая лѣта!“—На необъятной нотищѣ разрѣшается послѣдній звукъ... Въ одно мгновеніе, точно по одному темпу, смолкли всѣ... Товарищество наслаждается, оно страстно любитъ крѣпкій звукъ... Но минута—и стоголосное „многая лѣта!“ отвѣчало басу... Надо замѣтить, что товарищество уважало, кромѣ отпѣтыхъ, потомъ силачей, потомъ головъ, выносящихъ многоградусный хмель—уважало и обширныхъ басовъ. Бурса любитъ хорошіе голоса, бережетъ ихъ, лелѣетъ, выручаетъ изъ всякой бѣды. Ученики еще дома привыкли пѣть въ церкви, славить Христа, служить панихиды и молебны, читать часы и апостолъ, отчего у нихъ развиваются голоса и любовь къ пѣнію. Въ училищахъ часто бываютъ превосходные пѣвческіе хоры. Около Великосвятскаго слышно одобреніе.

— Господа, концертъ!—предложилъ кто-то.

— „На рѣкахъ вавилонскихъ“.

— Да нотъ нѣтъ!..

— На память!..

— Зови маленькихъ пѣвчихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ поется концертъ. Ни одного дикаго звука нѣтъ въ классѣ. Дисканты плачутъ дѣтскими голосами; басъ, какъ подавленная сила, гудитъ и сдержанно ропщетъ; слышенъ крикъ вавилонянина: „воспойте намъ отъ пѣсней сіонскихъ!“; чудится, какъ

въ гнѣвѣ и нетерпѣніи топаетъ ногами грозный деспотъ... „Како воспоемъ на землѣ чуждѣй пѣснь Господню?“ отвѣчаютъ плачущіе, робкіе голоса дѣтей; женскія слезы слышны въ грудныхъ дискантахъ. Высокими, тихими и страстными нотами восходитъ плачъ и, наконецъ, переходитъ въ сильные грозные голоса: „Дщи вавилоня, окаянная! блаженъ, кто возьметъ твоихъ младенцевъ и расшибетъ ихъ головы о камень“.

Послѣ концерта все стихло. Ученики, укрощенные на время стройнымъ пѣніемъ, разсказываютъ другъ другу сказки, вспоминаютъ каникулы, толкуютъ о начальствѣ и товариществѣ. Изрѣдка кого-нибудь треснутъ по шеѣ. Митаха, хранитель преданій, поетъ заунывнымъ голосомъ:

А какъ взяли козла
Поперекъ живота...

Но ученики недолго сидѣли скромно и тихо.

— Приходчину дуть!—раздался чей-то голосъ.

— Идетъ!—отвѣчаютъ на голосъ.

Собирается партія человѣкъ въ двадцать и ноябрьскимъ вечеромъ крадется черезъ дворъ, въ классъ приходскихъ учениковъ. Приходчина, тоже сидящая въ сѣни смертнѣй, ничего не ожидала. Второуѣздные, сдѣлавши набѣгъ, разсыпались по классу, бьютъ приходчину въ лицо, загибаютъ ей салазки, дѣлаютъ смази, разсыпаютъ постные и скоромные, швычки и подзатыльники. Кто бьетъ? за что бьетъ? чортъ ихъ знаетъ и чортъ ихъ носитъ!.. Плачъ, вопль, избіеніе младенцевъ! На партахъ и подъ партами уничтожается горезлосчастная приходчина. Больно ей. Въ этихъ дикихъ побіеніяхъ приходчины, совершаемыхъ въ потемкахъ, выражалась съ одной стороны какая-то нелѣпая удаль: „раззудись

плечо, размахнись кулакъ!“, а съ другой стороны — „трепещи, приходчина, и покоряйся!“. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ большинство только удовлетворяло свои потребности побить кого-нибудь, дать вытряску, лупку, волосянку, отдуть, отвалять, взъерепенить, отмордасить. чтобы чувствовалось, что въ твоихъ рукахъ пищитъ что-то живое, страдаетъ и проситъ пощады,—и все это дѣлается не изъ мести, не изъ вражды, а просто изъ любви къ искусству. Натѣшившись вдоволь и всласть, рыцари съ торжественнымъ хохотомъ отправляются восвояси. Истрепанная приходчина охаетъ и щупаетъ бока свои.

Когда рыцари вернулись въ классъ, тамъ шла новая забава.

— Мала куча!—кричало нѣсколько человѣкъ.

Среди класса, въ темнотѣ, шла какая-то возня—не то игра, не то драка... Смѣхъ и брань раздавались оттуда.

Усиливается возня. Обыкновенно, когда кричали „мала куча“, то это значило, что кого-нибудь повалили на полъ, на этого—другого, потомъ третьяго и т. д. Упавшимъ не даютъ вставать. Человѣкъ тридцать роются въ кучѣ, сплетаясь руками и ногами и тиская другъ другу животы. Успѣвшіе выбиться изъ кучи и встать на ноги стараются повалить другихъ, еще не упавшихъ на полъ, и постоянно раздается въ нѣсколько голосовъ:

— Мала куча!

Не окончилась еще эта возня, какъ затѣялась новая.

— Масло жать,—кричали изъ угла у печки.

Слышно, какъ толпа пробирается въ уголъ, напираетъ и давитъ своею массою попавшихъ къ стѣнѣ, при крикахъ:

— Михалка, вали!

— Васенда, при!

— Работай, Шестиухая-Чабря...

— Тисни, Хорь, тисни!

Попавшіе къ стѣнѣ еле дышатъ, силятся выбиться наружу, а выбившись, въ свою очередь, жмутъ масло.

Но обѣ игры неожиданно прекратились... Раздался пронзительный, умоляющій вопль, который, однако, слышался не оттуда, гдѣ игралась „мала куча“, и не оттуда, гдѣ „жали масло“.

— Братцы, что это? братцы, оставьте!... караулъ!..

Товарищи не сразу узнали, чей это голосъ... Кому-то зажали ротъ... вотъ повалили на полъ... слышно только мычанье... Что тамъ такое творится? Прошло минуты три мертвой тишины... потомъ ясно обозначился свистъ розогъ въ воздухѣ и удары ихъ по тѣлу человѣка. Очевидно, кого-то сѣкутъ. Сначала была мертвая тишина въ классѣ, а потомъ едва слышный шопотъ...

— Десять... двадцать... тридцать.

Идетъ счетъ ударовъ.

— Сорокъ, пятьдесятъ...

— А-я-яй!—вырвался крикъ...

Теперь всѣ узнали голосъ Семенова и поняли, въ чемъ дѣло...

— Ты, сволочь, кусаться!—Это былъ голосъ Тавли.

— Ай, братцы, простите!.. не буду!.. ей Богу не буду!..

— Ему опять зажали ротъ...

— Такъ и слѣдуетъ, — шептались въ товариществѣ...

— Не фискаль впередъ!

Уже семьдесятъ...

Боже мой, наконецъ-то кончили!

Семеновъ рыдалъ сначала, не говоря ни слова... Въ классѣ было тихо, потому что всячески совершилось дѣло выходящее изъ ряду вонъ... Облегчившись нѣ-

сколько слезами, но все-таки не переставая рыдать, Семеновъ, потерявъ всякій страхъ отъ обиды и позора, кричалъ на весь классъ:

— Подлецы вы этакіе!.. Чтобы вамъ всѣмъ... — И при этомъ онъ прибавилъ непечатную брань.

— Полайся!

— На зло же разскажу все инспектору... про всѣхъ...

Неизвѣстно отъ кого онъ получилъ затрещину и опять зарыдалъ на весь классъ благимъ воемъ. Нѣкоторые захохотали, но многимъ было жутко... отчего? потому что при подобныхъ случаяхъ товарищество возбуждалось сильно, отыскивало въ потемкахъ своихъ нелюбимцевъ и крѣпко било ихъ.

Между тѣмъ Семеновъ рыдалъ. Невыразимая злость на обиду душила его; онъ въ клочья разорвалъ чью-то попавшуюся подъ руку книгу, кусалъ свои пальцы, дралъ себя за волосы и не находилъ словъ, какими бы слѣдовало изругаться, на чемъ свѣтъ стоитъ. Измученный, избитый, изсѣченный, нѣсколько разъ въ продолженіе вечера оскорбленный и обиженный, онъ теперь совершенно одурѣлъ отъ горя. Жалко и страшно было слушать, какъ онъ шепталъ:

— Сбѣгу... сбѣгу... зарѣжусь... жить нельзя...

Надобно честь отдать товарищамъ; большая часть, особенно первокурсные, въ эту минуту сочувствовали горю Семенова. У нѣкоторыхъ были даже слезы на глазахъ—благо, темно, не замѣтятъ. Второкурсные храбрились, но и на нихъ напала тоска, смѣшанная со страхомъ. Всѣ понимали, что такое дѣло даромъ не пройдетъ и что великаго сѣченья должна ожидать бурса. Тихо было въ классѣ: лишь Семеновъ рыдалъ... Что-то злое было въ его рыданіяхъ... но вотъ они вдругъ прекратились, и настала мертвая тишина.

— Что съ нимъ?—спрашивали ученики.

— Не случилось ли бѣды?

— Да живъ ли онъ?

— Братцы, — закричалъ Гороблагодатскій, освидѣтельствовавъ парту, на которой сидѣлъ Семеновъ,—онъ пошелъ жаловаться!

— Опять фискалить!—раздалось нѣсколько голосовъ.

Расположеніе товарищей мгновенно перемѣнилось; посыпалась на Семенова злая брань.

— Смотрите, не выдавать, ребята!

— Э, не рѣпу сѣять!..—слышались отвѣтные голоса.

— А ты какъ же Тавля?

— Я скажу, что хотѣлъ заступиться за него, и въ то время, какъ отдергивалъ отъ его рта чью-то руку, онъ и укусилъ мою.

— Молодецъ, Тавля!

Однако Тавля дрожалъ, какъ осиновый листъ.

— А что цензоръ будетъ говорить? онъ долженъ донести, а то ему придется отвѣчать.

— А скажу, что меня не было въ классѣ — вотъ и все!

Въ это время раздался звонокъ, возвѣстившій часъ занятій. Отворилась дверь, и въ комнату внесли лампу о трехъ рожкахъ. Отъ столбовъ полосами легли тѣни по классу, и освѣтились неуклюжія здоровенныя парты, голыя и ржавыя стѣны, грязныя окна,—освѣтились угрюмымъ и непривѣтливымъ свѣтомъ.

Второкурсные собрались на первыхъ партахъ и вели совѣщанія о текущихъ событіяхъ. Начались занятія; но странно: несмотря на прежестокія розги учителей, по крайней мѣрѣ человѣкъ сорокъ и не думали взяться за книжку. Иные надѣялись получить въ нотатѣ хорошую отмѣтку, подкупивъ авдитора взяткой; иные думали

безпечно: „авось-либо и такъ сойдетъ!“, а человѣкъ пятнадцать, на заднихъ партахъ, въ Камчаткѣ, ничего не боялись, зная, что учителя не тронутъ ихъ: учителя давно махнули на нихъ рукой, испытавъ на дѣлѣ, что никакое сѣченье не заставитъ ихъ учиться; эти счастливцы готовились къ исключенію и знать ничего не хотѣли. Лѣнь была развита въ высшей степени, а отсутствіе всякой дѣятельности во время занятныхъ часовъ заставило ученика выработать тотъ элементъ училищной жизни, который извѣстенъ подъ именемъ школьничества, элементъ, общій всякому воспитательному заведенію, но который здѣсь, какъ и все въ бурсѣ, является въ оригинальныхъ формахъ.

Сидящіе въ Камчаткѣ пользовались нѣкоторыми привилегіями; на ихъ шалости цензоръ, наблюдающій тишину и порядокъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, лишь бы не шумѣли камчадалы. Пользуясь такими льготами, камчадалы развлекались, какъ умѣли. Гришкецъ толкаетъ Васенду и шепчетъ: „слѣдующему“, Васенда толкаетъ Карася, Карась Шестиухую-Чабрю, передавая то же слово; этотъ передаетъ дальнѣйшему, толчокъ переходитъ на другую парту, потомъ на третью, и такъ перебираетъ всѣхъ учениковъ. Вонъ Комедо, объѣвшись, спитъ, а Хорь, нажевавъ бумаги, сдѣлалъ комокъ, который называется жевкомъ, и пустилъ его въ лицо спящаго товарища. Комедо проснулся и пишетъ къ Хорю записку: „послѣ занятія тебѣ я спину сломаю, потому что не приставай, если къ тебѣ не пристаютъ“, и опять засыпаетъ. Записокъ много пересылается по комнатѣ; въ одной можно читать: „дай ножичка или карандаша“, въ другой: „ей, Рабыня! (прозвище ученика) я ужо съ тобой на маткахъ въ чехарду“; въ третьей: „пришли, дружище, табачку понюшку, послѣ ей

Богу отдамъ"; а вотъ Хитоновъ получилъ безыменную ругательную записку: „ты, Хитоновъ, рыжій, а рыжій-красный — человѣкъ опасный; рыжій-пламенный сожегъ домъ каменный". Отвѣты и требуемыя вещи идутъ по той же почтѣ. Дѣти развлекаются по мѣрѣ возможности. Многіе корчатъ гримасы, ловятъ носъ языкомъ, косятъ глаза, пялятъ ротъ пальцами, показывая искривленное лицо другимъ или разсматривая его въ трехкопеечное зеркальце. Плюнь умѣетъ корчить рожу на номера: онъ высунулъ языкъ въ лѣвую сторону, носъ подперъ пальцемъ къ правой щекѣ, глаза выпучилъ, щеки отдулъ— это номеръ пятый. Всѣхъ номеровъ двѣнадцать. Авдиторъ, по прозванью Богиня, жуетъ резину, третій день не выпуская ее изо рта; она скоро превратится въ мягкую массу; потомъ надо надуть ее воздухомъ, сжать пальцами, вслѣдствіе чего образуется пузырекъ; пузырькомъ великовозрастный ударитъ себя по лбу и услышитъ легкій трескъ; чтобы насладиться такимъ счастьемъ, онъ работаетъ усердно, не щадя своихъ челюстей, а когда устанетъ, то даетъ пожевать подъавдиторному. Мямля сдѣлалъ панораму изъ конфетныхъ картинокъ и любуется ею цѣлый часъ и въ сотый разъ; у него же изъ билетиковъ отъ леденцовъ сдѣланъ оракулъ: по леденечнымъ билетикамъ красны дѣвицы гадаютъ о женихахъ, а онъ— вспорютъ его завтра, или нѣтъ. Сосѣдъ его сдѣлалъ п и л ь щ и к а, т. е. деревянную куклу съ пилою, и отыскавъ равновѣсіе, поставилъ ее на краю парты и заставляетъ качаться. Чеснокъ запихнулъ себѣ въ носъ нитку, потомъ сильнымъ вдыханіемъ воздуха проводилъ ее въ ротъ, и, передвигая нитку взадъ и впередъ, показываетъ эту штуку своему з а к о п е р щ и к у (другу). Мямлѣ. Одинъ великовозрастный камчадалъ оттачиваетъ перочинный ножъ и потомъ бреетъ верхнюю губу и

щеки. Выбрившись, онъ начинаетъ долбить въ партѣ ящичекъ. Другой великовозрастный дѣлаетъ цѣпочку изъ сутуги. Третій великовозрастный свернулъ бумагу въ тонкую трубочку и щекочетъ ею себѣ въ носу; рожа его сморщилась, онъ чихнулъ громко и ему весело. Двое камчадаловъ учатся иностраннымъ языкамъ; одинъ говоритъ: „херъ-я, херъ-ни, херъ-че, херъ-го, херъ-не, херъ-зна, херъ-ю, херъ-къ, херъ-зав, херъ-тра, херъ-му“; слѣдуетъ лишь вставить послѣ каждаго слога „херъ“ и выйдетъ не по-русски, а по херамъ. Другой отвѣчаетъ ему еще хитрѣе: „ши-чего, ни-цы, ши-йся не бо-цы“, т. е. „ничего не бойся“. Это опять не по-русски, а по ш и - ц ы; здѣсь слово дѣлится на двѣ половины, напримѣръ: ро-зга, къ послѣдней прибавляется ш и и произносится она сначала, а въ первой ц ы и произносится она послѣ; выходитъ ш и - з г а р о - ц ы. Пентюхъ на послѣдней партѣ занимается типографскимъ искусствомъ: онъ слюнитъ кость на суставѣ пальца, прикладываетъ суставъ на печатную бумагу въ учебникѣ и потомъ вырываетъ ее; снявши букву съ пальца, онъ переводитъ ее на бумагу; такимъ образомъ печатается какое-нибудь слово. Подъ послѣдними партами улеглись на постланныя на полъ шубы человѣкъ пять и разсказываютъ сказки и побывальщины. На многихъ скучное, монотонное, безъ всякаго содержанія занятное время нагнало непобѣдимый сонъ; спятъ на пятой партѣ, спятъ на седьмой, спятъ на двѣнадцатой, спятъ подъ партами. Такъ камчатники и второкурсные, приготовившіе уроки, проводятъ занятные часы. Веселая жизнь!

Не только записные, безнадежные лѣнтяи, готовящіеся получить титулку, пользовались правомъ развлекаться въ занятные часы. Кромѣ ихъ было еще много лѣнтяевъ, кандидатовъ въ камчадалы, но еще не камчадаловъ.

Провожденіе времени этими учениками было еще безцвѣтнѣе. Они тоже развлекались по своему, но такъ какъ имъ необходимо было притворяться, будто они дѣло дѣлаютъ, то и развлеченія ихъ были другія. Цапля со всеусердіемъ пишетъ что-то; со стороны посмотрѣть, онъ прилежнѣйшій ученикъ, а, между тѣмъ, онъ вотъ что дѣлаетъ: напишетъ цифру, подъ ней другую, потомъ умножитъ ихъ; подъ произведеніемъ опять подпишетъ первую цифру, опять умножитъ числа и т. д., желая узнать, что изъ этого выйдетъ. Порося придавилъ глазъ пальцемъ и любуется, какъ предъ нимъ двоятся и троятся предметы; потомъ, затыкая и оттыкая уши, слушаетъ жужжанье и легкій говоръ въ классѣ, какъ оно прерывающимися звуками отдается въ его ушахъ; а не то онъ приставитъ ухо къ партѣ и разсуждаетъ, отчего это черезъ дерево усиливается звукъ. Одинъ первокурсный нащипываетъ себѣ руку, желая пріучить ее хоть къ тепленькимъ щипчикамъ. Другой завязалъ конецъ пальца ниткой и любуется на затекшійся кровью палецъ. Третій насасываетъ руку до крови... Изобрѣтаютъ самыя пустыя и, кажется, неинтересныя занятія: напримѣръ, прислушиваются, какъ бьется пульсъ; заберутъ въ легкія воздуха и усиливаются какъ можно дольше удержать его въ груди; задаютъ себѣ задачу—не мигнуть ни разу, пока не сосчитаютъ тысячу, сбираютъ слюну во рту и потомъ выплевываютъ на полъ, читаютъ страницу сзаду напередъ и при томъ снизу вверхъ, положатъ натаскать изъ головы сотню волосъ и натаскаютъ; кто болтаетъ ногами, кто ковыряетъ въ носу, перемигиваются, передаютъ другъ другу разные знаки, руками выдѣлываютъ разныя акробатическія штуки... Иной сидитъ, положивъ голову на ладони, и смотритъ въ воздухъ безпредметно: онъ мечтаетъ о матери, сестрахъ, о сосѣднемъ садѣ по-

мѣщика, о прудѣ, въ которомъ ловилъ карасей... и урокъ ему нейдетъ на умъ. Нѣкоторые, зажмуривъ глаза и стараясь попасть пальцемъ въ палецъ, гадаютъ, будетъ ли сѣчь завтра учитель или нѣтъ, и когда выходитъ— будетъ, то соображаютъ, гдѣ бы взять денегъ въ долгъ, чтобы подкупить авдитора, а за книжку и не думаютъ браться. Иные сидятъ обезсмыслѣвши и млѣютъ въ тоскѣ неисходной, ожидая, скоро ли пройдутъ узаконенныхъ три часа и ударитъ благодатный звонокъ, возвѣщающій ужинъ, тупо глядя на тускло-горящую лампу. У этихъ бурсаковъ не хватаетъ силы воли взяться за урокъ. Но что это значитъ? спроситъ читатель: неужели занимательнѣе читать страничку снизу вверхъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые для развлеченія, нежели сверху внизъ?.. Да, пожалуй, что и занимательнѣе. Недаромъ же сложилась въ бурсѣ пѣсня, которая говоритъ, что „блаженны народы, невѣдающіе наукъ“, что нужно имѣть „крѣпкую природу“ для училищныхъ „мукъ“, что ученикъ, идя въ классъ, „воетъ“, онъ „рабъ“, его „терзаютъ“. Пѣсня, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію, не даромъ сложилась.

Главное свойство педагогической системы въ бурсѣ— это долбня, долбня ужасающая и мертвящая. Она проникла въ кровь и кости ученика. Пропустить букву, переставить слово—считалось преступленіемъ. Ученики, сидя надъ книгою, повторяли безъ конца и безъ смысла: „стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ, стыдъ и срамъ... потомъ, потомъ... постигли, стигли, стигли... стыдъ и срамъ потомъ постигли“... Такая египетская работа продолжалась до тѣхъ поръ, пока навѣки нерушимо не запечатлѣвался въ головѣ ученика „стыдъ и срамъ“. Сильно мучился воспитанникъ во время урока, такъ что ученье здѣсь является физическимъ страданьемъ, которое и вы-

разилось въ пѣснѣ: „сколь блаженны тѣ народы“. При глухой долбнѣ замѣчательны въ училищной наукѣ воззрѣнія. Педагоги получали воспитаніе схоластическое, произошли всевозможную синекдоху и гиперболу, остріемъ священной хріи вскормлены, воспитаны тою философіей которая учитъ: „Всѣ люди смертны, Кай—человѣкъ, слѣдовательно, Кай смертенъ“, или, что „всѣ люди безсмертны, Кай—человѣкъ, слѣдовательно, Кай безсмертенъ“, что „душа соединается съ тѣломъ по однажды установленному закону“, что „законы тожества и противорѣчія неукоснительно вытекаютъ изъ нашего я или изъ нашего самосознанія“, что „гдѣ является свѣтъ, тамъ уничтожается тьма“, что „смиреніе есть источникъ всякаго блага, а вольнодумство пагубно и зазорно“ и т. п. Они упражнялись въ діалектикѣ, разрѣшая такіе, напримѣръ, вопросы: „Можетъ ли діаволъ согрѣшить?“, „Сущность духа подлежитъ ли въ загробной жизни мертвенному состоянію?“, „Первородный грѣхъ содержитъ ли въ себѣ, какъ зародышѣ, грѣхи смертные, произвольные и невольные?“, „Что чему предшествуетъ: вѣра любви, или любовь вѣрѣ?“ и т. п. Окончательно же окрѣпли ихъ мозги въ диспутахъ, когда они побѣдоносно витійствовали на одну и ту же тему pro и contra, смотря по тому, какъ прикажетъ начальство, при чемъ пускались въ дѣло всѣ сто формъ схоластическихъ предложеній, всѣ роды и виды софизмовъ и паралогизмовъ. Еще во время дѣтства у нихъ явилось расположеніе разрѣшать: „Что такое сущность?“. „Что такое цѣлое?“, „Спасется ли Сократъ и другіе благочестивые философы язычества или нѣтъ?“, и имъ очень хотѣлось, чтобы нѣтъ. Особенно же любили учителя доказывать, что человѣкъ есть существо безсмертное, одаренное свободно-разумной душою, царь вселенной,—хотя странно, въ дѣйствитель-

ной жизни они едва ли не обнаруживали того убѣжденія, что человѣкъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ безперый пѣтухъ. Все это слышалось въ возраженіяхъ педагоговъ. Ученикъ до боли въ вискахъ напрягалъ голову, когда приходилось разрѣшать великіе вопросы педагоговъ-философовъ, но, къ благополучію его, возраженія давались рѣдко и вообще считались ученою роскошью. Надъ всѣмъ царила всепоглощающая долбня... Что же удивительнаго, что такая наука поселяла только отвращеніе въ ученикѣ и что онъ скорѣе начнетъ играть въ плевки или продѣнетъ изъ носа въ ротъ нитку, нежели станетъ учить урокъ? Ученикъ, вступая въ училище изъ-подъ родительскаго крова, скоро чувствовалъ, что съ нимъ совершается что-то новое, никогда имъ неиспытанное, какъ будто передъ глазами его опускаются сѣти одна за другою, въ безконечномъ рядѣ, и мѣшаютъ видѣть предметы ясно; что голова его перестала дѣйствовать любознательно и смѣло и сдѣлалась похожа на какой-то препаратъ, въ которомъ стоитъ пожать пружину—вотъ ротъ раскрывается и начинаетъ выкидывать слова, а въ словахъ—удивительно!—нѣтъ мысли, какъ бывало прежде. Только ученики, соединившіе въ себѣ способность долбить со способностью отвѣчать на возраженія, никогда не задумывались надъ урокомъ. Но для этого надо было родиться б а ш к о й. Бывали удивительныя башки. Такъ, нѣкто Свѣтозаровъ выучилъ изъ латинскаго лексикона Розанова слова и фразы на четыре буквы; начавъ съ „A, ab, abs“, онъ отхватывалъ нѣсколько печатныхъ листовъ, не пропуская ни одного слова, и такой подвигъ былъ предпринятъ единственно изъ любви къ искусству. Но немногіе были способны къ училищнымъ работамъ; большинству онѣ давались трудно, и лишь розги заставляли заниматься. Вонъ Данило Пес-

ковъ, мальчикъ умный и прилежный, но рѣшительно неспособный долбить слово въ слово, просидѣвъ надъ книгой два часа съ половиной, поводитъ помутившимися глазами... и что же?.. онъ видитъ, многіе измучились еще болѣе, чѣмъ онъ, многіе еще доканчиваютъ свою порцію изъ учебниковъ, озабоченно вычитывая урокъ и поднявъ голову кверху, какъ пьющія куры. Иные чуть не плачутъ, потому что невысокій балъ будетъ выставленъ противъ фамиліи въ нотатѣ. Одинъ, желая возбудить въ себѣ энергію, треплетъ самъ себя за волоса... Э, бѣдняга, хоть самъ-то пожалѣй себя! брось ты книгу подъ парту, либо наплюй въ нее—все равно, завтра твое тѣло будетъ страдать подъ лозами... Ступай-ка, дружище, въ Качматку—тамъ легче живется; а дѣльныхъ знаній у камчатниковъ, право, не меньше, нежели у самаго закаленнаго башки. Ученикъ, вглядываясь въ измученныя долбнею лица товарищей, невольно спрашиваетъ себя: „зачѣмъ эти труды и страданія? къ чему эта возня съ утра до вечера надъ опротивѣвшимъ учебникомъ? развѣ мы не люди?“ Среди такихъ размышленій выскочитъ безъ спросу, самъ собою, кончикъ урока и простучитъ всѣми словами въ головѣ. Подъ конецъ занятій у прилежнаго ученика голова измается; въ ней не слышно ни одной мысли, хотя и являются онѣ, послушныя сцѣпленію идей, какъ это бываетъ съ человѣкомъ во снѣ. Не весела картина класса... Лица у всѣхъ скучныя и апатическія, а послѣдніе полчаса идутъ тихо и, кажется, конца не будетъ занятію... Счастливъ, кто уснуть сумѣлъ, сидя за партой; онъ и не замѣтитъ, какъ подойдетъ минута, возвѣщающая ужинъ.

Но вечеръ кончился очень занимательно. Минутъ за тридцать до звонка явился въ классъ Семеновъ. Блѣдный и дрожащій отъ волненія, вошелъ онъ въ комнату

и, потупясь, ни на кого не глядя, отправился на свое мѣсто. Занятная оживилась: всѣ смотрѣли на него. Семеновъ чувствовалъ, что на него обращены сотни любопытныхъ и злобныхъ глазъ, холодно было у нихъ на душѣ, и замеръ онъ въ какомъ-то окаменѣломъ состояніи. Онъ ждалъ чего-то. Минуты черезъ четыре снова отворилась дверь; среди холоднаго пара, ворвавшагося съ улицы въ комнату, показались четыре солдатскія фигуры—служителя при училищѣ: одинъ изъ нихъ былъ Захаренко, другой Кропченко—на нихъ была обязанность сѣчь учениковъ; двое другихъ, Цѣпка и Еловый, обыкновенно держали учениковъ за ноги и за голову во время сѣченія. Мертвая тишина настала въ классѣ... Тавля поблѣднѣлъ и тяжело дышалъ. Скоро явился инспекторъ, огромнаго роста и мрачнаго вида. Всѣ встали. Онъ, ни слова не говоря, прошелся по классу, по временамъ останавливаясь у партъ, и ученикъ, около котораго онъ останавливался, дрожалъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ... Наконецъ, инспекторъ остановился около Тавли. Тавля готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Къ порогу!—сказалъ ему инспекторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я...—хотѣлъ было оправдаться Тавля.

— Къ порогу!—крикнулъ инспекторъ.

— Я заступался за него... онъ не понялъ...

Инспекторъ былъ сильнѣе всякаго бурсака. Онъ схватилъ Тавлю за волосы и далъ ему трепку; потомъ наклонилъ его за волосы лбомъ къ партѣ, а другой рукой, кулакомъ, ударилъ ему въ спину, такъ что гулъ раздался отъ здороваго удара по крѣпкой спинѣ, потомъ, откинувъ Тавлю назадъ, инспекторъ закричалъ:

— Къ порогу!

Тавля послѣ этого не смѣлъ рта разинуть. Онъ от-

правился къ порогу, раздѣлся медленно, легъ на грязный полъ голымъ брюхомъ; на плечи и ноги его сѣли Цѣпка и Еловый...

— Хорошенько его!—сказалъ инспекторъ.

Захаренко и Кропченко взмахнули съ двухъ сторонъ лозами; лозы впились въ тѣло Тавли, и онъ, дико крича, сталъ оправдываться, говоря, что онъ хотѣлъ заступиться за Семенова, а тотъ не понялъ, въ чемъ дѣло, и укусилъ ему руку. Инспекторъ не обращалъ вниманія на его вопли. Долго сѣкли Тавлю и жестоко. Инспекторъ съ сосредоточенной злобой ходилъ по классу, ни слова не говоря, а это былъ дурной признакъ: когда онъ кричалъ и ругался, тогда крикомъ и руганью истощался гнѣвъ.. Ученики шопотомъ считали число ударовъ и насчитали уже восемьдесятъ. Тавля все кричалъ „не виноватъ!“, божился Господомъ-Богомъ, клялся отцомъ и матерью подъ лозами. Гороблагодатскій злобно смотрѣлъ то на инспектора, то на Семенова; Семеновъ не понималъ самъ себя: и тѣни наслажденія местью не было въ его сердцѣ, онъ почти трясся всѣмъ тѣломъ отъ предчувствія чего-то страшнаго, необъяснимаго. Богъ знаетъ, на что бы онъ согласился, чтобы только не сѣкли Тавлю въ эту минуту. Тавля вынесъ уже болѣе ста ударовъ, голосъ его отъ крика началъ хрипнуть, но все онъ продолжалъ кричать: „Не виноватъ, ей Богу не виноватъ... напрасно!“ Но онъ долженъ былъ вынести полторасто.

— Довольно,—сказалъ инспекторъ, и прошелся по комнатѣ. Всѣ ожидали, что будетъ далѣе.

— Цензоръ!—сказалъ инспекторъ.

— Здѣсь,—отозвался цензоръ.

— Кто еще сѣкъ Семенова?

— Я не знаю... меня...

— Что?—крикнулъ грозно инспекторъ.

— Меня не было въ классѣ...

— А, тебя не было, скотъ этакой, въ классѣ?.. Завтра буду сѣчь десятаго, а начну съ тебя...—И тебя отпорю,—сказалъ Гороблагодатскому,—и тебя,—сказалъ онъ Хорю. Потомъ инспекторъ указалъ еще на нѣсколько лицъ. Гороблагодатскій грубовато отвѣтилъ:

— Я не виноватъ ни въ чемъ...

— Ты всегда виноватъ, подлецъ ты этакой, и каждую минуту тебя драть слѣдуетъ...

— Я не виноватъ ни въ чемъ...

— Ты грубить еще вздумалъ, скотина?—закричалъ инспекторъ съ яростью.

Гороблагодатскій замолчалъ, но все-таки, стиснувъ зубы, взглянулъ съ ненавистью на инспектора...

Выругавъ весь классъ, инспекторъ отправился домой. На товарищество напалъ паническій страхъ. Въ училищѣ бывали случаи, что не только сѣкли десятаго, но сѣкли поголовно весь классъ. Никто не могъ сказать навѣрное, будутъ его завтра сѣчь или нѣтъ. Лица вытянулись; нѣкоторые были блѣдны; двое городскихъ тихонько отъ товарищей плакали: что, если по счету придешься въ спискѣ инспектора десятымъ?.. Только Гороблагодатскій проворчалъ: „не рѣпу сѣять!“ и остервенился въ душѣ своей, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который не могъ ни стать, ни сѣсть послѣ экзекуціи. Гороблагодатскій намѣревался идти къ Семенову и избить его окончательно; онъ уже сказалъ себѣ: „Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“; но вдругъ лицо его озарилось новой мыслью, онъ злорадно усмѣхнулся и проговорилъ:

— Пфимфа!

Семеновъ совершенно замеръ... Онъ былъ въ томъ

состоянiи, когда человѣкъ чувствуетъ, что надъ нимъ поднятъ кулакъ, готовый упасть на его темя каждую минуту, и онъ каждую минуту ждетъ удара тяжелаго. Онъ былъ точно стиснутъ и сдавленъ со всѣхъ сторонъ... дышать почти нельзя... Черти! черти! какiя минуты приходилось переживать бурсаку...

— Пфимфа!—сказалъ Гороблагодатскiй, подходя къ цензору, и стали они шептаться...

Ударилъ звонокъ къ ужину. Сердца нѣсколько повеселѣли...

— Становись въ пары!—закричалъ цензоръ.

Минуты черезъ двѣ ученики отправились въ столовую и, пропѣвши въ пятьсотъ голосовъ „Отче нашъ“, принялись за скудную пищу... Когда толпа обратно валила изъ столовой, цензоръ подошелъ къ Бенелявдову и повторилъ загадочное слово:

— Пфимфа!

— Слѣдуетъ!—отвѣтилъ Бенелявдовъ . . . . . .

. . . . . .

Уже въ обители священной
Привратникъ заперъ крѣпко входъ,
И схимникъ, въ кельѣ единенной,
На сонъ грядущiй presses чтетъ.
Морфей на городъ сыплетъ маки,
Заснулъ народъ мастеровой:
Однѣ не дремлютъ лишь собаки
Да кой-гдѣ вскрикнетъ часовой.
Вторично пѣтухи кричали.
Былъ ночи часъ; всѣ крѣпко спали.

Такъ „Семинарiада“ описываетъ ночь...

Во второмъ этажѣ, по правую руку огромнаго училищнаго двора, помѣщаются 6, 7, 8, 9 и 10-й номера

спаленъ. Эти спальни соединены между собою. Задній отдѣлъ трехъ номеровъ носилъ названіе Сапога. Это были спальни своекоштныхъ; поэтому утромъ и вечеромъ, особенно въ первыя недѣли послѣ большихъ праздниковъ, въ Сапогѣ и другихъ двухъ комнатахъ открывался чисто обжорный рядъ. Сюда стекалось все училище, толпами переходили отъ одной кровати къ другой; изъ подъ кроватей, числомъ до двухсотъ въ этихъ номерахъ, выдвигались сундуки, наполненные, кромѣ книгъ, разными съѣстными припасами. Съ дома, особенно съ деревень, привозились въ запасъ огромные бѣлые хлѣбы, масло, толокно, грибы въ сметанѣ, моченыя яблоки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ; съ этими запахами мѣшались нецензурные міазмы; отъ стѣнъ, промерзавшихъ зимою въ сильные морозы насквозь, несло сыростью, сальныя свѣчи въ шандалахъ дѣлали атмосферу горькою и ѣдкою, и ко всему этому надо прибавить, что въ углу дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какою-то жидкостью и замѣнявшій мѣсто нечистотъ. Къ такой ядовитой атмосферѣ долженъ былъ привыкать ученикъ, и повѣритъ ли кто, что большинство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало, наконецъ, способность чувствовать отвращеніе къ нему!.. Другая бѣда—холодъ былъ для ученика болѣе невыносимъ. Начальство печей не топило по недѣлѣ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, ложась подъ холодныя одѣяла, должно было покрываться своими шубами и шинелями. Огромныя комнаты спаленъ, со столбами посрединѣ, какъ и въ классахъ, слабо освѣщались, и темныя тѣни ложились полосами по кроватямъ. Ученики храпѣли и бредили; нѣкоторые во снѣ скрипѣли зубами.

Доскажемъ послѣднія событія зимняго вечера въ бурсѣ. Изъ комнатъ Сапога неожиданно появилась фигура и отправилась въ уголъ девятаго номера; тамъ поднялись еще двѣ фигуры. Между ними начались совѣщанія:

— У тебя пфимфа?—спрашивалъ одинъ.

— У меня.

— Давай сюда.

Всѣ три фигуры отправились въ уголъ и тамъ остановились около кровати Семенова... Одинъ изъ учениковъ держалъ въ рукахъ свертокъ бумаги, въ видѣ конуса, набитый хлопчаткою. Это и была пфимфа,— одно изъ варварскихъ изобрѣтеній бурсы. Державшій пфимфу босыми ногами подкрался къ Семенову. Онъ зажегъ вату съ широкаго отверстія свертка, а узкимъ осторожно вставилъ въ носъ Семенову. Семеновъ было сдѣлалъ во снѣ движеніе, но державшій пфимфу сильно дунулъ въ горящую вату; густая струя сѣрнаго дыма охватила мозги Семенова; онъ застоналъ въ безпамятствѣ. Послѣ второго, еще сильнѣйшаго дуновенія онъ соскочилъ какъ сумашедшій. Онъ усиливается крикнуть, но вся внутренность его груди была обожжена и прокопчена дымомъ. Задыхаясь, онъ упалъ на кровать. Участники этого инквизиторскаго дѣла тотчасъ же скрылись. Слышалось глубокое храпѣнье Семенова, прерываемое тяжкими стонами. На другой день его замертво стащили въ больницу. Докторъ понять не могъ, что случилось съ Семеновымъ, а когда самъ Семеновъ очувствовался и получилъ способность говорить, то оказалось, что онъ самъ не помнитъ, что съ нимъ было. Начальство подозрѣвало, что враги Семенова что-нибудь да сдѣлали съ нимъ, но розыскать ничего не могли. На другой день были многіе перессѣчены въ училищѣ, и многіе напрасно...

ПОГАШЕНО

Бурсацкіе типы.

Очеркъ второй.

1862.

Три часа утра. Въ спальнѣ, именуемой Сапогъ, все покоится. Слышится храпъ и легкій бредъ: нѣкоторые скрипятъ во снѣ зубами, чего терпѣть не могли бурсаки и за что нерѣдко набивали ротъ скрипѣвшаго золою, съ цѣлью отучить отъ дурной привычки; иные стонутъ отъ прилившей крови къ головѣ и груди, а завтра разсказывать будутъ, какъ ихъ домовой душилъ. Только послѣ усиленнаго вглядыванья въ мракъ, наполняющій воздухъ Сапога, можно разсмотрѣть множество бурсацкихъ тѣлъ, брошенныхъ на кровати и покрытыхъ поверхъ одѣялъ шубами, халатами, накидками и обносками разнаго рода.

Въ углу кто-то поднялся и, на босу ногу, крадучись осторожно, началъ обходить кровати. Онъ останавливался изрѣдка тамъ и сямъ и потомъ продолжалъ путь далѣе. Это былъ училищный воръ, знаменитый нѣкогда Аксютка. Одинъ спящій юноша былъ покрытъ волчьей шубой. Въ этой шубѣ много было паразитовъ, которые,

наконецъ, доняли бурсака. Онъ разбросался, шуба свѣсилась на полъ, одной лишь половиной покрывая спящаго. Аксютка наклонился къ изголовью товарища, отыскалъ воротъ шубы и, сдернувъ ее съ бурсака въ одинъ мигъ, мгновенно скрылся. Искусанное тѣло окраденнаго горѣло огнемъ, прохладный воздухъ освѣжилъ его, и онъ, благодаря Аксюткѣ, уснулъ сладко и спокойно. Аксютка, между тѣмъ, успѣлъ запрятать шубу, впредь до распоряженія ею, послѣ чего отправился въ свой уголъ, гдѣ заснулъ невиннымъ сномъ праведника.

Четыре часа. Вошелъ Захаренко. (На немъ, кромѣ обязанности сѣчь учениковъ, лежала еще обязанность будить ихъ и возвѣщать колокольчикомъ начало и конецъ классовъ). Онъ, проходя по рядамъ между кроватями, звонилъ яро надъ головами спящихъ направо и налѣво.

Ученики вскакивали, чесали бока и овчину на головѣ, отплевывались, зѣвали и крестили рты; иные тупо глядѣли, не понимая сразу, зачѣмъ ихъ будятъ въ такую рань, и опять тяжело падали на постели.

— Въ баню! въ баню!—провозгласилъ Захаренко.

— Эй, вы!.. И-го-го-го!—загреготалъ кто-то.

Въ баню пускали по утрамъ ранымъ-раненько. Срамъ было днемъ выпустить въ городъ эту массу бурсаковъ, точно сволочь Петра Амьенскаго, грязныхъ, истасканныхъ, въ разнородной одеждѣ, никогда не ходившихъ скромно, но всегда съ нахальствомъ, присвистомъ и гоготомъ, стремящихся разсыпать скандалы на всю окрестность. Въ продолженіе всей исторіи училищной жизни только и былъ одинъ случай, когда днемъ отпустили бурсаковъ въ баню, но послѣ начальство долго раскаивалась въ своемъ распоряженіи. Но объ этомъ послѣ.

— Живо!—крикнулъ спальный старшій.

— Подымайся!—кто-то заревѣлъ неистовымъ, раздирающимъ уши и душу голосомъ.

— Грѣшныя тѣла мыть!—отвѣчали еще неистовѣе.

Спальня Сапога наполнилась шумомъ. Скоро и охотно одѣвались бурсаки, потому что баня для учениковъ была чѣмъ-то въ родѣ праздника. Выдвигаются сундуки; у кого есть чистое бѣлье, связываютъ узлы; у кого есть деньжонки, запасаются грошами; всѣмъ весело, потому что хоть разъ въ двѣ недѣли бурсаки подышатъ свѣжимъ воздухомъ и увидятъ иныя, не казенныя лица, а главное — день бани для бурсака былъ днемъ разнообразныхъ промысловъ и похожденій.

— Въ пары!—командовалъ старшій

Установились въ пары.

— Маршъ!

Длинной вереницей отправились изъ спальни Сапога. На лѣстницѣ они повстрѣчали еще своекоштныхъ, къ хвосту ихъ пристало еще нѣсколько номеровъ; у воротъ ихъ ожидали номера казенныхъ учениковъ. Только городскіе остались въ училищѣ. Они ходили въ баню по субботамъ. Во главѣ ополченія стоялъ Еловый, солдатъ изъ училищной прислуги. Ему было поручено отъ начальства наблюдать порядокъ и тишину. Понятно, что порядка и тишины не могло быть подъ надзоромъ такого педагога, какъ солдатъ Еловый. Огромной змѣей извивалось по мосткамъ паръ двѣсти слишкомъ, заворачивая изъ училищныхъ воротъ на монастырскій дворъ. Гвалтъ, смѣхъ и неприличныя остроты потрясали воздухъ святыни. Схимникъ въ кельѣ единенной, заслыша гудѣнье и шумъ мірской, усерднѣе и теплѣе сталъ молиться о грѣхахъ людского рода.

Ученикамъ повстрѣчался рыжій монастырскій сторожъ, до безобразія огромнаго роста. Сторожъ рѣдко упускалъ

случай посмѣяться надъ бурсаками, когда бурсаки шли въ баню, либо по праздникамъ въ городъ. Ученики насолили чѣмъ-то ему.

— А, вотъ и вшивая команда! —сказалъ онъ проходившимъ мимо него ученикамъ.

— Блиномъ подавился!—отвѣчали ему.

Ученикамъ извѣстно было, что сторожъ однажды на масляницѣ, не сходя съ мѣста, съѣлъ семьдесятъ три блина и выпилъ четверть ведра сиводеру, то-есть водки.

— Отчего это лѣса вздорожали? — спрашивалъ сторожъ.

— Тебѣ блины пекли.

— Черти! На порку вамъ пошло!

— Рыжій, да ты никакъ на конѣ? Али, вправду, такой длинный?

— Златорунный!

— Вѣха!

— Каланча!

На сторожа градомъ сыпались насмѣшки. Гдѣ жъ одному человѣку переговорить болѣе двухсотъ крѣпко острящихъ бурсаковъ? Онъ едва успѣлъ вставить свое слово:

— Слышь, паршивая команда, не воровать на базарѣ!

Въ него Сатана пустилъ комъ грязи. Сторожъ сталъ лаяться на чемъ свѣтъ стоитъ

Когда проходили послѣднія паръ семьдесятъ, затѣялась оркестрованная брань.

— Блинъ, блинъ!— запѣлъ кто-то.

Сторожъ не зналъ, что предпринять; голоса его не было слышно. Когда мимо его прошли всѣ, когда слово блинъ раздавалось далеко, онъ крикнулъ вслѣдъ утекающей бурсы:

— Сволочь отпѣтая! Всѣхъ васъ перепороть слѣдуетъ!

Издалека откуда-то едва слышно донеслось:

— Бли-и-нъ!

Сторожъ плюнулъ; ударили въ колоколъ, онъ перекрестился набожно и пошелъ къ утрени.

Бурса двигалась, большинство правымъ плечомъ впередъ, по базару. Городъ спалъ еще. Бурсаки разсыпали цѣлую серію скандаловъ. Собаки, которыхъ такое изобиліе въ нашихъ свято-русскихъ городахъ, ищутъ спозаранку, чѣмъ бы напитать свое животное чрево; бурсакъ не упуститъ случая и непремѣнно метнетъ въ собаку камнемъ. Шествіе ихъ знаменуется порчею разныхъ предметовъ, безъ всякаго смысла и пользы для себя, а просто изъ эстетическаго наслажденія разрушать и пакостить. Вонъ Мехалка раскачалъ тумбу, выдернулъ ее изъ земли и бросилъ на середину улицу. Хохочетъ, животное! Идутъ ученики мимо дома съ окнами въ нижнемъ этажѣ и барабанятъ въ рамы, нарушая мирный сонъ горожанъ. Старушка плетется куда-то и, повстрѣчавшись съ бурсой, крестится, спѣшитъ на другую сторону улицы и шепчетъ:

— Господи! Да это никакъ бурса тронулась!

Хорошо, что она догадалась перейти на другую сторону, а то нашлись бы охотники сдѣлать ей смазь, и верховую, и боковую, и всеобщую.

Ѣдетъ ломовой извозчикъ. Аксютка пресерьезно обратился къ нему:

— Дядя, а дядя!

— Чаво тебѣ?—отвѣчалъ тотъ благодушно.

— А зачѣмъ, братецъ, ты гужи-то съѣлъ?

— Крючники, лабазники и ломовой народъ терпѣть не могутъ, когда ихъ обзываютъ гужеѣдами.

— Рукавицей закусилъ!—прибавилъ кто-то.

Мужикъ озлился и загнулъ имъ крутую брань.

Когда они шли по берегу рѣки, на которой уже стояли весеннія суда, Сатана сдѣлалъ предложеніе:

— Господа, крикнемте „посматривай“!

— Начинай!

Сатана началъ, и вслѣдъ за нимъ, пастей въ сорокъ, раздалось надъ рѣкой: „посматривай!“

На баркахъ мужики съ переполоху повскакали, не понимая, что бы значилъ такой громадный крикъ. Когда они разобрали въ чемъ дѣло, начали ругаться; слышалось даже:

— Эхъ, ребята, въ колье-бы ихъ!

На это имъ отвѣтомъ было:

— Тупорылые! Аншпутъ съѣли!

— „Посматривай!“—хватили бурсаки что есть силы.

Надъ рѣкой повисла крѣпкая ругань.

Наконецъ, подъ предводительствомъ солдата-педагога Еловаго, ученики добрались и до торговыхъ бань. Пары остановились. Еловый у двери пропускалъ по парѣ, выдавая казенно-коштнымъ по миніатюрному кусочку мыла. Своекоштнымъ не полагалось. Затѣмъ пары отправлялись въ предбанникъ, по дорогѣ покупая вѣникъ и мочалку, потому что ни того, ни другого казна не давала ученикамъ. Пары бѣгомъ бѣжали одна за другой, бросаясь въ двери предбанника. Въ дверяхъ была давка: всякій спѣшилъ захватить шайку, которыхъ не хватало по крайней мѣрѣ для третьей части учениковъ, вслѣдствіе чего они должны были сидѣть около часу, дожидаясь, пока кто-нибудь не освободится. При этомъ Аксютка съ Сатаной, разумѣется, были съ шайками. Черезъ четверть часа баня наполнилась народомъ, огласившимъ воздухъ безшабашнымъ гвалтомъ. Негдѣ было

яблоку упасть; всѣ скамейки заняты; иные сидятъ на полу, иные забрались въ ящики, устраиваемые для одежды моющихся. Старшіе, цензора и прочія власти занимаютъ отдѣльную, довольно чистенькую комнатку, назначаемую содержателемъ для лицъ почетныхъ. Дѣти, потѣшаясь, хлещутъ другъ друга ладонями по голому тѣлу. Большинство отправилось въ паровую баню. Бурсаки страстно любятъ париться. Полокъ брали приступомъ; изрѣдка слышались затрещины, которыхъ бурсакъ вкушаетъ при всякомъ случаѣ достаточное количество. Тавля тащилъ кого-то за волоса, со своего, какъ онъ говорилъ, мѣста.

— Катька!—кричитъ Тавля.

— Что?—отвѣчаетъ тотъ подобострастно.

— Поддай еще!

— Не надо,—отвѣчаютъ голоса.

— Я вамъ дамъ не надо!

— А въ рождество (лицо) хочешь?

— Это былъ голосъ Бенелявдова. Съ нимъ Тавля не сталъ разговаривать. Онъ опять кричитъ:

— Катька! встань предо мной, какъ листъ передъ травой!—Катька явился.

— Окати меня.

Окатилъ.

— Парь меня.

Катька паритъ его. Тавля отъ удовольствія страшно грегочетъ.

На полкѣ продолжалась возня; стонутъ, грегочутъ, визгъ съ присвистомъ и хлестъ горячаго березняка. Вотъ пробирается несчастный Лягва. Онъ былъ парія бурсы. У Лягвы какое-то скверное, точно гнилое лицо, въ пятнахъ, рябое; про это лицо бурсаки говорили, что на немъ ножи точить можно. Куда онъ ни прихо-

дилъ, воздухъ дѣлался противнымъ и вреднымъ для легкихъ, потому что этотъ запахъ у него былъ и за пазухой, и на спинѣ, и въ карманахъ, и въ волосахъ. Это несчастное существо, право, кажется, перестало быть человѣкомъ и было просто живое и ходячее тѣло человѣчье. Проклятая бурса сгноила Лягву, буквально сгноила. Товарищи не то чтобы ненавидѣли его, а чувствовали къ нему отвращеніе, и даже рѣдко кто находилъ удовольствіе обижать его. Не повѣрятъ, что изъ пятисотъ человѣкъ въ продолженіе восьми лѣтъ не нашлось никого, кто бы рѣшился не только дать ему руку, но и сказать ласковое слово. Не только ученики его презирали, но даже начальство и прислуга. Мы сказали, что бурса сгноила его тѣло: это въ собственномъ смыслѣ надо понимать. Онъ долженъ былъ по приговору начальства и товарищества жить и ночевать въ спальнѣ, которая была отведена для такихъ же, какъ онъ, отторженниковъ бурсы, двѣнадцати человѣкъ. Дѣло въ томъ, что были ученики, страдавшіе извѣстною болѣзнью, которая въ дѣтскомъ возрастѣ не составляетъ еще болѣзни, а зависитъ отъ неразвитости организма. Никто объ нихъ не заботился, не лѣчилъ. Бурсацкая казна не купила для нихъ даже клеенки, чтобы предохранить тюфяки отъ сырости и гнили; вмѣсто этого страдавшихъ этою болѣзнью имѣли обыкновеніе въ училищѣ сѣчь голенищами. Честное слово, что въ тюфякахъ заводились черви; и несчастные должны были спать чисто на гноищахъ. Спросятъ, отчего же эти ученики сами себя не жалѣли и не просушивали своихъ тюфяковъ по утрамъ? Попадая въ каторжный номеръ, въ которомъ приходилось дышать положительно зараженнымъ, ядовитымъ воздухомъ, ощущать подъ своимъ тѣломъ ежедневно рой червей, быть въ презрѣніи у

всѣхъ,—они дѣлались до цинизма неопрятны и вполнѣ равнодушны къ своей личности; они сами себя презирали. Вотъ фактъ: Лягва дошелъ до того, что глоталъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, съѣлъ однажды листъ бумаги, вымазанный деревяннымъ масломъ, ѣлъ сальные огарки.

Лягва уныло шатался по банѣ, высматривая, гдѣ бы добыть шайку. Онъ подошелъ къ Хорю, тоскливо и какимъ-то дряблымъ голосомъ проговорилъ:

— Дай шаечки, когда вымоешься.

Нищій второуѣзднаго класса, Хорь даже по отношенію къ Лягвѣ сумѣлъ выдержать роль нищаго. Онъ отвѣчалъ:

— Три копейки, такъ дамъ.

— У меня самого только двѣ.

— Давай ихъ.

— Что же у меня останется?

— Ну, давай пять паръ костяшекъ.

— У меня ихъ нѣтъ.

— Убирайся же къ чорту, fraterculus (братецъ)!

Онъ подошелъ къ Сатанѣ, которому кромѣ этого было другое прозвище: Ipse (самъ). Его никогда не звали собственнымъ именемъ, и мы не будемъ звать его. Черти, смотря по тому, къ какой націи они принадлежатъ, бываютъ разнаго рода. Есть чортъ нѣмецкій, чортъ англійскій, чортъ французскій и проч. Онъ ни на одного изъ нихъ не походилъ. Ipse былъ даже и не русскій чортъ; нашъ національный бѣсъ честенъ, веселъ и отчасти глуповатъ: такъ онъ представляется въ народныхъ сказкахъ и легендахъ. Ipse былъ чортъ-самородокъ, духъ того ада, которому имя бурса. Въ качествѣ чорта онъ и служилъ такому человѣку, каковъ [illegible]воръ Аксютка. Его прозвали Сатаной за его харак-

терецъ. Въ училищѣ существовалъ нелѣпый обычай дразнить товарищей, особенно новичковъ. Я сейчасъ объясню, что это значитъ. Соглашались трое или четверо подразнить кого-нибудь. Они приставали къ своей жертвѣ. Сначала насмѣхались надъ ней и ругали ее, потомъ начинались пощипыванья, наконецъ дѣло кончалось швычками, смазями, плюходѣйствіемъ. Задача такихъ невинныхъ развлеченій состояла въ томъ, чтобы довести свою жертву до бѣшенства и слезъ. Когда цѣль достигалась, мучители съ хохотомъ бросали свою жертву, которую часто доводили до самозабвенія и остервенѣнія; такъ Asinus (оселъ) прошибъ кочергой голову Идола, который вывелъ его изъ себя. Въ потѣхахъ такого рода всегда принималъ дѣятельное участіе Сатана: врядъ ли былъ другой мастеръ дразнить, какъ Ipse. Онъ рѣшался раздражать даже тѣхъ, кто былъ сильнѣе его. Назойливѣе, навязчивѣе Сатаны трудно себѣ представить что-нибудь. Иногда онъ систематически привязывался съ утра до вечера, въ продолженіи трехъ дней и болѣе, не давая на минуту покоя. Его часто бивали, и жестоко, но ему все было нипочемъ. Онъ былъ какой-то околоченный, деревянный. Только Аксютка могъ укрощать его, но и то потому, что Сатана благоговѣлъ предъ бурсацкимъ геніемъ Аксютки.

Къ такого-то рода господину обратился съ просьбою о шайкѣ Лягва.

— А вывернись!—отвѣчалъ ему Сатана.

— Мнѣ не вывернуться.

— Волоса вѣдь мокрые?

— Я не окачивался.

— Окатись, вотъ и шайку дамъ.

— Нѣтъ, не могу.

Лягва всталъ въ раздумьѣ, не зная, вывернуться или

нѣтъ. Когда предлагали вывернуться, то ученикъ подставлялъ свои волоса, которые партнеръ и забиралъ въ пясть. Ученикъ долженъ былъ высвободить свои волоса. Державшій за волоса имѣлъ право запустить свою пятерню только разъ въ голову товарища, и когда, мало-по-малу, освобождались волоса, онъ не имѣлъ права углубляться въ нихъ вторично. Мокрые волоса многіе вывертывали очень ловко. Впрочемъ, бывали артисты, которые рѣшались вывертываться и съ сухими волосами: къ числу такихъ принадлежалъ самъ Сатана. Ipse, видя, что Лягва не рѣшается, сказалъ:

— Ну, ладно, подожди, только вымоюсь.

— Вотъ спасибо-то!—отвѣчалъ Лягва радостно.

Онъ носилъ воду Сатанѣ, окачивалъ его, стараясь выслужиться и получить шайку; наконецъ, Сатана вымылся, и Лягва, съ радостнымъ выраженіемъ лица, протянулъ руку къ шайкѣ.

— Эй, ребята!—закричалъ Сатана.

— Что же ты, Ipse?

Но голосъ Лягвы вопіялъ какъ въ пустынѣ. Человѣкъ пятнадцать налетѣло на призывъ Сатаны.

— На шарапъ!

Сатана покатилъ шайку по скользкому полу. Всѣ бросились на нее самымъ хищнымъ образомъ.

Толкотня, шумъ, ругань и затрещины.

Наконецъ, когда вымылись многіе, шаекъ освободилось достаточное количество. Лягва добылъ шайку и началъ съ ожесточеніемъ намыливать голову, но лишь только волоса его и лицо покрылись густой пѣной мыла, какъ Сатана, вернувшійся зачѣмъ-то въ баню, вырвалъ у него шайку и сдѣлалъ ему смазь всеобщую. Лягва въ испугѣ раскрылъ широко глаза, пѣна пробралась за рѣсницы, и онъ ощутилъ въ нихъ ѣдкое щипанье, но

дѣлать было нечего; прищуриваясь и протирая глаза, онъ добрался кое-какъ до крана и промылъ здѣсь ихъ.

Между тѣмъ многіе уже вымылись; сдѣлалось гораздо тише въ банѣ, хотя и слышно были иногда греготанье, брань и прочее, что читатель, ознакомясь нѣсколько съ бытомъ бурсы, самъ уже можетъ вообразить себѣ.

Перейдемъ въ предбанникъ. Гардеробщикъ выдавалъ казеннымъ бѣлье. Ученики отправлялись въ училище не парами, а кто успѣлъ вымыться, тотъ и убирался восвояси.

Вотъ тутъ-то и наступалъ праздникъ бурсы.

— Теперь, дѣдушка, слѣдуетъ двинуть отъ всѣхъ скорбей,—говорилъ Бенелявдовъ Гороблагодатскому.

— То-есть столбуху водки, яже паче всякаго глаголемаго бога или чистилища?

— Въ Зеленецкій (кабакъ) дерганемъ.

— Только вотъ что: первая перемѣна Долбежина.

— Такъ что же?

— Замѣтитъ—отчехвоститъ (высѣчетъ).

— Съ какой стати онъ замѣтитъ?

— Развезетъ послѣ бани-то, натощакъ.

— А мы сначала потрескаемъ, а потомъ разопьемъ одну лишь штофендію.

— А, была не была, идетъ!

— Такъ наяривай (дѣйствуй), живо!

При баняхъ всегда бываютъ торговцы, которые продаютъ сбитень, молоко, кислыя щи, квасъ, булки, сайки, крендели и пряники. Здѣсь идетъ великое столованье. Человѣкъ двадцать ѣдятъ и пьютъ. Второкурсные безстыдно, а напротивъ, важно и съ сознаніемъ своего достоинства, пожираютъ и пьютъ чужое. Докрасна распаренныя лица бурсаковъ дышатъ наслажденіемъ. Нищій

второкурснаго класса, Хорь шатается между гостями и, по обыкновенію, кальячитъ. Ему сегодня везетъ: тамъ ему отщипнутъ кусочекъ булки, здѣсь онъ проситъ: „дай, голубчикъ, разокъ хлебнуть“—и ему даютъ благосклонно, послѣ чего датель продолжаетъ пить изъ того же стакана. Только аристократы засѣдаютъ въ трактирѣ, виноторговлѣ или кабакѣ, смотря по вкусу и расположенію духа. Огромное большинство не можетъ полакомиться и двухгрошевымъ стаканомъ сбитня или полутора-копеечною булкою. Оно смотритъ съ завистью и жадностью на угощающихся, особенно на второкурсныхъ, и щелкаетъ зубами. Изъ этого большинства выдѣлилась довольно большая масса учениковъ, которые не останавливались глазѣть около лавочки предбанника или кальячить, а отправлялись на промыселъ, высматривая по улицамъ и базару, нельзя ли гдѣ-нибудь что-либо стянуть. Аксютка, однако, успѣлъ стащить сайку въ лавочкѣ же.

Шли кучками и въ разбивку ученики. Въ эту минуту вся торговля скрестъ трепетала. Надобно замѣтить характеристическую черту бурсацкой морали: воровство считалось предосудительнымъ только относительно товарищества. Было три сферы, которыя по нравственному отношенію къ нимъ бурсака были совершенно отличны одна отъ другой. Первая сфера—товарищество, вторая—общество, то-есть все, что было внѣ стѣнъ училищныхъ, за воротами его: здѣсь воровство и скандалы одобрялись бурсацкой коммуной, особенно когда дѣло велось хитро, ловко и остроумно. Но въ такихъ отношеніяхъ къ обществу не было злости или мести: позволялось красть только съѣдобное; поэтому обокрасть лавочника, разносчика, сидѣльца уличнаго — ничего, а украсть, хоть бы на сторонѣ, деньги, одежду и тому

подобное считалось и въ самомъ товариществѣ мерзостью. Третья сфера—начальство: ученики гадили ему злорадно и съ местью. Такъ сложилась бурсацкая этика. Теперь понятно, отчего это, когда Аксютка стянулъ сайку, никто изъ видѣвшихъ его товарищей не остановилъ его: то было бы въ глазахъ бурсы фискальствомъ. Теперь также понятно, отчего это въ бурсацкомъ языкѣ такъ много самобытныхъ фразъ и реченій, выражающихъ понятіе кражи: вотъ откуда всѣ эти сбондили, сляпсили, сперли, стибрили, объегорили и тому подобныя.

Наши герои и пошли бондить, ляпсить, переть, тибрить, объегоривать.

Главными героями были Аксютка и Сатана — единый и какъ бы единственный (выраженіе изъ одного нелѣпаго, варварскимъ языкомъ изложеннаго учебника бурсы).

— Сатана!

— Что тебѣ?

— Ipse!—крикнулъ Аксютка.

— Да что тебѣ?

— Потирай руки!

— Значитъ, на лѣвую ногу можно обдѣлать (надуть кого-нибудь, украсть)?

— Ужъ ты помалчивай.

— Купимъ на пятакъ, сожремъ на четвертакъ!

— Вотъ тебѣ гривенникъ,—сказалъ Аксютка.

— Что расщедрился вдругъ?

— Пойдемъ въ мелочную: видишь, отворена ужъ. Ты торгуйся, да смотри по мелочамъ; муки, скажи, для приболтки въ супъ, на кипеечку (копеечку), цикорьицы на грошъ, перечку на кипеечку, лучку на

грошъ, клею на кипеечку, махорки на грошъ, леденчиковъ и постнаго маслица ужъ на двѣ.

— Во что же масла-то брать?

— Да ты Сатана ли? Ты ли мой любезный Ipse?

Аксютка сдѣлалъ ему смазь всеобщую. Сатана не разсердился на него, предвидя поживу. Онъ только по обыкновенію сдѣлалъ изъ фалдъ нанковаго сюртука хвостъ и описалъ имъ три круга въ воздухѣ, приговаривая:

— Я Ipse.

Аксютка сталъ объяснять ему:

— По мелочамъ будешь брать, дольше времени пройдетъ. Когда спросишь маслица, скажи, что забылъ дома бутылочку, и не отставай, проси посудинки.

— Облапошимъ! Аксенъ, ты умнѣе Сатаны!

— Ты долженъ звать меня: Аксенъ Иванычъ.

Сатанѣ была пожалована при этомъ смазь. Сатана вытянулся во фрунтъ, сдѣлалъ себѣ на головѣ пальцами рожки, сдѣлалъ на своей широкой рожѣ смазь вселенскую и въ заключеніе вернулъ хвостомъ трижды. Прозвали его Сатаной, и недаромъ: какъ есть сатана, съ хвостикомъ и рогами.

Планъ ихъ вполнѣ удался. У Аксютки черезъ четверть часа оказалось краденаго: двѣ булки, банка малиноваго варенья, краюха полубѣлаго хлѣба и десятка два картофеля. Ноздри Аксютки раздувались, какъ маленькіе паруса, — всегдашній признакъ того, что онъ либо хочетъ украсть, либо укралъ уже.

— Теперь, скакая играше веселыми ногами въ кабачару! — скомандовалъ невинный мальчикъ Аксюша.

Другое невинное дитя, мальчикъ Ipse, скорчилъ рожу

на номеръ седьмой, на которой выразились радость и одобреніе.

— Знаешь, что я отмочилъ?

— Что?

— Наплевалъ въ кадушку съ капустой.

— И-го-го-го!—заржало сатанинское горло.

Училищный и уличный тать Аксютка былъ человѣкъ необыкновенный, талантливый, человѣкъ сильной воли и крѣпкаго ума, но его сгубила бурса (впрочемъ, отчасти и домашнее воспитаніе), какъ она сгубила сотни и сотни несчастныхъ дѣтей. Въ самой системѣ и характерѣ его воровства сказалась сильная натура, — сильная, но погибшая нравственно. Онъ воровалъ артистически. Этотъ каторгорожденный не могъ стянуть безъ того, чтобы зло не подшутить надъ тѣмъ, у кого онъ кралъ. Когда онъ забирался въ сундукъ, ляпсилъ булку, тибрилъ бумагу, бондилъ книгу и проч.,— гдѣ бы другому бѣжать, а онъ не то: онъ сходитъ за каменьями или грязью и накладетъ ихъ въ сундукъ вмѣсто краденаго. Иные, зная его какъ вора и желая задобрить (случается, у насъ и не въ бурсѣ задобриваютъ воровъ, чтобы они не нагадили), приходили къ нему съ приношеніями; но онъ отказывался отъ приношеній, играя роль честнаго человѣка, котораго оскорбляетъ взятка. Вотъ примѣръ. Прислали изъ деревни одному ученику мѣшочекъ толокна. Онъ зналъ, что Аксютка видѣлъ присылку, и былъ вполнѣ убѣжденъ, что украдетъ толокно; поэтому ученикъ забѣжалъ къ Аксюткѣ съ акциденціей, предлагая ему около двухъ горстей толокна. Аксютка сказалъ: „Я не могу ѣсть толокна“. А у самого ноздри поднялись и опустились. Аксютка пожелалъ сыграть остроумно-воровскую штуку. Когда успокоенный товарищъ задвинулъ въ парту мѣ-

шокъ съ толокномъ, Аксютка подкрался, легче нежел блоха скачетъ, по полу, подъ парту толоконника и выкралъ мѣшокъ. Сряду же послѣ этого онъ подошелъ къ толокоинику и умоляющимъ голосомъ сказалъ ему: „Братецъ, ты обѣщалъ мнѣ толоконца, такъ дай". Тотъ полѣзъ въ парту: толокна не оказалось. Аксютка обругалъ его, сказалъ: „Свинья"! Обѣщалъ, а не даешь; я за это тебѣ отплачу!" и отвернулся; ноздри его раздувались какъ паруса, а на рожѣ отсвѣчивалось сознаніе своей силы въ воровствѣ. Черезъ полчаса онъ подошелъ къ окраденному имъ товарищу и сказалъ: „Не хочешь ли толоконца?"—Аксютка держалъ на ладони толокно.—„Это мое!"—„Нѣтъ, мнѣ самому мамаша прислала".—„Скотина, вѣдь у тебя и матери-то нѣтъ!"—„Я говорю про крестную мамашу". Таковъ былъ Аксютка. Особенно онъ былъ искусникъ мѣняться ножами. Здѣсь мы опишемъ еще одинъ характеристическій обычай бурсы. Обыкновенно кто-нибудь кричалъ: „Съ кѣмъ ножичками мѣняться?" Когда выискивался охотникъ на мѣну, тогда между ними начиналась слѣдующая продѣлка. Оба они выставляли на показъ другъ другу только концы ножей; тогда слѣдовало угадать, стоитъ ли рѣшиться на мѣну, чтобы вмѣсто хорошаго ножа не пришлось получить дурной. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ былъ особенно искусенъ Аксютка.

Мы убѣждены, что его участь—каторга. По исключеніи изъ училища онъ сначала поселился на постояломъ дворѣ, гдѣ, за три копейки суточнаго жалованья, при ночлегѣ и харчахъ хозяйскихъ, онъ рубилъ капусту, таскалъ дрова, топилъ печи, мѣсилъ хлѣбы и тому подобное. Но ему скоро наскучилъ честный трудъ, онъ обокралъ своего хозяина и утекъ отъ него. Послѣ того его встрѣчали: одинъ разъ въ подрясникѣ, другой—въ

тулупѣ, третій разъ во фракѣ,—словомъ, онъ изъ училищнаго вора сдѣлался всесвѣтнымъ мошенникомъ. Напрактиковавшись въ девятой школѣ (такъ древними бурсаками называлась школа жизненнаго опыта, которая слѣдовала за восьмиклассным обученіемъ въ бурсѣ), онъ поступилъ на службу въ качествѣ дьячка, но скоро за пьянство и буйство (онъ расшибъ стекла у городничаго) былъ сосланъ на тяжелую работу въ какой-то бѣдный монастырь. Выдержавъ курсъ церковнаго покаянія, Аксютка поступилъ въ соборный хоръ пѣвчимъ, но его протурили оттуда едва ли не за разбой. Аксютка при этомъ долженъ былъ перемѣнить духовное званіе на мѣщанское. Самое важное дѣло Аксютки то, что онъ хотѣлъ зарѣзать бывшаго своего благочиннаго. По этому дѣлу онъ былъ оставленъ въ подозрѣніи. Страшенъ этотъ человѣкъ, но напередъ можно сказать, что ему осталась одна торная дорога—владимірка, по которой идутъ сотни нашихъ каторжниковъ, и посреди этихъ сотенъ Аксютка будетъ одинъ изъ самыхъ отпѣтыхъ.

Теперь мы будемъ продолжать о другихъ.

Хищная бурса разсыпалась повсюду.

Старая, оборванная баба, бывшая нѣкогда камеліей низшаго сорта, которыхъ прозвище „ночныя крысы“, торгуетъ, для поддержанія своего дряхлаго тѣла, ободранными лимонами, растрескавшимся, какъ сухая глина, пряниками, сѣропѣгими булками и другимъ неудобоваримымъ отребьемъ. Когда она завидѣла возвращающуюся домой бурсу, то, какъ мать, защищающая свое дѣтище отъ волка, она прикрыла гнилое сухоястіе грязной тряпицей и дырявымъ передникомъ.

Ее однажды обокрали, но теперь бурсакамъ не удалось утащить ни одной черствой булки изъ-подъ вре-

тища отживающей женщины. Бурсаки на этотъ разъ ограничились одной лишь бранью съ несчастной женщиной.

Въ другомъ мѣстѣ промыслы учениковъ были удачны. Саепёки открыли длинное и широкое окно. На доскахъ дышатъ легкимъ паромъ только что испеченныя сайки. Хотя зоркій воровской глазъ бурсаковъ сразу же замѣтилъ, что тутъ трудно было поживиться, но ученики все-таки обнюхиваютъ мѣстность и вотъ съ радостью дѣлаютъ открытіе, что въ другомъ отдѣленіи саечной пекарни на доскахъ разложено сырое тѣсто. Саепёки не ожидали нападенія съ этого пункта и не защищали его отъ воровъ. Бурсаки, подъ предварительствомъ Хорька, прокрались въ пекарню и стали хватать тѣсто, торопливо пряча его въ карманы сюртуковъ и брюкъ. Едва они заслышали шаги саепёковъ, мгновенно скрылись, и черезъ минуту ихъ не было даже на базарѣ. Спросятъ, къ чему бы ученикамъ нужно было сырое тѣсто: неужели они съѣдятъ его сырымъ? Нѣтъ, они ухитрятся спечь его на вьюшкахъ, съ сажей—ничего! бурсаку и то на руку.

Теперь разскажемъ еще событіе.

Трое великовозрастныхъ зашли по дорогѣ къ пѣвчему, своему исключенному товарищу. Пѣвчаго нашли они лежащаго на постелѣ и страдающаго похмельемъ. Къ нему въ то время долженъ былъ зайти сапожникъ, за тѣмъ, чтобы получить съ него долгу три рубля. Пѣвчій наканунѣ того дня съ клятвою и божбою обѣщался ему заплатить непремѣнно, но изъ запасныхъ денегъ у пѣвца осталось около половины.

— Что, братцы, дѣлать?—вскричалъ встревежанный пѣвчій.

— Живо сюда!—отвѣчалъ ему одинъ изъ великовозрастныхъ.

— А что?

— Объегоримъ. Ложись, сейчасъ на столъ.

— Зачѣмъ?

— Не разговаривай, а ложись.

Поставили столъ въ переднемъ углу, подъ образами. Пѣвчій улегся на столъ, въ головахъ его зажгли восковую свѣчку, покрыли его бѣлой простыней, одинъ великовозрастный взялъ псалтырь, подошелъ къ пѣвчему и сказалъ ему:

— Умри!

Тотъ притворился мертвымъ. Бурсакъ началъ читать надъ нимъ псалтырь, какъ надъ покойникомъ, скорчивъ великопостную харю.

Вошелъ сапожникъ и, услышавъ монотонное чтеніе, понялъ, что въ дому есть мертвый. Онъ набожно перекрестился.

— Кто это?—спросилъ онъ.

— Товарищъ,—отвѣчали ему печально.

— Который это?

— Барсукъ.

Сапожникъ сначала почесалъ въ затылкѣ, подумалъ про себя: „Эхъ, пропали мои денежки!“, но потомъ умилился духомъ и сказалъ бурсакамъ.

— Вѣдь вотъ, господа, за покойникомъ-то должишка остался, да ужъ Богъ съ нимъ; грѣхъ на мертвомъ искать.

— Вотъ и видно добраго человѣка!—было отвѣтомъ,—его, признаться и похоронить не на что. Началъ, братъ, ты доброе дѣло, такъ и кончилъ бы: дай что-нибудь на поминки бѣдному человѣку.

Сапожникъ вынулъ полтину и подалъ имъ. Тѣ благодарили его.

Сапожнику естественно захотѣлось взглянуть на мертваго. Онъ, перекрестясь, проговорилъ:

— Да хоть взглянуть на него.

Барсукъ до того притворился мертвымъ, что хоть сейчасъ тащи на кладбище. Открыли его лицо: съ похмелья оно было блѣдно и имѣло мертвенный видъ.

Сапожникъ, по православному обычаю, приложился губами ко лбу пѣвчаго, а тотъ, сдѣлавъ подъ простыней фигу, думалъ про себя:

„Вотъ-те кукишъ, а не свѣчка!“

Когда сапожникъ удалился, мертвый воскресъ и съ дикимъ хохотомъ вскочилъ на столъ.

— Теперь, ребята, поминки справимъ.

— Четвертную!

— Огурцовъ да селедку!

То и другое было мигомъ добыто, и, поя разные духовные канты, перемѣшивая ихъ смѣхомъ и остротами, справляли поминальную тризну о упокоеніи раба Божія Барсука.

— Бурсаки съ торжествомъ и гордостью передавали другъ другу разсказъ объ этомъ событіи.

Но дѣло этимъ не кончилось.

Спустя мѣсяцъ времени сапожникъ встрѣтилъ подъ вечеръ Барсука.

Барсукъ и тутъ нашелся.

Скрестивъ руки и сверкая глазами, онъ грозно приблизился къ сапожнику и дикимъ голосомъ возопилъ:

— Неправедные да погибнутъ!

Сапожникъ растерялся: ему представилось, что онъ видитъ покойника, который воротился съ того свѣта, чтобы наказать его за то, что онъ дерзнулъ придти къ мертвому и требовать отъ него свой долгъ. Онъ перекрестился и съ ужасомъ бросился бѣжать, куда глаза глядятъ. Долго онъ потомъ разсказывалъ, какъ къ нему

являлся мертвецъ и хотѣлъ утащить его едва ли не въ тартарары.

Этотъ случай еще болѣе утѣшилъ бурсу.

Послѣдній скандалъ изъ банныхъ похожденій бурсаковъ.

Мехалка, воровски пробираясь по базару и увидѣвъ, что въ пряничной лавкѣ отворена дверь, заглянулъ въ нее. Онъ увидѣлъ въ ней торговца, который стоялъ въ дальнемъ углу, къ двери спиною. Мехалка былъ не тактикъ, а стратегикъ, и, много не разсуждая, стремительно бросился на пряникъ изъ стычныхъ ковригъ, который былъ величиною съ добрую доску, и потомъ выбѣжалъ вонъ изъ лавки. За нимъ съ крикомъ „грабятъ!“ устремился торговецъ. Мехалка, обременный ношею, бѣжалъ медленно и былъ въ опасности человѣка, котораго сейчасъ треснутъ по шеѣ. Онъ употребилъ слѣдующій стратегическій пріемъ: выждавъ приближеніе къ себѣ торговца и неожиданно обернувшись къ нему, поднялъ надъ головой ковригу и ударилъ ею въ лицо торговца. Потомъ пустился съ обломкомъ ковриги, оставшейся въ его рукахъ.

Мехалка былъ замѣчательная личность. Это не воръ, а чисто разбойникъ. Извѣстно было, что онъ, выходя изъ церкви, схватилъ попавшуюся ему навстрѣчу собаченку и расшибъ ей голову о тумбу, а потомъ закусилъ свой подвигъ сальною свѣчею. Зато хотѣли его отпороть не на животъ, а на смерть, но, по случаю Страстной недѣли и Пасхальной, экзекуція была отложена до Ѳоминой. Когда наступилъ день возмездія и подъ предводительствомъ смотрителя вошли въ классъ четыре солдата съ огромнымъ количествомъ розогъ, у Мехалки засверкали глаза, какъ у дикаго звѣря, и онъ, энергически сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, бросился къ отворен-

ному окну и вскочилъ на подоконникъ съ быстротою кошки. (Классъ былъ во второмъ этажѣ).

— Только подступись, размозжу себѣ голову о камни!— вскричалъ онъ. На убѣжденіе смотрителя покориться онъ отвѣчалъ, что бросится съ высоты второго этажа и тѣмъ накажетъ начальство. Смотритель плюнулъ и ушелъ. Михалкѣ за такія дикости вручили волчій паспортъ.

Извѣстно, что впослѣдствіи онъ, Аксютка и еще одинъ артистъ нанялись въ кузницу чернорабочими. Механка, работая здоровымъ молотомъ по наковальнѣ, добывалъ себѣ грошъ на свой образецъ, вмѣстѣ со своими товарищами. Забрался онъ на сосѣдній дворъ, разломалъ тамъ извозчичьи дрожки и все желѣзо утащилъ къ себѣ въ кузницу. Карьера его кончилась дьячествомъ, и онъ сдѣлался истиннымъ мучителемъ своего священника.

Вотъ вамъ, господа, веселая картинка бурсацкой бани, въ повѣсти о которой одни лишь голые факты. Къ нимъ нечего прибавлять; они сами за себя говорятъ.

Послѣ бани бурсаки, поѣвъ всего краденаго, были въ добромъ расположеніи духа, меньше раздавалось швычковъ и подзатыльниковъ, рѣже творились всеобщія смази, и вообще въ классѣ, сравнительно, было довольно тихо и скромно.

Въ Камчаткѣ собралось нѣсколько человѣкъ и ведутъ бесѣду о старинѣ и древнихъ герояхъ бурсы. Митаха занималъ среди нихъ первое мѣсто.

— Эхъ, господа, то ли дѣло было въ старину!

— Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучать.

— Зато, братъ, и пороли,—сказалъ Митаха.

— А что?

— Да вотъ вамъ случай.

— Разскажи, братъ, Митаха, разскажи.

— Только чуръ не перебивать.

Митаха началъ:

— Были у насъ три брата: Каля, Миля и Жуля. Это были силачи тогдашняго времени и обыкновенно занимались шитьемъ сапоговъ. Они однажды отправились въ городъ съ товарищами, чтобы кутнуть хорошенько на сторонѣ. Кутнули добре. Когда шли назадъ, то орали пѣсни на пять улицъ и встрѣтились съ казаками. Тѣ пригласили ихъ молчать. Наша братія ругаться. Драка. Бурсаки отдули казаковъ на обѣ корки и утекли въ училище, будучи увѣрены, что ихъ дѣло шито-крыто. Анъ нѣтъ: на другой день начались розыски. Все всплыло наружу. Вотъ была порка-то! Драли тогда подъ колокольчикомъ, среди двора, слѣва и справа; закачивали штукъ по триста.

— Братцы, я вотъ тоже знаю...—заговорилъ одинъ.

— Сказано, не перебивать!— отвѣтили ему.

— Сволочь!

— Животина!

— Мазепа!

Замѣчательно, что въ бурсѣ Мазепа было ругательное слово, и, вѣроятно, основаніе тому историческое; но во времена нами описываемой бурсы изъ пятисотъ человѣкъ врядъ ли пятеро знали о существованіи Мазепы. Здѣсь это имя было слово нарицательное, а не собственное. По преимуществу называли Мазепами толсторожихъ. Въ бурсѣ все своеобразно и оригинально.

Бурсакъ, перебившій разсказъ, замолчалъ.

— Ну, такъ что же, Митаха?

— А вотъ слушайте. Собрались всѣ ученики на дворъ, пришелъ инспекторъ, явились сторожа, и принесена огромная куча распаренныхъ лозъ. Каля, Миля и Жуля

стояли въ толпѣ. Имъ, братцы, успѣли товарищи вкатить передъ сѣченіемъ по полштофу водки. Растянули Калю, потомъ Милю, потомъ Жулю. Но хотя и драли ихъ пьяныхъ, хоть они закусывали себѣ руки до крови, однако послѣ порки ихъ отливаяли водой и на рогожѣ стащили въ больницу замертво. Вотъ такъ чехвостили!

— А зачѣмъ они кусали руку?

— Фаля!

— Бардадымъ!

— Вѣдь закуси руку, такъ оттягиваетъ: укусишь руку, рукѣ больно, а сзаду и не слышишь въ то время.

— Тогда же, братцы, вышелъ дивный случай.

— Ну-ка?

— При этой страшной поркѣ былъ одинъ приходскій ученикъ, только что привезенный изъ дому, котораго мамаша гладила по головкѣ, а здѣсь онъ увидѣлъ, что гладятъ по другому мѣсту. Онъ былъ мальчикъ худенькій, маленькій, блѣденькій, однимъ словомъ, вовсе не бурсакъ, а сволочь. Какъ онъ увидѣлъ такую знатную порку, такъ чуть не умеръ со страху. Онъ сталъ учиться отлично и каждый шагъ слѣдилъ за собою, чтобы не заслужить розгу. Когда сѣкли когонибудь, онъ дрожалъ и блѣднѣлъ. Учитель замѣтилъ это и возненавидѣлъ его, потому что терпѣть не могъ, когда кто-нибудь сильно кричалъ подъ лозами. Учителю захотѣлось попробовать, каковъ новичокъ подъ розгами. Придравшись къ какому-то случаю, онъ отпоролъ новичка такъ, что тотъ долго послѣ того таскалъ изъ тѣла своего прутья. Ученикъ послѣ порки упалъ въ обморокъ. Этимъ онъ окончательно вооружилъ противъ себя учителя, который началъ преслѣдовать его и каждый разъ поролъ жестоко. Ученику до того тяжко было

жить, что онъ рѣшился бѣжать изъ училища. Его поймали. Тогда онъ сначала хотѣлъ повѣситься, но потомъ рѣшился на слѣдующую штуку. Дождался онъ ночи, досталъ перочинный ножъ, разрѣзалъ себѣ руку и своей кровью написалъ на бумажкѣ: „Дьяволъ, продаю тебѣ свою душу, только избавь меня отъ сѣченья".

Вниманіе слушателей чрезвычайно было напряжено.

— Съ этой бумажкой, — продолжалъ Митаха,—онъ залѣзъ ночью въ двѣнадцать часовъ подъ печь. Что тамъ съ нимъ было, неизвѣстно. Оттуда его вытащили замертво. Онъ говорилъ, что видѣлъ чорта. Начальство, узнавъ его продѣлку, высѣкло его подъ колоколомъ, послѣ чего, говорятъ, онъ былъ снесенъ въ больницу, гдѣ и отдалъ душу Богу.

Такой разсказъ подѣйствовалъ даже на крѣпкое воображеніе бурсаковъ. Разговоры смолкли, и всѣ впали въ раздумье. Ученики понимали, а въ эту минуту особенно ясно сознали, что и при ихъ житьѣ-бытьѣ подчасъ хоть продавай душу чорту.

Когда впечатлѣніе нѣсколько ослабѣло, кто-то спросилъ:

— А кто изъ васъ, братцы, видѣлъ дьявола?

Никто не отозвался.

— А домового видѣлъ кто?

Оказалось, что домовыхъ видѣли многіе, а если кто самъ не видѣлъ, то зналъ такихъ, которые видѣли. Въ бурсѣ предразсудки и суевѣріе были такъ же сильны, какъ и въ простомъ народѣ: вѣрили въ лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ, вѣдьмъ, колдуновъ, заговоры и примѣты. Словомъ, эта сторона бурсацкой личности выражала глубокое невѣжество, которое начальство и не думало искоренять, потому что и само не всегда было свободно отъ суевѣрія.

Въ бурсѣ была даже доморощенная кабалистика. Такъ, почти вся бурса вѣрила, что если вынуть изъ пера сухую перепонку и положить ее въ книгу, то забудешь урокъ изъ той книги; если же такую перепонку положить подъ тюфякъ спящаго, то съ нимъ случится грѣхъ, за который заставятъ поцѣловать Лягву. Считалось дурнымъ—книгу послѣ урока оставить открытою, потому что урокъ забудешь. Когда кто-нибудь мистифицировалъ, говоря, что идетъ учитель, ему кричали: „Чего сволочь, врешь-то? хочется, чтобы злымъ пришелъ!“ Для того же, чтобы не спросилъ учитель, была примѣта у нѣкоторыхъ учениковъ держаться за какую-нибудь часть тѣла... Въ училищѣ одно время былъ даже свой туземный колдунъ. Это былъ ученикъ, прибывшій въ мѣстную бурсу изъ Кіева, нѣкто Бѣгути. Его прозвали такъ за то, что онъ, разсказывая сказку, выговаривалъ, вмѣсто „бѣжали, бѣжали“ — „бѣгути, бѣгути“. Онъ брался угадывать, у кого сколько въ деревнѣ коровъ, въ семействѣ сестеръ, въ карманѣ денегъ и т. п. Многіе серьезно вѣрили ему.

Кстати мы разскажемъ продѣлку Аксютки надъ Гришкецомъ. Аксютка вотъ уже цѣлую недѣлю подговариваетъ товарищей, чтобы они показывали Гришкецу, что серьезно считаютъ его за колдуна. Когда это состоялось, многіе стали обращаться къ нему съ просьбою поворожить имъ. Гришкецъ сначала принималъ это за шутку, но товарищи выдерживали свою роль отлично, такъ что Гришкецъ, наконецъ, принялъ ихъ затѣю за чистую монету. Тогда онъ перепугался и сталъ умолять товарищей, чтобы они не считали его за колдуна. Но они, видя его тревогу, усилили свою назойливость. Гришкецъ едва не потерялъ разсудка. Когда Аксютка, сидя подлѣ него въ столовой, умолялъ Гришкеца научить его

колдовать, то Гришкецъ обратился къ инспектору съ такими словами: „Я, ей Богу, господинъ инспекторъ, не умѣю колдовать. Возьму ли я такой грѣхъ на душу?“ И онъ, крестясь, увѣрялъ, что Аксютка вретъ все.

Чертовщина для разговоровъ бурсаковъ — предметъ неистощимый.

Но мы, однако, незамѣтно перешли опять къ воспоминаніямъ давнихъ дней. Мы приведемъ два разсказа.

Ученикамъ было запрещено начальствомъ купаться, и по его приказанію полиція преслѣдовала бурсаковъ на рѣкѣ. Надзиратель, видя, что ученики не унимаются, рѣшился во что бы то ни стало изловить ихъ и представить къ начальству. Каля, Миля и Жуля взбѣсились и, взявъ съ собой нѣсколько товарищей, ва другой же день нарочно отправились купаться. Нагрянулъ надзиратель и накрылъ ихъ на мѣстѣ преступленія, но они схватили его, зажали ему ротъ, чтобы не кричалъ, и потомъ выкупали его. Послѣ этой операціи они завязали ему брюки у сапогъ, такъ что на нихъ образовались два мѣшка, и набили брюки пескомъ до самаго пояса; послѣ этого съ хохотомъ бросили его и утекли во-свояси. Несчастный долго барахтался, не могши подняться съ земли. Когда его освободили, онъ закаялся безпокоить учениковъ.

Одному изъ товарищей надобно было справить именины, а денегъ было всего пять рублей. Это было лѣтомъ. Идетъ нашъ бѣдняга со своими друзьями по берегу рѣки да горюетъ. Въ одномъ мѣстѣ они натолкнулись на кучку рабочихъ, которые оставили свою барку и на берегу варили кашу. — „Хлѣбъ да соль!“ говорятъ.—„Хлѣба соли кушать“.—„Но безъ водки что за ѣда?“—„Гдѣ же ее взять?“—„А вотъ деньги“,— сказалъ бурсакъ, подавая на полведерную. Мужики

обрадовались и тотчасъ добыли водки. Бурсаки напоили ихъ допьяна, и когда они удалились спать въ барку, то угнали ее и вмѣстѣ съ мужиками продали.

Такіе разсказы и воспоминанія о подвигахъ бурсаковъ ученики всегда выслушивали охотно и съ полнымъ одобреніемъ.

Но ударилъ звонокъ, и начались классы.

Мы сказали, что начинаются классы, а начинаются они слѣдующимъ образомъ.

— Поймалъ вошь,—сказалъ одинъ изъ камчатниковъ.

— Будетъ дождь.

— Я двѣ рядомъ.

— Будетъ съ градомъ.

Какой-то великовозрастный, ни къ селу, ни къ городу, сталъ подщелкивать словами:

— Разъ-два—голова, три-четыре—прицѣпили, пять-шесть—въ рядъ снесть, семь-восемь—сѣно косимъ, девять-десять—сѣно вѣсить, одиннадцать-двѣнадцать—на улицѣ бранятся.

Потомъ другой великовозрастный, вытянувъ изъ сапога берестяную тавлинку, затянулъ благимъ гласомъ какой-то кантъ и зарядилъ носъ съ присвистомъ.

Въ училищѣ нюханье табаку было развито въ высшей степени. Иначе и нельзя: во время занятій, на которыхъ одна лампа о трехъ рожкахъ давала свѣтъ на сто и болѣе человѣкъ, поневолѣ рябило въ глазахъ, а когда ученикъ заряжалъ понюшки табаку, то глаза его дѣлались на нѣсколько минутъ свѣтлѣе. Во время классовъ, изъ которыхъ каждый по два часа, монотонные отвѣты уроковъ учителю нагоняли непобѣди-

мый сонъ, — и вотъ, когда ученикъ понюхаетъ табаку, то поневолѣ раскроетъ глаза. Табакъ былъ запрещенъ начальствомъ, но товарищество не хотѣло и знать этого запрещенія. Табакъ покупался у Захаренки, который мололъ его изъ махорки и потому продавалъ довольно дешево. И въ отношеніи нюханья табаку въ бурсѣ были свои особенности. Такъ, нюхали со швычка, брали перстью, но особенно замѣчательно, когда табакъ раскладывался по указательному пальцу до кисти и вбирался въ носъ сильнымъ вдыханіемъ. Бывали пари, кто больше вынюхаетъ въ одинъ пріемъ, и случалось, что задорный нюхальщикъ, рѣшившись на непосильную понюшку и принявъ ее, падалъ въ обморокъ.

До прихода учителя ученики успѣли сыграть въ краски. Выбрали изъ среды себя ангела и чорта, выбрали хозяина; другимъ участникамъ въ игрѣ были розданы названія той или другой краски, которыя не сообщались ни ангелу, ни чорту. Вотъ приходитъ ангелъ и стучитъ онъ въ двери.

— Кто тутъ?—спрашиваетъ хозяинъ.

— Ангелъ.

— За чѣмъ?

— За краской.

— За какой?

— За зеленой.

— Кто зеленая краска, иди къ ангелу.

Въ свою очередь приходитъ къ хозяину чортъ, выбираетъ себѣ краску и уводитъ ее.

Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не разберутся всѣ краски. Тогда сила ангела становится одесную отъ хозяина, а сила дьявола ошую. Каждая изъ партій образуетъ изъ себя цѣпь, хватая другъ друга сзади за животы. Ангелъ и чортъ сцѣпляются руками, — и вотъ

взревѣли и ангелы, и черти—и началась таскотня. Долго шла борьба, но чортъ таки одолѣлъ.

Вдругъ отворилась дверь. Въ классъ вошелъ господинъ огромнаго роста, въ коричневой шинели. Все смолкло. Это былъ учитель Иванъ Михайлычъ Лобовъ. Цензоръ прочиталъ молитву „Царю небесный". Ученики стояли, ожидая приказанія сѣсть. Сѣли. Великій педагогъ отправился къ столу, за которымъ и сѣлъ на грязномъ стулѣ. Онъ взялъ нотату. Многіе вздрогнули. Немного помолчавъ, Лобовъ крикнулъ:

— Аксютка!

— Здѣсь,—смѣло отвѣчаетъ Аксютка.

— Ты опять?

— Не могу учиться.

— А отчего до сихъ поръ учился?

— Теперь не могу.

— Къ печкѣ!.. На воздусяхъ его!

Аксютка озлилъ учителя. Онъ съ нимъ выдѣлывалъ штуки, на которыя никто не рѣшался. Этотъ, отчасти описанный нами, воръ имѣлъ отличныя способности, память у него была обширнѣйшая, и, вѣроятно, онъ былъ умнѣе всѣхъ въ классѣ; ничего не стоило ему прочитать урокъ раза два, и онъ отвѣчалъ его слово въ слово. Учиться значитъ было легко ему. Но онъ вдругъ прекращалъ заниматься, поддразнивая учителя на зло. Его сѣкли, но ничего не могли подѣлать съ нимъ. Тогда его поселяли въ Камчатку. Но лишь только онъ добивался своего, какъ опять начиналъ учиться отлично, его переводили на первую парту, и лишь только переводили, онъ опять запѣвалъ:

„Ай люли, люли, люли!
А въ нотатѣ все нули!"

Послѣ такой пѣсни Аксютка опять ничего не дѣлалъ.

Снова повторялось сѣченье. Онъ у Лобова нѣсколько разъ переходилъ изъ Камчатки на первую парту и обратно.

Наконецъ Лобовъ разсвирѣпѣлъ, и раздалось его грозное — на воздусяхъ.

Тотчасъ же выскочили четверо парней, схватили его, раздѣли, взяли за руки и за ноги, такъ что онъ повисъ въ горизонтальномъ положеніи, а справа и слѣва начался свистъ лозъ.

Взвылъ Аксютка, а все-таки кричитъ:

— Не могу учиться! Ей Богу, не могу!

— Положите ему подъ носъ книгу.

Положили.

— Учи!

— Не могу! Хоть образъ со стѣны снять, не могу.

— Сейчасъ же и учи!

На этотъ разъ Аксютка правду кричалъ, что не можетъ учиться, потому что лежалъ подъ розгами, и учитель это сознавалъ, но все-таки продержалъ его висящимъ надъ книгой достаточно.

— Бросьте эту тварь.

Аксютка пробрался въ Камчатку.

— Дать ему сугубое раза!

Товарищи повскакали съ партъ, бросились на Аксютку и зарядили ему въ голову картечи, то-есть швычковъ.

Взвылъ Аксютка:

— Хоть убейте, не могу учиться!

Лобовъ имѣлъ обыкновеніе ходить въ классъ съ длиннымъ березовымъ хлыстомъ. Онъ поднялся съ мѣста и вытянулъ Аксютку вдоль спины, а тотъ взвылъ.

— Ей Богу, не могу учиться!

Лобовъ мало-по-малу успокоился, и классъ продол-

жался обычнымъ порядкомъ. Спустя нѣсколько времени онъ крикнулъ:

— Цензоръ, квасу!

Цензоръ отправился за квасомъ и принесъ его.

Лобовъ, прихлебывая изъ оловянной кружки квасъ, просматривалъ нотату и назначалъ по фамиліямъ, кому къ печкѣ—для сѣченья, кому къ доскѣ на колѣни, кому колѣнами на ребро парты, кому безъ обѣда, кому въ городъ не ходить. Классъ Лобова разукрасился всевозможно разставленными фигурами. Потомъ онъ сталъ спрашивать знающихъ учениковъ, поправляя отвѣчающаго, когда онъ отвѣчалъ не слово въ слово, и запивая бурсацкую премудрость круто завареннымъ квасомъ. Онъ сидѣлъ обыкновенно въ калошахъ, не снимая своей красноватаго цвѣта шинели. Когда спрошенный изъ учениковъ кончилъ свой отвѣтъ, Лобовъ полѣзъ въ карманъ шинели и вынулъ изъ него довольно большой пирогъ, который сталъ уписывать съ аппетитомъ. Бурсаки съ жадностью посмотрѣли на пожираемый пирогъ. Такъ Лобовъ имѣлъ обычай завтракать во время класса, мѣшая пищу духовную съ пищей тѣлесной.

Послѣ экзаменаціи пяти учениковъ онъ сталъ дремать и, наконецъ, заснулъ, легонько всхрапывая. Отвѣчавшій ученикъ долженъ былъ дожидаться, пока не проснется великій педагогъ и не примется опять за дѣло. Лобовъ никогда уроковъ не объяснялъ—жирно, дескать, будетъ, а отмѣчалъ ногтемъ въ книжкѣ съ э н т и х ъ до э н т и х ъ, предоставляя ученикамъ выучить урокъ къ с л ѣ д у ю щ е м у, то-есть классу.

Что этотъ великій педагогъ, въ своей юности, недосѣченъ или пересѣченъ?

Морфей легонько посвистывалъ себѣ черезъ носъ педагога, а ученики, наказанные на колѣни и столбомъ,

воспользовались этимъ. Поднялся легкій шумокъ, и начались невинныя игры бурсаковъ, какъ-то: въ шашки, святцы (карты), костяжки, щипчики, швычки и т. п.

Ударилъ звонокъ, учитель проснулся и послѣ обычной молитвы удалился. По выходѣ учителя классъ наполнился обычнымъ шумомъ.

Второй классъ, латинскій, занималъ нѣкто Долбежинъ. Долбежинъ былъ тоже огромнаго роста господинъ; онъ былъ человѣкъ чахоточный и раздражительный и строгъ до крайности. Съ нимъ шутить никто не любилъ; ругался онъ въ классѣ до того неприлично, что и сказать нельзя. У него было положено за священнѣйшую обязанность въ продолженіе курса непремѣнно пересѣчь всѣхъ, и прилежныхъ, и скромныхъ, такъ, чтобы ни одинъ не ушелъ отъ лозы. Его мучилъ бѣсъ какой-то бурсацкой зависти, когда изъ его класса къ концу курса остались все-таки несѣченными ни разу двое, державшихъ себя крайне осторожно. Придраться было не къ чему, но онъ выискалъ-таки случай. Однажды онъ пропустилъ было уже свой классъ, и ученики весело ожидали звонка, но вдругъ минутъ за пять до него Долбежинъ показался на концѣ училищнаго двора; лицо его было какъ-то особенно грозно (онъ былъ сильно выпивши), взоры его были устремлены на окна своего класса. Многіе струхнули. Одинъ изъ несѣченныхъ въ это время взглянулъ въ окно и потомъ быстро скрылся въ классѣ.

— Елеонскій (несѣченный)! — крикнулъ, входя въ классъ, Долбежинъ.

Елеонскій, трясясь всѣмъ тѣломъ, подошелъ къ нему.

Долбежинъ ударилъ его въ лицо кулакомъ и окровавилъ его: изъ носу и рта потекла кровь...

Елеонскій ни слова не отвѣчалъ. Блѣдный и дрожащій, онъ смотрѣлъ безсмысленно на учителя.

— Отодрать его.

Елеонскаго отодрали.

Остался одинъ только несѣченный. Того, напротивъ, отодралъ Долбежинъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Душенька, — сказалъ онъ ему, улыбаясь, — поди къ порогу.

— Да за что же?

— За то, что тебя ни разу не сѣкли.

Тотъ и не думалъ отвѣчать, что это не причина, и отправился къ порогу.

Не осталось ни одного несѣченнаго въ классѣ.

Но, несмотря на все это, трудно повѣрить, его не только уважало товарищество, но и любило. Долбежинъ самъ былъ точно отпѣтый. Онъ, какъ и товарищество, терпѣть не могъ „городскихъ“, и одному изъ нихъ далъ самое неприличное прозвище; фискала, пришедшаго къ нему наушничать, онъ отодралъ не на животъ, а на смерть; ученики въ родѣ Гороблагодатскаго были его любимцами. Однажды Блоха рѣшился изумить товарищество, и подъ лозами Долбежина молчалъ, какъ будто и не его дерутъ: Долбежинъ при всѣхъ назвалъ его молодцомъ, тогда какъ за ту же продѣлку Лобовъ вознесъ его на воздусяхъ, а потомъ просолилъ насквозь сѣченное тѣло. Долбежинъ не бралъ съ родителей взятокъ и до того былъ честенъ, что составленный имъ списокъ учениковъ съ отмѣтками объ ихъ ученіи за треть онъ читалъ ученикамъ и позволялъ устраивать диспуты тѣмъ, которые претендовали на высшее мѣсто. Вотъ за это-то и любили его.

Сегодня были только два случая въ классѣ. Вызванъ былъ Копыта. Онъ взялъ книжку латинскую и хотѣлъ было остаться переводить за партою.

— На середину!—сказалъ Долбежинъ.

На середкѣ отвѣчать было хуже, чѣмъ за партой, потому что въ первомъ случаѣ товарищи подсказывали ученику. Отвѣчающій способенъ былъ разслышать самый тонкій звукъ, а если не разслушивалъ, то, глядя искоса, онъ угадывалъ слово по движенію губъ.

Копыта вышелъ на середку. Здѣсь онъ срѣзался (то же, что въ гимназіи провалился) и не могъ перевести одного пункта.

— Не такъ!—сказалъ Долбежинъ:

Тотъ перевелъ иначе.

— Не такъ!

Копыта на новый манеръ.

— Къ печкѣ!

Копытѣ дали всего десять ударовъ. Онъ обрадовался, что такъ легко отдѣлался, и уже направился за парту, но услышалъ голосъ Долбежина.

— Переводи снова.

Тотъ перевелъ на новый манеръ.

— Еще разъ къ печкѣ!

Копытѣ дали еще десять лозъ и снова заставили переводить. На этотъ разъ Копыта сказалъ, что онъ не можетъ и придумать еще новой варьяціи, за что и услышалъ:

— Къ печкѣ!

Десять дали и — снова переводить. Копыта напрегъ всѣ усилія памяти и разсудка. Ничего не выходило.

— Ну!—сказалъ Долбежинъ, и уже палецъ указательный его поднялся по направленію къ печкѣ.

Способности Копыты были страшно напряжены, мозгъ работалъ въ сто силъ лошадиныхъ, и вотъ,—точно оза-

реніе свыше, сложилась въ головѣ его новая варьяція. Онъ сказалъ ее.

— Наконецъ-то! — одобрилъ его Долбежинъ. — Довольно съ тебя. Пошелъ за парту. Вались дерево на дерево!

Вслѣдъ затѣмъ Долбежинъ обратился къ Трезоркѣ:

— Вокабулы приготовилъ?

— Нѣтъ.

— Что? который это разъ?

— Если угодно, приготовлю, — отвѣчалъ Трезорка бойко.

Трезорка былъ городской и привыкъ къ довольно свободному обращенію. Его развязность взбѣсила Долбежина. Онъ поблѣднѣлъ, на лбу надулись жилы.

— Ахъ ты, подлецъ!—закричалъ онъ и сильной рукой поднялъ въ воздухѣ здоровый лексиконъ Кронеберга. Лексиконъ взвился и полетѣлъ черезъ классъ: еще немного—такъ и влѣпился бы голову бойкаго мальчика. Онъ потомъ началъ ругаться и плеваться: въ его чахоточной груди клокотала мокрота; дерзость озадачила его, но онъ почему-то не посмѣлъ отпороть Трезорку,— вѣроятно, потому, что отецъ Трезорки былъ довольно значительное лицо въ городѣ. И, дѣйствительно, завязалось было дѣло, но кончилось все-таки ничѣмъ.

Въ классѣ послѣ этого скандала наступила смертная тишина. Всѣ дрожали. Одинъ только беззаботный Карась, при томъ еще сидѣвшій на первой партѣ, на глазахъ разъяреннаго учителя, ухитрился уснуть. Его вдругъ спросилъ учитель, а онъ, не слыша этого, тихо всхрапывалъ. Товарищъ его толкнулъ, но уже было поздно: у учителя сверкали глазки.

— Къ печкѣ!

— Розогъ нѣтъ,—сказалъ сѣкундаторъ.

— А давеча чѣмъ сѣкъ?

— Тѣ изломались.

— Сходи за новыми.

Карась между тѣмъ клялся и божился, что всталъ въ три часа, чтобы приготовить урокъ, что у него голова болитъ, а въ существѣ дѣла на него одурь напала отъ латинщины, и онъ смежилъ свои карасиныя очи.

— Я тебѣ!

Явился сѣкундаторъ, но безъ розогъ.

— Розги всѣ вышли, —сказалъ онъ.

Учитель опять вспыхнулъ, поднялся со стула и отправился къ той партѣ, гдѣ сидѣлъ сѣкундаторъ. Онъ отыскалъ свѣжія розги. Карась запищалъ:

— Простите!..

Но учитель въ это время позабылъ Карася, а направился къ сѣкундатору. Взявъ пукъ длинныхъ лозъ за жидкій конецъ, онъ началъ бить его комлемъ и по спинѣ, и въ брюхо, и въ плечи, и по ногамъ.

Раздался звонокъ. Пропѣли молитву „Достойно есть...“ Между тѣмъ Карась спасся. Этотъ же учитель, озлившійся на Трезорку за умѣренный оттѣнокъ дерзости въ его отвѣтѣ, прощалъ и даже съ удовольствіемъ встрѣчалъ дерзости очень крупныя. Такъ, однажды, на публичномъ экзаменѣ пришлось держать отвѣтъ нѣкоему Ваксѣ. Долбежинъ изъ-подъ стола показалъ ему кулакъ и проговорилъ тихо: „только срѣжься, я тебѣ!“—Вакса показалъ ему свой кулакъ и прошепталъ непечатную брань. Это только утѣшило учителя.

Наконецъ, Долбежинъ былъ циникъ. Онъ съ тѣмъ же Ваксой разсуждалъ о самыхъ грязныхъ вещахъ. Тотъ ему отвѣчалъ не стѣсняясь и откровенно, и оба они импровизировали самымъ грязнымъ образомъ на разныя темы.

Заглянула бурса въ столовую „щей негодныхъ похлебала, и опять въ свой классъ идетъ". Кормили скверно; хлѣбная мука мѣшалась съ мякиной; нерѣдко порціи говядины летѣли за окно и гнили потомъ на дворѣ; одинъ только Комедо собиралъ порцій по шести и потреблялъ ихъ; въ супѣ попадалясь маленькіе бѣловатые червяки, въ кашѣ мышиный пометъ; только при одномъ экономѣ пища была безукоризненна, но такіе экономы были рѣдкость въ бурсѣ. (Впрочемъ, въ своемъ мѣстѣ мы дойдемъ и до этого экономa).

Лобовъ граничилъ по своему характеру къ Тавлѣ, Долбежинъ къ Гороблагодатскому. Перейдемъ теперь къ характеристикѣ третьяго лица, которое, собственно говоря, не составляло цѣльнаго типа, а было помѣсью двухъ названныхъ нами. Этотъ господинъ носилъ имя Батьки.

Онъ былъ красавецъ собою, съ открытымъ грудным и объемистымъ басомъ, лицо — кровь съ молокомъ. Онъ, между прочимъ, преподавалъ такъ называемый „У с т а в ъ", то-есть науку, какъ править церковныя службы. Эта наука излагалась имъ самымъ страннымъ образомъ. Вмѣсто того, чтобы выдать церковныя книги на руки ученикамъ, ознакомить съ тѣми книгами наглядным образомъ, показать по самымъ книгамъ, когда что и гдѣ читалось и пѣлось, — вмѣсто этого выдавались записочки, въ которыхъ, по порядку службы, обозначались только первыя слова каждаго чтенія или пѣнія. Такихъ заголовковъ цѣлые листы писчей бумаги. До того трудно и тошно было ученье и зубренье, что изъ ста слишкомъ учениковъ знало урокъ, случалось, только четверо. Кажется, ясно, что тутъ уже не ученики виноваты. Правда, могло случиться, что ученики на зло учителю дѣлали стачку не учить урока, но такія стачки

назывались бунтомъ и разрѣшались великимъ сѣченіемъ класса; но тутъ была не стачка, а только физическая и умственная невозможность вызубрить все это. И это понималъ самъ Батька. Несмотря на все это, онъ поочередно сѣкъ весь классъ: такъ парта за партой и выдвигались къ печкѣ. Хотя въ этихъ случаяхъ сѣкундаторы были крайне снисходительны, но снисходительны только къ тѣмъ, кого любили. Сѣкундаторы были очень изобрѣтательны и свою профессію знали спеціально. Когда Батька заподозрѣвалъ сѣкундатора въ мирволеньѣ и шелъ свидѣтельствовать производство сѣкуціи, тогда оказывалось, что тѣло наказываемаго было покрыто синими полосами: секретъ въ томъ, что сѣкундаторъ намазывалъ лозы чернилами, потомъ стиралъ ихъ слегка; достаточно было легкаго прикосновенія ихъ, чтобы сдѣлать фальшивый рубецъ. Чортъ знаетъ, на что расходовался умъ воспитанника! Когда приходилось, что три описанные учителя занимали уроки въ одинъ и тотъ же день, то одного и того же ученика сѣкли нѣсколько разъ въ одинъ день (въ продолженіе училищной жизни непремѣнно разъ четыреста). Но сегодня не было устава. Занимались другимъ предметомъ. Бѣда, когда Батька приходилъ пьянъ! Тогда лицо его было блѣдно, а черные огромные глаза особенно глубоки и блестящи. Сегодня эта бѣда и случилась. Всѣ вздрогнули, какъ только онъ вошелъ. По лицу всѣ узнали, что будетъ классу великое горе. Взялъ онъ нотату. Мучительную и страшную минуту пережилъ классъ. Батька вызвалъ Элпаху. Элпаха, трясясь тѣломъ и содрогаясь душою, вышелъ на средину.

— Я...—голосъ его пересѣкся.

— Что ты?—спокойнымъ, но глубоко, сосредоточенно злымъ голосомъ спросилъ его Батька.

— Я... сегодня... именинникъ...

— Такъ съ ангеломъ! — Октава его упала на двѣ ноты ниже, а сердце свирѣпѣло, и въ немъ развивались кровожадность и звѣрскіе инстинкты. Страшенъ онъ былъ въ эту минуту.

— Я...—заговорилъ страдалецъ,—былъ въ церкви...

— Доброе дѣло!

— Я потому и не успѣлъ выучить урока... — погасающимъ голосомъ продолжалъ Элпаха, видя, какъ съ мертвенно-блѣднаго лица смотрѣли на него неподвижные, блестящіе сосредоточенной ненавистью глаза...

— Ты думаешь, что радуется твой ангелъ на небесахъ?

Элпаха молчалъ; въ его сердцѣ пробивалась слабая надежда, что его не накажутъ, потому что батькинъ гнѣвъ иногда истощался въ нравоученіяхъ, которыми увлекался онъ на полчаса и болѣе. Элпаха ждалъ, что будетъ.

— Онъ плачетъ о твоей лѣности.

Элпаха ни живъ, ни мертвъ.

— И ты долженъ плакать. Поди сюда.

Элпаха ни съ мѣста.

— Поди же сюда!—тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ повторилъ Батька.

Элпаха подошелъ къ нему.

— Встань тутъ, около меня, на колѣни.

Дрожащій Элпаха всталъ.

— Твой ангелъ плачетъ, и ты заплачешь. Положи свою голову ко мнѣ на колѣни.

Тотъ медленно исполнилъ это, не понимая, что съ нимъ хотятъ дѣлать. Но вотъ онъ сильно вскрикнулъ и поднялъ голову, за которую ухватился руками.

— Лежи, лежи!—сказалъ ему Батька.

Отчего вскрикнулъ Элпаха? А оттого, что Батька

взялъ щепоть волосъ его, сильной рукой вздернулъ ихъ кверху, вырвалъ съ корнемъ и, постепенно разводя свои красивые пальцы, сдувалъ съ нихъ волоса и продолжалъ дуть, пока они летѣли въ воздухѣ.

— Лежи, лежи!—повторилъ Батька.

Элпаха съ воемъ опустилъ свою голову на колѣни его какъ на эшафотъ...

Батька взялъ вторую щепоть Элпахиныхъ волосъ, и опять выдернулъ ихъ съ корнемъ, и опять пустилъ ихъ по воздуху.

— Простите, ради Бога!—взмолился страдалецъ.

— Лежи, лежи!—отвѣчалъ Батька. Что-то сатанинское было въ его ровныхъ октавахъ...

Еще медленнѣе и хладнокровнѣе онъ повторилъ ту же операцію въ третій разъ.

Элпаха рыдалъ мучительно.

— Теперь поди встань на колѣни посреди класса!—сказалъ Батька, когда улетѣлъ послѣдній волосъ Элпахи и пропалъ въ воздухѣ.

Батька потомъ долго сидѣлъ, понуря голову. Не почувствовалъ ли онъ угрызеній совѣсти?

— Стой на колѣняхъ цѣлый годъ!

Значитъ, совѣсть его была спокойна. Батька имѣлъ обыкновеніе ставить на колѣни на цѣлый годъ, на цѣлую треть, на мѣсяцъ: какъ его классъ, такъ становись. Безпощадный человѣкъ!

Въ продолженіе всего класса Батька разбойничалъ. Чего, чего онъ ни придумывалъ: заставлялъ кланяться печкѣ, цѣловать розги, сѣкъ и солилъ сѣченаго, одно слово—артистъ въ своемъ дѣлѣ, да подъ пьяную еще руку.

Но все таки приходится сказать, что большая часть товарищества уважали его по тѣмъ же причинамъ, по

какимъ и Долбежина, и только меньшинство ненавидѣло его и боялось. Въ описываемый нами періодъ бурсы нравственный уровень товарищества и начальства былъ почти одинаковъ. Но впослѣдствіи увидимъ, что въ товариществѣ и въ лучшей половинѣ начальства развились иныя начала. Что описываю теперь,—скверно, но что дальше, то лучше становилось товарищество и добрѣе люди изъ начальства. И жаль, и досадно мнѣ, что нѣкоторые писатели заявили, будто я все исчерпалъ относительно бурсы въ „Зимнемъ вечерѣ бурсы“. Уже въ слѣдующемъ очеркѣ вы увидите добрые задатки для будущаго въ жизни бурсаковъ, хотя и тамъ будетъ много гадкаго. Бурса будетъ въ моихъ очеркахъ, какъ и на дѣлѣ было, постепенно улучшаться,—только позвольте описать такъ, какъ было, не прибавляя, не убавляя. Всякое дѣло строится не сразу, а должно пройти многія фазы развитія. Еще очерковъ восемь, и бурса, дастъ Богъ, выяснится окончательно. Если придется ограничиться только этими двумя очерками—„Зимній вечеръ въ бурсѣ“ и „Бурсацкіе типы“, то будетъ очень жаль, потому что читатель тогда не получитъ полнаго понятія о томъ, что такое бурса, и потому, относительно, составитъ о ней ложное представленіе.

Женихи бурсы.

Очеркъ третій.

1863.

Наконецъ, Аксютка доигрался съ Лобовымъ до скверной шутки. Заглянула бурса въ столовую, „щей негодныхъ похлебала и опять въ свой классъ идетъ“. Одинъ лишь Аксютка щелкаетъ зубами.

Какъ бы то ни было, всѣ болѣе или менѣе подкрѣпились: одинъ лишь Аксютка щелкаетъ зубами отъ голода, или, по туземному выраженію, у него по брюхъ девятый валъ ходитъ, въ брюхѣ зорю бьютъ. Положеніе Аксютки никогда не было такъ безпомощно, какъ теперь, и въ моральномъ, и въ животномъ отношеніи. Онъ, потѣшаясь надъ Лобовымъ, по обыкновенію своему, лишь только попалъ въ Камчатку, какъ опять сталъ появляться въ нотатѣ съ пятками, т. е. самыми лучшими баллами.

Это только взбѣсило учителя: — „Ты, животное, — сказалъ ему Лобовъ,—потѣшаешься надо мною: когда тебя порютъ, у тебя въ нотатѣ нули, когда шлютъ въ Камчатку—пятки? Знаю я тебя: ты добиваешься того,

чтобы опять перейти на первую парту, чтобы потомъ снова бѣсить меня нулями? Врешь же. Не бывать тебѣ на первой партѣ, и пока у гебя снова не будутъ нули, до тѣхъ поръ не ходи въ столовую". Аксютка клялся и божился, что онъ раскаялся и теперь будетъ учиться постоянно. Лобовъ ничего слышать не хотѣлъ. „Не надо твоего ученья, — сказалъ онъ, — сиди въ Камчаткѣ". Аксюткино самолюбіе было сильно задѣто, и, раздувая ноздри, онъ думалъ: „посмотримъ, чья возьметъ!" и въ нотатѣ его были отличные баллы; но Лобовъ каждый разъ говорилъ ему: „и сегодня не жри!"

Въ продолженіе трехъ дней Аксютка кое-какъ перебивался, выкрадывая тамъ или здѣсь булку, сайку, ломоть хлѣба, толокно, горохъ и тому подобное. Вчера онъ забрался въ сбитенную, гдѣ Ванька рыжій продавалъ сбитень, сайки, булки, пеклеванные хлѣбы, сухари, крендели, яблоки, рѣпу, патоку, медъ и красную икру, а для избранныхъ и водчонку, разумѣется, по двойной цѣнѣ противъ откупной; здѣсь Аксютка успѣлъ украсть нѣсколько булокъ, насадивъ на палку гвоздь, которымъ и добывалъ изъ-за залавка съѣдомое, когда Ванька рыжій отходилъ въ другую сторону. Но сегодня была среда, а сбитенная наполнялась биткомъ только по понедѣльникамъ и вторникамъ, пока у бурсачковъ держались деньжонки, принесенныя изъ дому; а при безлюдствѣ въ сбитенной опасно было рисковать на воровство въ ней. Что было дѣлать? Бурсаки, зная, что у Аксютки девятый валъ въ брюхѣ, бережно припятывали ломти хлѣба и зорко слѣдили за нимъ. Большинство не желало дѣлиться съ нимъ запаснымъ хлѣбомъ: впрочемъ, и дѣлиться было не съ чего; утреннихъ и вечернихъ фриштиковъ въ бурсѣ не полагалось; за обѣдомъ выдавали только по два ломтя хлѣба, изъ которыхъ одинъ

съѣдался въ столовой, а другой уносился въ карманѣ въ запасъ.

——

Между тѣмъ все училище высыпало на дворъ. Ученики строили катальную гору. Такъ какъ досокъ взять было неоткуда, то вся гора была сплошь изъ снѣга. Снѣжные комы, величиною въ ростъ человѣка, двигались по огромному двору училища. Около каждаго изъ нихъ, подъ командою вожака, работало человѣкъ по десяти. Комы доставлялись къ горѣ, около которой, какъ муравьи въ муравейникѣ, кишѣли ученики. Дня черезъ два, по длинному расчищенному раскату, который былъ немного менѣе балаганныхъ раскатовъ Петербурга, полетитъ бурса внизъ головою на санкахъ, подмороженныхъ дощечкахъ, рогожкахъ, конькахъ, а то и просто на самокатѣ, т. е. на брюхѣ, вверхъ спиною. Бурсаки представляютъ веселый и радостный видъ: раздается команда выбраннаго распорядителя, призывъ къ работѣ, звонкіе басы и тенора, хохотъ, остроты. Весело.

Аксютка щелкаетъ зубами.

На лѣвой сторонѣ двора около осьми-десяти человѣкъ играютъ въ к и л у,—кожаный, набитый волосомъ мячъ, величиною съ человѣческую голову. Двѣ партіи с х о д и л и с ь стѣна на стѣну: одинъ изъ учениковъ в е л ъ к и л у, медленно подвигая ее ногами, въ чемъ состоялъ верхъ искусства въ игрѣ, потому что отъ сильнаго удара мячъ могъ перейти въ противоположную сторону, въ лагерь непріятеля, гдѣ и завладѣли бы имъ. Запрещалось б и т ь с ъ н о с к а—при этомъ можно было нанести ударъ въ ногу противника. Запрещалось бить с ъ з а к и л ь к а, т. е. забѣжавъ въ лагерь непріятеля, и выждавъ, когда перейдетъ на его сторону мячъ, прогонятъ

его до города—назначенной черты. Нарушающему правила игры мылили шею.

— Кила!—закричали ученики: это означало, что городъ взятъ.

Побѣдители въ восторгѣ и съ гордостью возвращались на свое мѣсто. Имъ весело.

Аксютка же щелкаетъ зубами.

Въ углу двора, около сбитенной и хлѣбной пекарни, нѣсколько человѣкъ прокапывали въ огромной кучѣ снѣга норы и проползали черезъ тѣ норы на своемъ брюхѣ. Въ другомъ углу двора играли въ крѣпость, стараясь выбить другъ друга изъ занятой на кучѣ снѣга позиціи, при чемъ, вмѣсто картечи, употреблялись въ дѣло снѣжки. Гришкецъ и Васенда повалили Сашкеца на снѣгъ, зарыли его съ руками и ногами въ кучу снѣга, такъ что торчитъ одна лишь голова Сашкеца,—онъ беззащитенъ, творятъ ему смазь вселенскую. Гришкецъ и Васенда хохочутъ, да и Сашкецъ хохочетъ—это была шутка полюбовная. Всѣмъ весело.

Аксютка щелкаетъ зубами.

На дворъ училища вошли двѣ женщины—одна старуха, другая лѣтъ тридцати слишкомъ. Спросивши, гдѣ живетъ инспехтеръ, т. е. инспекторъ, онѣ направились къ двухъэтажному зданію, крыша котораго заканчивалась шпилемъ со звѣздою. Скоро онѣ уже стояли въ залѣ инспектора. Старуха была женщина дряхлая, лицо въ трещинахъ, до того обожженное лѣтнимъ солнцемъ, что и зимою не сходилъ съ него загаръ; маленькіе глазки ея бѣгали какъ двѣ перепуганныхъ мыши, и тоскливое ихъ выраженіе возбуждало жалость. Эта сгорбившаяся дама имѣла на сѣдой, въ вискахъ плѣшивой

головѣ шерстяной платокъ, на плечахъ поношенную шубейку, на ногахъ мужскіе сапоги. Другая женщина была лѣтъ тридцати двухъ, высокаго роста, рябая, съ длинными мозолистыми руками; она смотрѣла исподлобья съ тѣмъ безпристрастьемъ, съ которымъ смотрятъ люди на что-либо неизбѣжное въ ихъ жизни и съ чѣмъ они примирились. Одѣта она въ новую заячью шубку, въ новый платокъ, и на ногахъ ея не сапоги, а башмаки козловые.

Онѣ прождали инспектора около получаса. Наконецъ, инспекторъ вышелъ, но, очевидно, въ дурномъ расположеніи духа.

— Что вамъ надо?—сказалъ онъ грубо.

Обѣ женщины повалились въ ноги. Старая заплакала, и тѣмъ напѣвомъ, какимъ голосятъ у насъ по покойникамъ, стала приговаривать.

— Батюшка, отецъ родной. . Охъ, кормилецъ, наше горе большое... лишилась послѣдняго хлѣбушка... батюшка, не погнѣвайся!..

Старуха стукнула въ полъ головою.

Такое раболѣпіе смягчило нѣсколько инспектора; но дурное расположеніе его духа не миновалось окончательно.

— Говори, зачѣмъ пришли...

Старуха отъ грознаго голоса начальника трепетала, терялась и понесла дичь.

— Померъ голубчикъ нашъ... пришибло сердечнаго... испилъ кваску, сначала таково легко...

Инспекторъ вышелъ изъ себя.

— Чтобы чортъ васъ побралъ, паскудныя бабы!— крикнулъ онъ, топнувъ ногою...

Обѣ женщины замерли...

— Сейчасъ на ноги и говори толкомъ, а не то

метлой выгнать велю!.. Шлюхи!.. и поспать недадутъ!..

— Батюшка!..—начала было опять старуха.

— Иванъ!—закричалъ инспекторъ,—гони ихъ въ шею!..

Обѣ женщины вскочили на ноги. Старушка бросилась изъ пріемнаго зала въ переднюю. Все это со стороны казалось очень страннымъ, особенно послѣдній маневръ старой женщины; теперь должно было, повидимому, ожидать, что инспекторъ окончательно выйдетъ изъ себя, но, напротивъ, взглядъ его прояснился, и онъ сталъ спокойно ходить вдоль комнаты, дожидаясь терпѣливо старухи.

Та скоро вернулась, въ одной рукѣ—съ кулькомъ, въ другой—съ узелкомъ. То и другое она положила къ ногамъ начальника...

— Что это?—спросилъ онъ.

— Не побрезгуй, батюшка, деревенскимъ гостинцемъ, и...

— Покажи, что тутъ?

Старуха, торопливо развязывая кулекъ, вынимала изъ него сахаръ, чай, бутылку рому, сушеные грибы и яблоки, а въ узлѣ оказалось четыре десятка аршинъ холста...

Инспекторъ не безъ удовольствія, но и не безъ достоинства сказалъ:

— Хорошо, спасибо... Въ чемъ же твое дѣло?

— Это вотъ дочка моя,—говорила старуха,—сиротой осталась... были у преосвященнаго... закрѣпилъ за ней мѣстечко... отцовское...

— Ну, такъ что же?

— Къ тебѣ послалъ.

— За женихомъ?

— За женихами, батюшка,—и старуха опять чебурахъ въ ноги.

— Хорошо, хорошо.

— Да не озорниковъ какихъ, батюшка!—Старуха при этомъ вытянула свою руку, разжала кулакъ, и на ладони ея очутился серебряный рубль.

Инспекторъ взялъ старухинъ рубль и положилъ его себѣ въ карманъ съ полнымъ спокойствіемъ, точно такъ, какъ авдиторъ беретъ съ подъавдиторнаго взятку.

— У меня двое есть, можетъ быть найдутся и еще охотники.

Послѣ этого инспекторъ разспросилъ, гдѣ мѣсто, какія обязательства, доходы, составъ причта, спросилъ адресъ старухи и обѣщалъ отпустить учениковъ на другой день на смотрины невѣсты.

Старуха и невѣста, поблагодаривъ инспектора, отправились во-свояси. Онѣ остановились на дворѣ и посмотрѣли на пестрѣющую толпу учениковъ.

„Кого-то изъ нихъ Богъ пошлетъ кормильцемъ?“ подумала старуха.

„Съ кѣмъ-то изъ нихъ подъ вѣнецъ идти?“ подумала невѣста.

Эта невѣста была закрѣпленная невѣста, вступавшая въ бракъ единственно для того, чтобы не умереть отъ голоду. У насъ на Руси не рѣдкость, что бракъ устраивается потому, что женихъ получитъ повышеніе по службѣ и приданое, а невѣста пристроится, получитъ имя жениха и чинъ его. Но все это дѣлается болѣе или менѣе въ приличныхъ формахъ, такъ или иначе маскируется, и потому не поражаетъ сильно своимъ безобразіемъ и извращеніемъ честныхъ цѣлей

брака. Случаевъ такихъ вездѣ немало. Но нигдѣ святость брака такъ не попирается, какъ въ сферѣ бурсацкихъ типовъ. Здѣсь нарушеніе брака, извращеніе его—узаконено и освящено обычаемъ. Бурсакъ, сѣченный, быть можетъ, разъ четыреста, унижаемый и уродуемый нравственно и физически, часто въ продолженіе четырнадцати лѣтъ, наконецъ, послѣ такой педагогической дрессировки заслужившій дипломъ, дающій, повидимому, ему право получить мѣсто въ приходѣ,—не иначе можетъ достигнуть этого, какъ обязавшись взять *такую-то*, по назначенію отъ *начальства*, *казенную*, *закрѣпленную* дѣвицу. Выходитъ что-то въ родѣ того, когда, бывало, *помѣщики женили* своихъ крестьянъ, а не то, чтобы крестьяне *сами женились*. Когда умираетъ то или другое лицо духовное и у него остается семейство,—куда ему дѣться? Хоть съ голоду умирай!.. Домъ (если онъ церковный), земля, сады, луга, родное пепелище—все должно перейти преемнику. Русскіе священники, діаконы, причетники—представители православнаго пролетаріата... У нихъ нѣтъ собственности... До поступленія на мѣсто всякій попъ нашъ гладенъ и хладенъ, при поступленіи приходъ его кормитъ; умираетъ онъ всегда съ тяжелой мыслью, что его сыновья и дочери пойдутъ по міру. Вотъ это-то пролетаріатство духовенства безземельность, необезпеченность извратили всю его жизнь. Чтобы не дать умереть съ голоду осиротѣвшимъ семействамъ духовныхъ лицъ, рѣшились пожертвовать однимъ изъ высочайшихъ учрежденій человѣческихъ—бракомъ. Мѣста *закрѣпляютъ*—техническое, замѣтьте, чуть не офиціальное выраженіе. По смерти главы семейства мѣсто его остается за тѣмъ, кто согласится взять замужъ его дочь, либо родственницу. Кандидатамъ на мѣста объ-

является объ открывшейся вакансіи, со взятіемъ такой-то. Начинается хожденіе жениховъ въ домъ невѣсты. Большею частью это дѣлается на скорую руку, всегда назначается срокъ для выбора невѣсты, вслѣдствіе чего посягающіе не имѣютъ времени узнать одинъ другого. И бывали такіе случаи, что невѣста, находясь за двѣсти верстъ, не успѣвала ко времени пріѣхать въ главный епархіальный городъ; претендентъ на поповское мѣсто не имѣлъ средствъ и времени съѣздить къ невѣстѣ; тогда обѣ стороны списывались; давалось заочное согласіе, и, получивши уже указъ о поступленіи на мѣсто, женихъ ѣхалъ къ невѣстѣ; при такихъ порядкахъ нерѣдко выходили скандальныя столкновенія—невѣста попадалась старая, рябая, сварливая дѣвчина, и женихъ еще до свадьбы порывался побить ее. Но когда невѣста пріѣзжала въ городъ, такъ и тогда умѣли обдѣлывать дѣла и спускали залежалый и бракованный товаръ съ удивительною ловкостью: щеки невѣсты штукатурились, смотрины назначались вечеромъ, при слабомъ освѣщеніи,—и рябое выходило гладкимъ, старое молодымъ... Бывало и то, что до самаго вѣнца роль невѣсты брала на себя ея родственница, молодая и недурная собою женщина, иногда замужняя, и уже только въ церкви по лѣвую руку женихъ видѣлъ какого-нибудь монстра, въ родѣ тѣхъ древнихъ изображеній, которыя въ старину сначала задымляли и коптили, а потомъ промѣнивали на лукъ и яйца. Что было дѣлать? Бурсакъ, наголодавшись послѣ бурсы вдоволь, стиснувъ зубы и скрѣпивъ сердце, смотрѣлъ на свою будущую сожительницу, но... махнувъ рукою, поступалъ согласно внушенію Ольги, сдѣланному ею князю Игорю, и, стоя подъ вѣнцомъ, думалъ думу, какъ бы въ первую же ночь изломать бока своей, чортъ бы ее взялъ, под-

ругѣ жизни. Нечего говорить, что, при подобномъ надуваніи и фальши, бракъ есть зло и поруганіе самыхъ святыхъ правъ человѣчества. Но когда при смотринахъ и сватовствѣ товаръ показывали лицомъ, и тогда рѣдко-рѣдко бракъ былъ счастливымъ. Если часто бываетъ, что, послѣ долгаго знакомства, бракъ неудаченъ, что сказать о томъ, когда онъ устраивается на авось?.. Въ свѣтскихъ искусственныхъ бракахъ большею частью оскорбляется женщина; но въ бурсацкихъ и женщина, и мужчина... Въ свѣтскихъ мужчина говоритъ: „Я сытъ и есть у меня имя, иди за меня—ты будешь сыта и получишь имя“; въ бурсацкихъ же не то; женихъ кричитъ: „Ѣсть печего“; невѣста кричитъ: „Съ голоду умираю“—и исходъ одинъ: соединиться обѣимъ сторонамъ. Все это—порожденіе проклятаго пролетаріата въ нашемъ духовенствѣ. Кого же тутъ винить?

Вотъ и дьячиха привезла, по смерти своего мужа, свою задеревенѣлую дочь и успѣла закрѣпить за ней мѣсто. Преосвященный послалъ ее въ училище, чтобы изъ готовящихся къ исключенію выбрать жениха.

Въ тѣ времена, когда въ бурсѣ свирѣпствовали Лобовъ, Батька, Долбежинъ и тому подобные педагоги, въ ней уже нарождался новый типъ учителей, какъ будто болѣе гуманныхъ.

Къ нимъ принадлежалъ Павелъ Ѳедоровичъ Красновъ.

Павелъ Ѳедоровичъ былъ изъ молодыхъ, окончившихъ курсъ семинаріи, студентовъ. Это былъ мужчина красивый, съ лицомъ симпатичнымъ, по натурѣ своей человѣкъ добрый, деликатный.

Хотѣлось бы намъ отнестись къ нему вполнѣ сочувственно, но какъ это сдѣлать?

Онъ и не думалъ изгонять розги, а, напротивъ, защищалъ ихъ какъ необходимый суррогатъ педагогическаго дѣла.

Но онъ, наказывая ученика, не давалъ никогда болѣе десяти розогъ. Преподавая ариѳметику, географію и греческій языкъ, онъ не заставлялъ зубрить слово въ слово, а это въ бурсѣ почиталось едва ли не признакомъ близкаго пришествія антихриста и кончины вѣка сего. Онъ позволялъ ученикамъ дѣлать себѣ вопросы, возраженія, требовать объясненій по разнымъ предметамъ и снисходилъ до отвѣтовъ на нихъ, а это уже окончательный либерализмъ для бурсы. Увлекаясь своимъ положительно добрымъ сердцемъ, онъ входилъ иногда въ нужды своихъ учениковъ. Такъ, мы упомянули въ первомъ очеркѣ объ одномъ несчастномъ, который былъ бы почти съѣденъ чесоточными клещами, если бы не Павелъ Ѳедоровичъ: онъ сводилъ его въ баню, вымылъ, выпарилъ, остригъ его голову, сжегъ всю его одежду, далъ ему новую и обласкалъ бѣднягу. Былъ случай, что по классамъ Краснова, за его болѣзнью, пришлось справлять уроки Лобову. Лобовъ вознесъ Карася и отчехвостилъ его на воздусяхъ. То же самое хотѣлъ онъ сдѣлать съ цензоромъ класса, парнемъ лѣтъ подъ двадцать, но цензоръ утекъ отъ него; тогда Лобовъ записалъ его въ журналъ, и дѣло все-таки пахло розгой. Узнавъ о томъ, какъ въ классѣ свирѣпствовалъ Лобовъ, Красновъ вышелъ изъ себя, разорвалъ въ клочья журналъ и разссорился съ Лобовымъ. Онъ былъ справедливъ относительно списковъ, изъ которыхъ не дѣлалъ для учениковъ тайны, а, напротивъ, вызывалъ недовольныхъ на диспуты. Разъ только случилось, что Красновъ избилъ своего ученика собственноручно и безпощадно; но и то по той причинѣ, что бурсакъ рѣшился острить во время

отвѣта урока самымъ площаднымъ образомъ, а Павелъ Ѳедорычъ былъ щекотливъ на нервы. Словомъ, Красновъ, какъ частное лицо, неоспоримо былъ честный и добрый человѣкъ.

Но посмотрите, чѣмъ онъ былъ какъ учитель бурсы.

— Ивановъ!—говоритъ онъ.

Ивановъ поднимается съ задняго стола бурсацкой Камчатки, за которою Красновъ слѣдилъ постоянно и зорко, вслѣдствіе чего для желающихъ почиватъ на лаврахъ, то-есть лѣтняевъ, онъ былъ нестерпимый учитель. Красновъ донималъ ихъ не столько сѣченьемъ, сколько систематическимъ преслѣдованіемъ; и вотъ это-то преслѣдованіе, основанное на психологической тактикѣ, сильно отзывалось іезуитствомъ. Красновъ въ нотатѣ видитъ, что у Иванова стоитъ сегодня нуль, но все-таки говоритъ.

— Прочитай урокъ, Ивановъ.

Но Ивановъ не отвѣчаетъ ничего. Онъ думаетъ про себя: „Вѣдь знаетъ же Красновъ, что у меня въ нотатѣ нуль... что же спрашиваетъ?—только мучитъ!“

— Ну, что же ты?

Ивановъ молчитъ... Лучше бы ругали Иванова, тогда не было бы ему стыдно передъ товарищами, потому что ругань начальства на вороту бурсака, ей Богу же, не виснетъ; а теперь Ивановъ поставленъ въ комическое положеніе: надъ его замѣшательствомъ потѣшаются свои же, и, такимъ образомъ, главная поддержка противъ начальства—товарищество—для него не существуетъ въ это время.

— Ты здоровъ ли?—спрашиваетъ ласково Павелъ Ѳедоровичъ.

Сбычившись и выглядывая исподлобья, Ивановъ говоритъ:

— Здоровъ.

— И ничего съ тобой не случилось?

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего,—слышится отвѣтъ Иванова какимъ-то псалтирнопанихиднымъ голосомъ.

— Но ты точно разстроенъ чѣмъ-то?

Отъ Иванова ни гласа, ни послушанія.

— Да?

Но Иванову точно ротъ зашили.

— Что же ты молчишь?.. Ну, скажи же мнѣ урокъ.

Наконецъ, Ивановъ собирается съ силами. Краснѣя и пыхтя, онъ дико вскрикиваетъ:

— Я... я... не... зна-аю.

— Чего не знаешь?

— Я... урока.

Павелъ Ѳедоровичъ притворяется, что не дослышалъ.

— Не слышу; скажи громче.

— Не знаю!—приходится еще разъ сказать Иванову.

Товарищи хохочутъ.

Ивановъ же думаетъ про себя: „Черти бы побрали его!.. привязался лѣшій!“

Учитель между тѣмъ прикидывается изумленнымъ, что даже Ивановъ не приготовилъ уроковъ.

— Ты не знаешь? Да этого быть не можетъ!

Новый хохотъ. Ивановъ радъ провалиться сквозь землю.

— Отчего же ты не знаешь?

Опять начинается травля до тѣхъ поръ, пока Ивановъ не начинаетъ лгать.

— Голова болѣла.

— Угорѣлъ вѣрно?

— Угорѣлъ.

— А ты, можетъ быть, простудился?

— Простудился.

— И угорѣлъ, и простудился?.. Экая, братецъ ты мой, жалость!

Товарищи, видя, что Ивановъ сбился съ толку, помираютъ со смѣху. А ученикъ думаетъ: „Господи ты Боже мой, когда же отпорютъ наконецъ“, и рѣшаетъ покончить дѣло разомъ:

— Не могу учиться.

— Отчего же, другъ мой?

— Способностей нѣтъ.

— А ты пробовалъ учить вчера?

— Пробовалъ.

— О чемъ же ты училъ?

Вотъ тутъ доходитъ дѣло до самой мучительной минуты: хоть убей, не разжать рта, точно губы съ пробоемъ, а на пробоѣ замокъ. Ивановъ не обезпокоился не только что выучить урокъ, но даже узнать, что слѣдовало учить. Павелъ Ѳедорычъ, боясь, что Иванову подскажутъ товарищи, всталъ со стула и подошелъ къ нему съ вопросомъ:

— Что же ты не говоришь?

Ивановъ замкнулся, и не отомкнуться ему несчастному.

Павелъ Ѳедорычъ кладетъ на него руку. Ивановъ переживаетъ мучительную моральную птыку, да и другимъ камчатникамъ вчужѣ становится жутко.

— Зачѣмъ ты смотришь въ парту? Смотри прямо на меня.

У Иванова нервная дрожь. Не поднять ему своей головы—тяжела она, точно пивной котелъ, который только былъ по плечамъ богатыря.

Между тѣмъ Павелъ Ѳедорычъ беретъ Иванова за подбородокъ.

— Не надо быть застѣнчивымъ, мой другъ.

Мѣра душевныхъ страданій переполнена. Ивановъ только тяжело вздыхаетъ. Наконецъ, послѣ долгаго выпытыванія, съ тѣмъ глубокимъ отчаяніемъ, съ которымъ бросаются съ третьяго этажа внизъ головой, Ивановъ принужденъ сознаться, что онъ не знаетъ, что задано. Но у него была теперь надежда, что послѣ этого начнутся только распеканія и порка, значитъ, скоро и дѣлу конецъ,—напрасная надежда.

— Зачѣмъ ты забрался въ Камчатку? Посмотри, что здѣсь сидятъ за апостолы. Ну, хоть ты, Краснопѣвцевъ, скажи мнѣ, что такое шхера?

Краснопѣвцеву что-то подсказываютъ.

— Шхера есть,—отвѣчаетъ онъ бойко,—ни что иное, какъ морская собака.

Всѣ хохочутъ.

— Ну, ты, Воздвиженскій... поди къ картѣ и покажи мнѣ, сколько частей свѣта.

Воздвиженскій подходитъ къ висячей на классной доскѣ ландкартѣ, беретъ въ руки кій и начинаетъ путешествовать по европейской территоріи.

— Ну, поѣзжай, мой другъ.

— Европа,—начинаетъ другъ.

— Разъ,—считаетъ учитель.

— Азія.

— Два,—считаетъ учитель.

— Гишпанія, — продолжаетъ камчатникъ, заѣзжая кіемъ въ Бѣлое море, прямо къ моржамъ и бѣлымъ медвѣдямъ.

Раздается общій хохотъ. Учитель считаетъ.

— Три.

Но ученый мужъ остановился на Бѣломъ морѣ, отыскивая здѣсь свою милую Гишпанію, и здѣсь зазимовалъ.

— Ну, путешествуй дальше. Али уже всѣ пересчиталъ страны свѣта?

— Всѣ,—отвѣчалъ нашъ мудрый географъ.

— Именно всѣ. Ступай, вались дерево на дерево,— заключилъ Павелъ Ѳедорычъ.

Онъ нарочно вызывалъ самыхъ ядреныхъ лѣнтяевъ, отличающихся крутымъ безголовымъ невѣжествомъ.

— Березинъ, скажи, на которомъ мѣстѣ стоятъ десятки?

— На десятомъ.

— И отлично. А сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать съ годомъ.

— А сколько времени ты учишься?

— Девятый годъ.

— И видно, что не безъ успѣха учился восемь лѣтъ. И впредь старайся такъ же. А вотъ, послушайте, какъ переводитъ у насъ Тетеринъ. Слѣдовало перевести: „Діогенъ, увидя маленькій городъ съ огромными воротами, сказалъ:—„мужи Мидяне, запирайте ворота, чтобы вашъ городъ не ушелъ“. Мужи по-гречески ἄνδρες (андресъ). Вотъ Тетеринъ и переводитъ: „Андрей, затвори калитку—волкъ идетъ“. Онъ же расписался въ полученіи казенныхъ сапогъ слѣдующимъ образомъ: „Петры Тетеры получили сапогы“. — Ну, послушай, Петры Тетеры, что такое море?

— Вода.

— Какова она на вкусъ?

— Мокрая.

Про Петры Тетеры же расказывали, что онъ слово „maximus“ переводилъ словомъ „Максимъ“, когда же

ему стали подсказывать, что „maximus“ означаетъ „весьма большой“, онъ махнулъ „весьма большой Максимъ“.

— Ну, а ты, Потоцкій, проспрягай мнѣ „богородица“.

— Я богородица, ты богородица, онъ богородица, мы богородицы, вы богородицы, они, онѣ богородицы.

— Дѣльно. Проспрягай „дубина“!

— Я дубина.

— Именно. Довольно. Ѳедоровъ, поди къ доскѣ и напиши „охота“.

Тотъ пишетъ „охвота“.

— Напиши „глина“.

У того выходитъ „гнила“.

Такимъ образомъ Павелъ Федорычъ потѣшался надъ камчатниками, заставляя ихъ нести дичь. Ивановъ радовался въ душѣ, что учительское вниманіе было отвлечено отъ него. Напрасная радость: то былъ новый маневръ, пущенный въ ходъ учителемъ.

— Что, Ивановъ, хороши эти гуси?

Ивановъ опять приходитъ въ агитацію.

— Какъ бы ты назвалъ этихъ господъ? Не назвалъ ли бы ты ихъ дикарями? Платоновъ, что такое дикарь?

— Дикій человѣкъ.

— А умѣешь ты говорить по-гречески?

— Нѣтъ.

— А я слышалъ, что да. Идетъ онъ съ такимъ же, какъ самъ, гусемъ. Одинъ гусь говоритъ: „альфа, вита, гамма, дельта“; другой гусь говоритъ: „эпсилонъ, зита, ита, ѳита“. Не правда что ли? Тогда еще пирожникъ назвалъ васъ язычниками. Вотъ въ родѣ его одинъ господинъ пріѣзжаетъ къ отцу на каникулы. Отецъ его спрашиваетъ: „Какъ сказать по-латыни: лошадь, свали-

лась съ моста?"—Молодецъ отвѣчаетъ: „Лошадендусъ свалендусъ съ мостендусъ".

Ивановъ опять оживился надеждой, что его забыли.

— И не стыдно тебѣ, Ивановъ, сидѣть среди такихъ олуховъ? Я вѣдь знаю, что не станешь спрягать „дубину", не скажешь, что десятки стоятъ на десятомъ мѣстѣ, не поѣдешь въ Ледовитый океанъ съ какой-то „Гишпаніей"; зачѣмъ же ты забрался къ этимъ дикарямъ?

— Простите,—шепталъ Ивановъ.

— Въ чемъ тебя простить?

И Павелъ Ѳедорычъ опять добивался того, что Ивановъ самъ себѣ дѣлаетъ приговоръ:

— Лѣнился...

— Дѣло ли будетъ, если я прощу тебя?

Пускается въ ходъ новый маневръ. Извѣстно, что для школьника мучительна не столько самая минута возмездія, сколько ожиданіе его. Это понималъ Павелъ Ѳедоровичъ и пускалъ въ ходъ всю практическую психологію.

— Простить тебя? А потомъ самъ же будешь бранить за это, зачѣмъ дозволялъ тебѣ лѣниться; скажешь, не дуракъ же я былъ—учителя не хотѣли обратить на меня вниманія.

— Простите,—говорилъ Ивановъ.

— Да ты знаешь ли, что съ тобой можетъ случиться, если, чего избави Боже, тебя исключатъ? Знаешь ли, что предстоитъ всѣмъ этимъ камчатникамъ?

Камчатка внимательно насторожила уши.

— Теперь по Руси множество шляется заштатныхъ дьячковъ, пономарей, церковныхъ и консисторскихъ служекъ, выгнанныхъ послушниковъ, исключенныхъ воспитанниковъ,—знаете ли, что хочетъ сдѣлать съ вами начальство?—оно хочетъ верстать ихъ въ солдаты.

— Простите!—говорилъ Ивановъ, думая съ тоскою: „Боже мой, скоро ли же сѣчь-то начнутъ?.. проклятый Красновъ!.. всю душу вытянулъ“.

— Я слышалъ за вѣрное, что скоро наборъ, рекрутчина. Ожидай бѣды...

Мы имѣли случай въ первомъ очеркѣ замѣтить, что не разъ проносилась грозная вѣсть о верстаніи въ солдаты всѣхъ безмѣстныхъ исключенныхъ. Теперь прибавимъ, что такой проектъ начальство дѣйствительно не разъ хотѣло осуществить, но въ духовенствѣ всегда въ этомъ случаѣ подымался ропотъ; оно и понятно: многіе сильные міра были или сами дѣти причетниковъ, или имѣли причетниками своихъ дѣтей и другихъ родственниковъ. Однако, тѣмъ не менѣе, грозная вѣсть о солдатчинѣ заставляла трепетать бурсаковъ.

Павелъ Ѳедорычъ пользовался этимъ обстоятельствомъ съ полнымъ успѣхомъ.

— Какъ же тебя простить?—говоритъ онъ Иванову,—неужели тебѣ хочется подъ красную шапку?

— Я буду учиться.

— Какъ же ты давеча говорилъ, что не можешь учиться?

Скверно на душѣ Иванова, потому что учитель доводитъ его до того, что онъ самъ сознается:

— Лгалъ.

Травля продолжается далѣе. Приходилось послѣ долгихъ выпытываній соглашаться,—что и дѣлалось замогильнымъ тономъ, — въ томъ, что онъ долженъ быть наказанъ; потомъ, сколькими ударами розогъ. Когда ученикъ былъ доводимъ до истомы нравственной и едва не полупомѣшательства, тогда только учитель отсылалъ его къ печкѣ, гдѣ и давалъ десять ударовъ розгами, при чемъ внушалось, что ученикъ, каждый разъ, при

незнаніи урока будетъ получать это ординарное количество стежковъ по тому мѣсту, откуда ноги растутъ. Рѣшившись обратить лѣнтяя на путь истины, Павелъ Ѳедорычъ всегда доводилъ свою работу до благопріятнаго результата, преслѣдуя цѣль неутомимо и энергически.

— Ивановъ! послѣ класса приходи ко мнѣ на квартиру!

Пригласивши къ себѣ на квартиру, Павелъ Ѳедорычъ заставляетъ Иванова учить урокъ въ рекреаціонные часы, такъ что если и послѣ этого захотѣлось бы лѣниться, то ему пришлось бы всю училищную жизнь просидѣть надъ книгой, не нашлось бы и въ праздничные дни свободной минуты — вѣчно подъ носомъ проклятый учебникъ, и лѣнтяй, со скрежетомъ зубовнымъ, вгрызается въ ненавистныя строки. Мало-по-малу долбня всасываетъ его и поглощаетъ всецѣло.

Конецъ ли?

Нѣтъ, все-таки не конецъ. Павелъ Ѳедорычъ сносится съ другими учителями относительно неофита. Долбежинъ и Батька говорятъ неофиту: „А, голубчикъ, у другихъ ты учишься, а у меня нѣтъ?.. Запорю, животное, убью!“ Тѣ учителя въ свою очередь начинали досѣкать лѣнтяя, каждый до своей науки. Что тутъ станешь дѣлать? Поневолѣ съѣшь всю бурсацкую науку, хотя въ душѣ созрѣетъ и навѣкъ укоренится глубокая ненависть и безпощадное отвращеніе къ той наукѣ. Правда, ученикъ, досѣченный до хорошаго аттестата, будетъ благодаренъ, но все же не за бурсацкую науку, но за аттестатъ, дающій ему извѣстныя права.

Милостивые государи, какъ вамъ нравится подобное варварство въ педагогикѣ, къ которому, однако, при-

бѣгалъ даже Павелъ Ѳедорычъ, человѣкъ съ сердцемъ положительно добрымъ? Что же это значитъ? Если бы Лобовъ, Долбежинъ, Батька и Красновъ не употребляли противоестественныхъ и страшныхъ мѣръ преподаванія, то, увѣряю васъ, рѣдкій бурсакъ сталъ бы учиться, потому что наука въ бурсѣ трудна и нелѣпа. Лобовъ, Долбежинъ, Батька и Красновъ поневолѣ прибѣгали къ насилію нравственному и физическому. Значитъ, вся причина главнымъ образомъ не въ учителяхъ, и не въ бурсакахъ, а въ бурсацкой наукѣ, чтобъ ей сгинуть съ бѣлаго свѣта! Мало мальски развитой семинаристъ всегда вспоминаетъ о ней съ ужасомъ.

Камчатка почивала на лаврахъ до сего дня спокойно и безпечно; но сегодня въ ней ярые толки и шумъ. Павелъ Ѳедорычъ возбудилъ тѣ толки и шумъ своими угрозами о солдатчинѣ. Но не на всѣхъ камчатниковъ грозная вѣсть произвела одинаковое впечатлѣніе. Камчатники распадались на два типа по роду бурсацкихъ наукъ. Науки были: божественныя, которыя нынѣ называются богословскими, и внѣшнія, которыя нынѣ называются свѣтскими. Одни камчатники отрицали только внѣшнія науки и съ усердіемъ занимались Закономъ Божіимъ, Священною исторіею, церковнымъ уставомъ и церковнымъ пѣніемъ. Эти спеціально готовились въ дьячки и пономари. Представителями такого типа въ особенности были двое—Васенда и Азинусъ. Васенда былъ великовозрастный, такъ что кончить курсъ ему пришлось бы не юношей, а тридцатилѣтнимъ мужемъ. Онъ махнулъ на все рукою и принялся за божественныя науки. Это былъ человѣкъ честный, добрый, обладавшій громадною физическою

силою, но, какъ всѣ силачи, спокойный и сосредоточенный: но, главное, онъ былъ замѣчательный скопидомъ и хозяинъ. Такъ онъ и выглядитъ кремнемъ-причетникомъ, у котораго хозяйство никакъ не будетъ хуже, по крайней мѣрѣ, дьяконскаго. Заглянемъ въ его ученическій сундукъ, когда Васенда выдвигаетъ его изъ-подъ кровати. Въ углу небольшой деревянный образокъ Василія Великаго, благословеніе матери, вдовы-дьячихи; на внутренней стѣнкѣ крышки сундука прибиты два ремня, и за нихъ вложено нѣсколько дестей писчей бумаги; по краямъ, около бумаги, художественная выставка произведеній конфектнаго и леденечнаго искусства: генералъ, у котораго носъ чуть не поперекъ лица; голая женщина, кормящая грудью голубка, а за нею амуръ, какъ будто бы страдающій водянкой; потомъ лубочная гравюра, вырѣзанная изъ Бовы и изображающая то, какъ сей богатырь побиваетъ метлою рать несмѣтную; далѣе картинка изъ священной исторіи, на которой вы можете видѣть изгнаніе нашихъ прародителей изъ рая, и тому подобныя изображенія; эти изображенія перемѣшаны съ леденечными билетиками; тутъ же, между прочимъ, налѣплена числительница, показывающая дни и мѣсяцы на цѣлый годъ. Внутри сундука въ одномъ углу кадушка, въ которой грибы со сметаной, а въ другомъ мѣшокъ съ толокномъ. На днѣ лежатъ книги, все божественныя, ни одной внѣшней— ихъ Васенда продалъ, какъ ненужныя. Въ другой сторонѣ сундука аккуратно уложено чистое бѣлье и новенькая верхняя одежда. Кромѣ того, подъ образкомъ находится маленькій ящичекъ, въ которомъ хранятся его деньги, письма, новѣйшій пѣсенникъ, нюхательный табакъ, пустая склянка, перочинный ножъ, гребенка, мыло и тому подобное. Вотъ вамъ сундукъ Васенды,

окованный прочными желѣзными полосами, съ крѣпчайшимъ замкомъ. У Васенды отличный дубленый тулупъ и неизносимые осташи съ голенищами по колѣно. Его скопидомство доходило даже до крайности: такъ, онъ цѣлый годъ писалъ однимъ перомъ, едва касаясь имъ бумаги и каждый разъ бережно завертывая въ бумажку. Онъ ужъ и теперь такъ и выглядитъ степеннымъ и практическимъ дьячкомъ; и, дѣйствительно, онъ умѣетъ, что угодно, и купить, и продать; походка у него важная, осташи блестятъ... Вотъ этотъ-то господинъ и былъ представителемъ лучшаго типа бурсацкой Камчатки. Въ самомъ дѣлѣ, изъ него вышелъ прекрасный, зажиточный деревенскій дьячокъ. Вѣсть о солдатчинѣ мало тревожила его: онъ вѣрилъ въ свою звѣзду.

Азинусъ былъ ученикъ высокаго роста, сутуловатый, съ выдавшимися лопатками на спинѣ, на длинныхъ ногахъ; широкія скулы, бойкіе сѣрые глаза и постоянно вздернутый кверху носъ, вѣчно нюхающій что-то въ воздухѣ, придавали лицу его выраженіе той хитрости, которою отличаются мелкіе плуты съ узкимъ лбомъ. Онъ ходилъ въ тиковомъ халатѣ, въ дырявыхъ сапогахъ и ватной шапкѣ зимой и лѣтомъ. Азинусъ былъ сынъ заштатнаго пономаря, горькаго пьяницы, жившаго подаяніемъ. Мать Азинуса, бѣдная старуха, забитая своимъ мужемъ, переслала своего сына въ училище съ однимъ дальнимъ своимъ родственникомъ, но при этомъ, по неопытности или старческой разсѣянности, не озаботилась передачею ему документовъ, необходимыхъ для поступленія въ бурсу. Родственникъ привезъ Азинуса, тогда еще осьмилѣтняго мальчика, на огромный дворъ училища и пустилъ его на волю Божью отыскивать самому себѣ науку. Азинусъ долго ходилъ по двору, не зная куда дѣться. Къ вечеру онъ проголодался и,

увидя въ восемь часовъ огромную массу воспитанниковъ, примкнулъ къ нимъ и очутился въ столовой, гдѣ, долго не думая, принялся за щи и кашу. Послѣ ужина ученики отправились сначала на молитву, а потомъ по спальнямъ, — онъ нашелъ незанятую кровать, гдѣ и уснулъ спокойно. Поутру онъ опять вмѣстѣ съ другими сходилъ на молитву, а потомъ попалъ въ приходскій классъ; тутъ онъ водворился на задней партѣ. Такъ онъ прожилъ около трехъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, учитель не обратилъ на него вниманія. Стали наводить справки, Азинуса въ спискахъ не оказалось. Его покормили въ послѣдній разъ обѣдомъ и велѣли убираться за ворота, на всѣ четыре стороны. Вотъ такъ младенчество — лучшая пора нашей жизни! Онъ нѣсколько дней питался милостынею, Богъ знаетъ гдѣ ночуя, пока не наткнулся на другого нищаго, своего отца, который отвелъ сынка къ знакомому дьячку, окончательно опредѣлившему маленькаго Азинуса въ бурсу, которая его окончательно изувѣчила. Онъ сначала оказывалъ успѣхи, но скоро плюнулъ на все и, выживъ извѣстный періодъ сѣченія, засѣлъ въ Камчатку навсегда. Здѣсь сложился его характеръ, въ высшей степени безалаберный. Главнымъ его занятіемъ были четъ и нечетъ, юла, три листика, мѣна ножами и тому подобныя коммерческія игры бурсы. Онъ сдѣлался настоящимъ цыганомъ училища, промѣнивая и вымѣнивая, продавая и покупая что угодно. Деньжонки и вещи, пріобрѣтенныя имъ, шли у него безъ толку. Всѣ ученики, остающіеся на Рождество или Пасху въ училищѣ, умѣли чѣмъ-нибудь запастись для праздника; Азинусъ же часто проѣдалъ деньги наканунѣ его, а потомъ шлялся по спальнямъ, льстилъ, кланялся, прислуживался, ругался и лгалъ, выпрашивая кусокъ бул-

ки, яйцо или клокъ масла у своихъ товарищей. При такомъ характерѣ онъ совершенно изолгался. До сихъ поръ передаютъ его разсказы. Такъ, онъ однажды говорилъ, что въ страшную метель зимою ѣхалъ куда-то, на него напали волки. Что было дѣлать? Я, говоритъ, со страху спрятался въ рожь. Когда его спрашивали, какимъ образомъ зимой попалъ онъ въ рожь, тогда Азинусъ ругался, разсыпалъ смази и, свертывая изъ полъ халата хвостъ, описывалъ имъ въ воздухѣ круги. Нерѣдко онъ сообщалъ своимъ слушателямъ о томъ, какъ онъ видѣлъ самъ привидѣнія, домовыхъ, мертвецовъ и чертей. Но онъ не только что вралъ, но не прочь былъ и стянуть что-нибудь. Однажды онъ путешествовалъ на родину верстъ за полтораста съ четырьмя копейками въ карманѣ, спалъ въ лѣсу, питался незрѣлыми ягодами, иногда заходилъ въ харчевни, обѣдалъ въ нихъ и потомъ утекалъ, не плативши денегъ за обѣдъ. Этотъ молодецъ, когда прибылъ на родину, то у него оставалась еще одна копейка въ экономіи. Азинусъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ противоположность Васендѣ. Но и онъ не обратилъ вниманія на вѣсть о солдатчинѣ, хотя это сдѣлалъ единственно по безалаберности своего характера.

Вообще Камчатка, отрицающая внѣшнія науки и изучающая только божественныя, не была сильно взволнована словами Павла Ѳедорыча. Къ тому были основанія. Начальство смотрѣло на божественную Камчатку довольно благосклонно: она что-нибудь да дѣлала. Бывали проекты (и это знали камчатники) о преобразованіи священныхъ заднихъ партъ въ спеціальный классъ, такъ называемый причетническій. И потому ученики, подобные Васендѣ или Азинусу, были спокойны.

Но иное совсѣмъ происходило въ другой половинѣ

Камчатки. Здѣсь почивали на лаврахъ абсолютные нигилисты, отрицавшіе и внѣшнія, и божественныя науки. Тамъ сидѣли нѣкоторыя убогія личности, которыя и сами убѣдились, и начальство убѣдили, что не имѣютъ способностей и учиться не могутъ, хотя странно считать кого бы то ни было неспособнымъ даже къ самому ограниченному элементарному образованію. Такъ, былъ одинъ ученикъ, сынъ финскаго священника, который просидѣлъ въ приходскомъ классѣ шесть лѣтъ и едва-едва научился читать, послѣ чего его исключили. Его прозвище Азбучка забалдырь Евангилье Святцы — за то, что онъ азбуку называлъ азбучкой, а псалтырь—забалдырью. Такіе примѣры не рѣдкость въ бурсѣ. Столько же времени и въ томъ же классѣ сидѣлъ Чабря. Иные до второуѣзднаго класса доплетались только черезъ четырнадцать лѣтъ—время, котораго достаточно для того, чтобы приготовиться на степень доктора какой угодно науки, срокъ, который однимъ годомъ только меньше срока нынѣшней солдатской службы. Эхъ, бѣдняги, какую же лямку вы тянули: солдатскую, а васъ еще солдатчиной стращали!.. Нашли, чѣмъ испугать!.. Но вы все же таки пеняли тогда на начальство, дрожали отъ страха за свою судьбу: вамъ, конечно, не хотѣлось такую же службу вынести вторично.

Мы видѣли, что дѣйствительно неспособные ученики были сегодня сильно встревожены. Но во внѣшней Камчаткѣ были и способные ученики, сердце которыхъ тоже дрогнуло отъ словъ Краснова, не столько отъ того, что ихъ головы хотѣли накрыть красной шапкой,—эти лѣнтяи были народъ беззаботный, мало думающій о будущемъ,—сколько отъ той бѣды, которую испыталъ сегодня ихъ товарищъ Ивановъ. Излѣнившись, они не могли взяться за книжку, а съ другой стороны, осо-

бенно умные изъ лѣнтяевъ, инстинктивно и, право, справедливо чувствовали отвращеніе къ бурсацкой наукѣ. Однако, тѣмъ не менѣе, нервная дрожь пробѣгала по ихъ тѣлу, когда они вспоминали Павла Ѳедорыча. Они чувствовали, что, вслѣдъ за Ивановымъ, стоитъ ихъ очередь, что зоркій глазъ Краснова отыщетъ ихъ въ Камчаткѣ и заставитъ ихъ почувствовать всю моральную пытку своей психолого-педагогической системы. Грустно, скучно сегодня въ Камчаткѣ; но, читатель, подождите немного, и вы увидите, что сегодня же радостно взволновало не только Камчатку божественную, не только Камчатку внѣшнюю, но и весь классъ бурсаковъ.

Дайте только разсказать мнѣ, какую штуку отмочилъ сегодня Аксютка въ сообществѣ съ Ipse,—иначе разсказъ нашъ не будетъ вамъ понятенъ.

Аксютка все еще щелкаетъ зубами.

Стемнѣло. Лампы, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не зажигались въ классахъ до занятныхъ часовъ. Аксютка пробрался въ первоуѣздный классъ, гдѣ въ потемкахъ обыскивалъ карманы и парты учениковъ.

— Гдѣ бы стилибонить?—шепталъ онъ.

Отправился онъ въ приходскіе классы. Успѣхъ былъ тотъ же, и Аксютка со злости загнулъ какому-то несчастному трехэтажныя салазки.

— Все стрескали, подлецы!—проговорилъ онъ.

Съ голодомъ Аксютки естественно росло непобѣдимое его желаніе похитить что-нибудь и съѣсть, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались его хитрость, изворотливость и предпріимчивость. Онъ отыскалъ своего друга и вѣрнаго пажа Ipse и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ уголъ двора, у воротъ, гдѣ была пекарня. Они пришли къ

пекарнѣ; Ipse спрятался въ темномъ углу ея, Аксютка, что есть силы, сталъ ломиться въ двери.

— Голубчикъ, Цѣпа, дай хлѣбца.

Цѣпа былъ солдатъ добрый. Онъ голодныхъ бурсаковъ часто надѣлялъ хлѣбомъ, а кого любилъ, такъ и ржаными лепешками. Но этотъ хлѣбопекъ не могъ терпѣть Аксютку: онъ былъ увѣренъ, что Аксютка стянулъ у него новыя голенища.

Отмѣтимъ здѣсь еще странное явленіе бурсы. Служители училища были чѣмъ-то въ родѣ властей для учениковъ; у инспектора они имѣли значеніе гораздо больше, нежели всякій второклассный старшой. Свидѣтельство с т о р о ж а (такъ ученики звали прислугу) или жалобы его всегда уважались начальствомъ. Ученикъ противъ сторожа ничего предпринять не могъ. Это объясняется тѣмъ, что вахтеръ, гардеробщикъ, поваръ, хлѣбникъ, привратникъ и сѣкундаторъ изъ сторожей, очевидно, служили въ видахъ начальства. Всѣ они изъ урѣзанныхъ продуктовъ, разумѣется, ученическихъ, должны были, во что бы то ни стало, приготовить для начальства хлѣбъ, мясо, крупу, холстъ, сукно и тому подобное. Естественно, что жалоба на каждаго изъ нихъ была какъ бы жалобою на само начальство; напримѣръ, сказать, что поваръ мало каши даетъ, значило, что экономъ крадетъ казенную крупу, что экономъ дѣлится съ смотрителемъ, училищный смотритель съ семинарскимъ, этотъ съ академическимъ, и такъ далѣе: выйдетъ, что жалоба о кашѣ есть жалоба противъ высшаго начальства, чуть не заговоръ и бунтъ. Да на бурсацкомъ языкѣ такія жалобы дѣйствительно и назывались бунтами и преслѣдовались какъ бунты.

Служители сознавали свое положеніе и пользовались имъ.

Они жили гораздо лучше тѣхъ, кому служили; одежду носили казенную, ѣли вво ю и хорошо, могли высказывать свои неудовольствія и грозить оставленіемъ службы; у нихъ всегда бывали жирныя щи со свѣжей говядиной, жирно промасленная каша, а хлѣба не порціями, какъ у бурсаковъ, но сколько угодно. Живя почти на всемъ готовомъ, они, кромѣ того, получали жалованья отъ восьми до двѣнадцати, а вахтеръ и семнадцать руб. ассигнаціями,—они были богаче самыхъ богатыхъ бурсаковъ. Многіе изъ нихъ имѣли случай красть казенное. Поваръ получалъ отъ нѣкоторыхъ учениковъ еженедѣльную плату за то, что кормилъ ихъ утромъ и вечеромъ кашей. Захаренко, сѣкундаторъ, открыто бралъ взятки: каждый праздникъ онъ обходилъ классы и объявлялъ: „Что же, господа, Алексѣю Григорьевичу (такъ величали Захаренко) на табачекъ?“ Къ нему сыпались на подставленную ладонь гроши и пятаки. За недѣлю, когда сборъ былъ скуденъ, ученики замѣчали, что онъ сѣкъ ихъ съ большею исправностью и аппетитомъ. Кромѣ того, Захаренко продавалъ ученикамъ нюхательный табакъ „самтре“. Словомъ, служители составляли низшее начальство. Если къ этому прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ наушничали инспектору, то понятно будетъ ихъ вліяніе на учениковъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, когда Захаренко, подъ пьяную руку, проводилъ пальцемъ по головѣ ученика, какъ по бубну, приговаривая: „Эй, прокислая кутья, ваше дѣло гадить, наше убирать“. Или что удивительнаго, если Еловый билъ бурсака метлой по затылку. Трехполѣнный давалъ трепку, и тому подобное? Въ большинствѣ случаевъ такія обиды терпѣливо сносились учениками.

Но Аксютка, какъ отпѣтая личность, не обращалъ

вниманія на служительскія власти. Онъ продолжалъ ломиться къ Цѣпкѣ въ хлѣбную.

— Кто тутъ?—послышался голосъ Цѣпки.

— Это я, Цѣпа.

— Я тебѣ дамъ такого хлѣбца, что не съѣшь... прочь пошелъ!

— Цѣпа, ей Богу, ѣсть хочется!

— Ну, пошелъ!.. не проѣдайся!..

Аксютка перемѣнилъ тонъ. Онъ сталъ ругаться:

— Цѣпка, чортъ, дай же хлѣба! Жалко что ли тебѣ куска какого-нибудь? Собака ты этакая, чтобъ подавиться тебѣ сапогомъ, который ты шьешь!

— Ахъ ты, бѣсовъ сынъ!—проворчалъ Цѣпка.

Цѣпка воткнулъ шило въ деревянный обрубокъ, служившій ему столомъ, и, стиснулъ зубы, схватилъ метлу и стремительно бросился къ двери. Онъ пріударилъ за Аксюткой. Аксютка бѣгалъ очень хорошо; онъ мастеръ былъ играть въ пятнашки и на небольшомъ пространствѣ умѣлъ увертываться, дѣлая неожиданные повороты то въ ту, то въ другую сторону. Дворъ былъ великъ, и потому Цѣпкѣ было бы трудно поймать Аксютку; но Аксютка побѣжалъ къ воротамъ Цѣпка крикнулъ привратнику, стоящему тамъ:

— Держи его!

Привратникъ схватилъ тоже метлу и бросился на Аксютку, Аксютка перемѣнилъ рейсъ. Къ его несчастью, былъ шестой часъ вечера, часъ, въ который служители мели спальныя комнаты. Они теперь выходили съ разныхъ концовъ двора.

— Держи его!

Аксютку всѣ знали. Служители ополчились на него со швабрами. Аксюткѣ приходилось плохо. Его травили съ четырехъ концовъ, — онъ озирался хищнымъ волкомъ.

„Намнутъ, черти, шею!“ думалъ онъ. Но вотъ ноздри его поднялись и опустились. Онъ быстро бросился къ Цѣпкѣ. Цѣпка не подозрѣвая ничего въ этомъ новомъ маневрѣ, бѣжалъ къ нему съ растопыренными руками. Другіе служителя, видя, что Аксютка почти въ рукахъ Цѣпки, опустивъ швабры, кричали:

— Хватай его!

Но Аксютка, налетѣвъ на Цѣпку, неожиданно упалъ ему подъ ноги. Разлетѣвшійся Цѣпка полетѣлъ кубаремъ вверхъ ногами. Аксютка направилъ свой побѣгъ къ классу, который уже былъ освѣщенъ, потому что начались занятія. Цѣпка, человѣкъ бѣдовый въ сердцахъ, сталъ кляться и божиться, что убьетъ Аксютку. Онъ поднялся съ земли, схватилъ метлу и отправился къ классу, куда скрылся Аксютка.

— Теперь поймаетъ... попался!—говорили служители и разошлись въ разныя стороны.

Цѣпка ворвался въ классъ съ страшными ругательствами и помахивая метлою. Аксютка, увидѣвъ его, вскочилъ на первую парту, съ первой на вторую и побѣжалъ надъ головами товарищей. Цѣпка послѣдовалъ его примѣру, и огромный солдатъ носился съ метлою въ храмѣ бурсацкой науки... Картина была великолѣпная... Ученикамъ стало весело,—такіе спектакли приходилось видѣть не часто. Изъ-подъ ногъ разъяренныхъ враговъ летѣли на полъ дождемъ книги, грифельныя доски, чернильницы и линейки.

— Го-го-го!—начали бурсаки.

— Ату его!—подхватили другіе.

Третьи свистнули.

Кто-то книгой пустилъ въ Цѣпку. Цѣпка не обращалъ вниманія на крикъ, атуканье и ревъ бурсаковъ. Онъ распалился страшно. Двадцать двѣ парты, какъ клавиши,

играли подъ здоровенными его ступнями. Но вотъ Аксютка, соскочивъ на полъ, скрылся подъ партой; Цѣпка хотѣлъ послѣдовать его примѣру, но какой-то бурсакъ дернулъ его за ногу, и онъ растянулся среди класса плашмя. Невозможно привести здѣсь той свирѣпой брани, которой онъ осыпалъ весь классъ.

Аксютка, выглядывая изъ-подъ парты, говорилъ ему:

— Цѣпка, встань, да на другой бокъ.

Цѣпка бросился къ нему; но Аксютка уже изъ-подъ другой парты:

— Право, Цѣпка, дай,—голенищи подарю.

Цѣпка понялъ, что подъ партами ему не угоняться за врагомъ. Онъ, обозвавъ бурсаковъ прокислой кутьей и жеребячьей породой, направился къ двери. Его проводили крикомъ, свистомъ, атуканьемъ и крѣпкими остротами.

Покажется страннымъ, какимъ образомъ подобный гвалтъ и ревъ могъ не доходить до начальства. Къ тому способствовало самое устройство училища. Все зданіе раздѣлялось на два корпуса—старый и новый. Въ старомъ, года за три до описываемаго нами періода, помѣщалась семинарія, а въ новомъ училище. Семинарія потомъ была переведена въ новое же зданіе, училище осталось въ прежнемъ. Въ училищѣ изъ начальства жили только смотритель и инспекторъ, другіе учителя помѣщались въ старомъ корпусѣ [1]). Такимъ образомъ, учи-

[1]) Между прочимъ, описывая бурсу, мы опустили очень важное обстоятельство, что повело ко многимъ недоразумѣніямъ. Мы забыли сказать, что описываемая нами бурса было закрытое учебное заведеніе. Ученики ея не жили, какъ и въ другихъ бурсахъ, на вольныхъ квартирахъ. Всѣ, человѣкъ до пятисотъ, помѣщались въ огромныхъ каменныхъ зданіяхъ, постройки временъ Петра I. Эту черту не слѣдуетъ опускать изъ вниманія,

ище, по необходимости, управлялось властями, выбранными изъ учениковъ же. Кромѣ того квартира смотрителя и инспектора была на противоположномъ концѣ двора, далеко отъ классовъ, такъ что никакой гвалтъ и ревъ не доходили до начальства. Служители составляли, какъ мы уже имѣли случай сказать, нѣчто въ родѣ начальства, и, значитъ, были ненавидимы товариществомъ, вслѣдствіе чего скандалы въ родѣ описаннаго не доходили до инспектора и смотрителя.

Мало-по-малу все успокоилось въ классѣ. Аксютка пробрался въ Камчатку. Скоро явился и Сатана (онъ же Ipse).

— Ну, что, Сатана?

— Оплетохомъ!

— Лихо!.. Ну-ка, давай сюда!

Ipse вынулъ цѣлый хлѣбъ...

— Да ты молодецъ!.. я тебя за эта жалую смазью...

Сатана принялъ смазь и проговорилъ:

— Азъ есмь Ipse!

Аксютка уписывалъ хлѣбъ съ волчьимъ аппетитомъ. Но послѣ завтрака онъ все-таки не успокоился духомъ. „Чортъ ихъ побери,—думалъ Аксютка, — этакъ когда-нибудь и съ голоду умрешь. Ужъ не закатить ли завтра нуль въ нотатѣ? Э, нѣтъ, подожду—еще потѣшусь надъ Лобовымъ. А дѣло все-таки гадко. Но ладно, „Богъ напиталъ, никто не видалъ; а кто и ви-

---

потому что въ другихъ бурсахъ вольныя квартиры порождаютъ типы и бытъ бурсацкой жизни такіе, которыхъ нѣтъ въ закрытомъ заведеніи. Быть можетъ, здѣсь же должно искать причину и того, что формы бурсацизма въ нашемъ училищѣ сложились такъ оригинально и такъ неискоренимо. Традиція, при закрытости заведенія, имѣла полную силу и жизненность.

дѣлъ, такъ не обидѣлъ“,—заключилъ Аксютка бурсацкимъ присловьемъ.—Утро вечера мудренѣе...“

— Эхъ, Аксенъ Иванычъ,—сказалъ ему Ipse, какъ бы отвѣчая его мыслямъ,—воззри на птицы небесныя: онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, но Отецъ небесный питаетъ ихъ.

— Аминь!—сказалъ Аксютка и рѣшился продолжать свои продѣлки съ Лобовымъ.

Еще не утихъ гомерическій хохотъ бурсы, какъ вошелъ въ классъ лакей инспектора и спросилъ:

— Гдѣ дежурный старшой?

— Здѣсь,—отвѣчалъ старшой.

— Т е б я инспекторъ зоветъ.

Лакей ушелъ.

Сразу по всѣмъ головамъ прошла одна и та же мысль: вѣрно Цѣпка нажаловался инспектору на Аксютку, у котораго уже дрожали отъ предчувствія бѣды поджилки, но, и кромѣ его, многіе принимали участіе въ скандалѣ.

Старшой застегнулся на всѣ пуговицы и отправился къ инспектору, не безъ внутренняго трепета, потому что въ его дежурство случилась эта милая шутка веселыхъ бурсачковъ. На классъ напало уныніе. Минуты еле тянулись въ ожиданіи дежурнаго. Наконецъ онъ явился. Его встрѣтило мертвое молчаніе.

Дежурный окинулъ взоромъ классъ. Всѣ ждали.

— Женихи!—крикнулъ онъ.

У всѣхъ отлегло отъ сердца.

— Женихи?—отвѣчали ему.

Классъ наполнился радостнымъ ропотомъ. Туманъ съ физіономій исчезъ, по нимъ пробѣжала свѣтлая полоса. Всѣ приподняли головы. У всѣхъ была одна мысль:

„Среди насъ есть женихи, значитъ мы не мальчики, а народъ самостоятельный".

Но что сдѣлалось съ Камчаткой? Тамъ воодушевленный говоръ, потому что насталъ часъ торжества, часъ величія Камчатки.

Взоры всѣхъ были обращены въ эту счастливую страну.

Полно азбукѣ учиться,
Букваремъ башку ломать!
Не пора ли вамъ жениться,
Въ печку книги побросать?

Шумъ усиливался.

— Тише!—крикнулъ цензоръ.

Въ классѣ нѣсколько стихло.

— Кто женихи?

Вышли Васенда, Азинусъ, Ерре-Кокста, Рябчикъ.

— И я женихъ,—съ этими словами присоединился Аксютка.

Классъ захохоталъ.

Ipse отъ восторга вертѣлъ хвостомъ халата.

— Никого больше?

Больше никого не оказалось.

— Женихи къ инспектору!.. живо!..

Всѣ пятеро отправились къ инспектору. Классъ, глядя на Аксютку, который съ уморительными гримасами подпрыгивалъ и билъ себя по бедрамъ, весело смѣялся.

Когда женихи скрылись за дверями, классъ наполнился сильнымъ говоромъ, точно на рыночной площади торгъ во всемъ разгарѣ. Но это не былъ тотъ безшабашный гвалтъ, когда бурсаки тянули х о л о д н о или дули р а з н о г о л о с и ц у: онъ скорѣе походилъ на тотъ шумъ, который наполнялъ классъ во время полученія билетовъ на каникулы. Въ Камчаткѣ же шло положительное ликованіе—она высылала отъ себя жениховъ,

героевъ дня. Событіе во всѣхъ головахъ поднимало мечты: „Когда-нибудь и мы освободимся отъ бурсы“. Отъ двѣнадцатилѣтняго мальчика до двадцати-двухъ-годовалаго парня, отъ послѣдняго лѣнтяя до перваго ученика,—всѣ думали одну радостную думу. Все училище было охвачено трепетомъ. Богъ вѣсть, какимъ образомъ магическое слово „женихи“ быстрѣе ласточки облетѣло по всѣмъ классамъ, сладостно волнуя бурсацкія души. Урокъ нейдетъ на умъ, книги въ партахъ, ученики сбились въ кучки, и цензоръ снисходителенъ на этотъ разъ—не разгоняетъ ихъ. Всѣ сразу почему-то вспомнили свою родину, домъ, отца съ матерью, братьевъ съ сестрами. Самые молодые бурсаки и тѣ разсуждаютъ о невѣстахъ, о женитьбѣ, о поповскихъ и цьяческихъ мѣстахъ и доходахъ, о славеньи и т. п. Многіе толкуютъ о днѣ исключенія ихъ: кто сбирается въ дьячки, кто въ послушники, кто въ чиновники, а кто такъ и въ военную службу.

Женихи вернулись отъ инспектора.

— Ну, что?—спрашивали ихъ съ любопытствомъ.

— Везетъ ли, Аксенъ Иванычъ?—говорилъ Ipse.

— Вотъ тебѣ—читай.

Ipse взялъ изъ рукъ Аксютки осьмушку исписанной бумаги и началъ по ней читать громко:

„БИЛЕТЪ.

„Ученикъ Аксенъ Ивановъ уволенъ въ городъ для свиданія со своею невѣстою, Ириною Вознесенскою, 18... года, 23 октября, съ 4 часовъ пополудни до 9 часовъ вечера“.

Далѣе слѣдовала подпись инспектора.

— Браво, Аксютка!—кричали товарищи.

У Васенды и Азинуса были такіе же билеты.

Но остальные два претендента пробирались на священныя парты Камчатки съ унылымъ и понуреннымъ видомъ.

— Вы что?

— Ихъ сначала будутъ румянить, и ужъ потомъ на смотрины.

Раздался смѣхъ.

Униженные и оскорбленные, усѣвшись на мѣсто, положили съ отчаяніемъ свои побѣдныя головы на руки.

— Этому,—пояснилъ Аксютка, указывая на великовозрастнаго бурсака,—инспекторъ сказалъ: „Я тебя замѣчалъ въ нетрезвомъ видѣ,—какой же выйдетъ изъ тебя мужъ?.. Нѣтъ, вмѣсто свадьбы, устрою тебѣ баню".

— Поздравьте, господа,—дополнилъ Аксютка,—молодыхъ съ законнымъ бракомъ.

Хохотъ.

— А этому,—говорилъ Аксютка, указывая на другого отверженнаго жениха, — оказалось всего четырнадцать лѣтъ.

— Вотъ такъ женихъ!

— Смазь ему, ребята!

— Салазки жениху!

Несчастнаго окончательно унизили и оскорбили широчайшей смазью и безпощадными салазками. Въ другое время онъ протестовалъ бы, но теперь стыдно было, что онъ, четырнадцатилѣтней мальчикъ, задумалъ б р а т ч и т ь с я съ тридцатидвухлѣтней древностью. Кромѣ того, его мучилъ страхъ грядущихъ румянъ. Съ горя, стыда и страха онъ заплакалъ.

Къ нему подошелъ Тавля, приподнялъ его голову, ущемилъ двумя перстами носъ жениха и потянулъ черезъ парту.

— У-у-у!—затянулъ онъ.

Классъ захохоталъ.

— Молокососъ!

Тавля послѣ того еще надралъ ему уши.

Бѣдняга рыдалъ, но отъ стыда не рѣшался просить пощады. Съ той поры его прозвали „мозглымъ женихомъ“. Онъ въ тотъ же вечеръ ударился въ бѣги. Когда будемъ говорить о бѣгунахъ бурсы, разскажемъ о его похожденіяхъ.

Около жениховъ былъ шумъ и толкотня. Разспрашивая о приходѣ, о невѣстѣ, о доходахъ, давали совѣты и снаряжали на завтрашній день къ невѣстѣ. Общая внимательность и предупредительность показывали то напряженное состояніе духа учениковъ, въ которомъ они находились. Это выразилось тѣмъ, что товарищи охотно предлагали женихамъ: кто новенькій сюртучекъ, кто брюки, кто жилетъ, даже сапоги и бѣлье. Азинусъ на другой день сбросилъ съ себя тиковый халатъ и дырявые сапоги, у которыхъ, вмѣсто подметокъ, были привязаны дощечки деревянныя, и явился франтомъ хоть куда. Все это напоминаетъ намъ тѣхъ бѣглыхъ арестантовъ, которыхъ г. Достоевскій изобразилъ въ „Мертвомъ Домѣ“. Какъ тамъ товарищи радовались за освободившихся отъ каторги, такъ и здѣсь радовались за освободившихся отъ бурсы.

Вечеръ закончился блистательнымъ скандаломъ. Тавля женился на Катькѣ. Достали свѣчъ, купили пряниковъ и леденцовъ, выбрали поѣзжанъ и поѣхали за Катькой въ Камчатку. Здѣсь невѣста, недурной мальчикъ лѣтъ четырнадцати, сидѣла одѣтая во что-то въ родѣ импровизированнаго капота; голова была повязана платкомъ по-бабьи, щеки ея были нарумянены линючей красной бумажкой отъ леденца. Поѣзжане, наряженные мужчи-

нами и бабами, вмѣстѣ съ Тавлей отправились къ невѣстѣ, а отъ ней къ печкѣ, которую Тавля заставилъ принять на себя роль церкви. Явились попы, дьяконъ и дьячки, зажгли свѣчи, началось вѣнчанье съ пѣніемъ „Исаіе ликуй!“ Гороблагодатскій отломалъ апостолъ, закричавъ во всю глотку на концѣ: „а жена да боится своего мужа“. Тавля поцѣловалъ у печки Богомъ данную ему сожительницу. Послѣ того поѣздъ направился опять къ Камчатку, гдѣ и начался великій пиръ и столованье. Здѣсь гостямъ подавались леденцы, пряники, толокно, моченый горохъ, и даже часть украденнаго Аксюткою хлѣба шла на угощеніе поѣзжанъ и молодыхъ. Поднялись пляска и пѣнье. Въ концѣ занятныхъ часовъ появилась и святая мать—сивуха. На другой день, черезъ фискаловъ, все извѣстно было инспектору, и послѣдовало румяненье тѣхъ мѣстъ, откуда у бурсаковъ растутъ ноги.

На другой день у Васенды, Азинуса и Аксютки были дѣйствительно смотрины.

Васенда, какъ человѣкъ положительный и практическій, нашелъ невыгоднымъ закрѣпленное мѣсто, приданое и обязательства, а невѣсту черезчуръ заматорѣвшею во днѣхъ своихъ, на видъ рябою, длинною и черствою. Онъ рѣшился остаться въ Камчаткѣ до лучшей суженой.

Азинусъ, по безалаберности своего характера, и отчасти потому, что ему надоѣла и опротивѣла бурса, махнулъ на все рукою, рѣшился вступить въ законный бракъ съ дамою, которая была старше его, по крайней мѣрѣ, десятью годами. Впослѣдствіи изъ него вышелъ мерзѣйшій мужъ, а изъ его супруги того же достоинства баба.

Аксютка вовсе не думалъ жениться. Онъ отправился на смотрины единственно изъ желанія потѣшиться внѣ училища, на свободѣ. Онъ укралъ у „нареченной“ шелковый платокъ и три мѣдныхъ гривны.

Одинъ изъ жениховъ какъ мы уже видѣли, удралъ изъ училища и теперь состоялъ въ бѣгахъ.

Пятый женихъ на другой день получилъ отъ инспектора румяны, то-есть блистательную порку.

Бѣгуны и спасенные бурсы.

Очеркъ четвертый.

1863.

Главное дѣйствующее лицо настоящаго очерка—Карась. Что это за рыба?

Карась былъ довольно самолюбивая рыба. Два его брата, уже бурсаки, смотрѣли на него, какъ на маленькаго, не допускали его не только въ серьезныя, по ихъ понятію, предпріятія, но даже и въ простыя игры, а именно на томъ основаніи, что не ѣлъ еще семинарской каши; а между тѣмъ онъ слышалъ иногда отъ нихъ разсказы о разнаго рода играхъ бурсаковъ, о бурсацкихъ богатыряхъ, ихъ похожденіяхъ, продѣлкахъ съ начальствомъ,—разсказы, которые казались ему очень привлекательными: все это породило въ немъ страстное желаніе—какъ можно скорѣе, всецѣло, по самыя уши, окунуться въ болото бурсацкой жизни.

Насталъ давно ожидаемый имъ день. Сняли съ Карася дѣтскую рубашку и, вмѣсто нея, надѣли сюртучокъ,—съ той минуты онъ почувствовалъ себя годомъ старше; онъ имѣлъ уже свою кровать, свой сун-

дукъ, с в о и книжки,—это прибавило ему росту; дали ему на булки двадцать копеекъ,—капиталъ, рѣдко бывавшій въ его рукахъ,—тогда карасиная гордость сдѣлалась непомѣрна. Пришелъ часъ разставанія съ роднымъ домомъ: помолились Богу, благословили Карася, у матери слезы на глазахъ, отецъ серьезенъ, сестренки задумались, — лишь Карась радуется и скачетъ, какъ сумасшедшій; онъ блаженствуетъ отъ той мысли, что еще нѣсколько минутъ, и онъ будетъ бурсакъ съ головы до ногъ, вдоль и поперекъ.

Карася отвели въ бурсу. Здѣсь онъ простился съ отцомъ очень невнимательно. Ему хотѣлось поскорѣе присоединиться къ ученикамъ, которые играли на большомъ дворѣ бурсы въ л а п т у, м а с л о, о т с к о к ъ, с в а й к у, р а й и а д ъ, к а з а к и-р а з б о й н и к и, к р а д е н у ю п а л о ч к у и т. п. Долго не думая, онъ, по уходѣ отца, отправился на дворъ, гдѣ и присоединился къ кучкѣ бурсачковъ, игравшихъ въ р а й и а д ъ, т. е. скакавшихъ на одной ногѣ среди начерченной на землѣ фигуры, при чемъ носкомъ сапога они выбивали изъ разныхъ отдѣленій камешекъ...

„Это очень весело“, подумалъ Карась.

Но въ то же время онъ услышалъ насмѣшливый голосъ:

— Н о в и ч о к ъ!

— Г о р о д с к о й!—прибавилъ кто-то.

— М а м е н ь к и н ъ с ы н о к ъ!

„О комъ это?“ думалъ Карась.

Его щипнули.

„Обо мнѣ“, рѣшилъ онъ. Сердце его замерло отъ предчувствія чего-то нехорошаго.

— Смазь новичку!

„Это что такое? подумалъ Карась.

На него налетѣлъ довольно взрослый бурсакъ и схватилъ его лицо въ свою грязную пясть. Карась вовсе не ожидалъ такого привѣтствія. Онъ озлился, но не ему, поступившему въ училище на десятомъ году, было бороться съ здоровыми бурсаками. Однако, Карась не обратилъ вниманія на свое слабосиліе. Онъ размахнулся ногою и ударилъ ею своего обидчика въ животъ. Бурсакъ застоналъ и хотѣлъ дать трепку Карасю, но Карась ударился въ бѣги.

— Ай да новичекъ!—слышалъ онъ сзади себя одобреніе.

„Вона,—еще хвалятъ!“ думалъ утекающій Карась.

Въ пять часовъ вечера братья отвели Карася во второй приходскій классъ, гдѣ онъ и водворился на задней партѣ и скоро познакомился съ своимъ сосѣдомъ, котораго звали Жирбасомъ.

— Ты будешь учить урокъ?—спросилъ Жирбасъ.

— Буду.

— Зачѣмъ?

А учитель спроситъ.

— Быть можетъ, и не спроситъ.

— Такъ развѣ не учить?

— Не стоитъ.

— И не буду же учить.

Такъ Карась началъ свое духовное образованіе. Однакоже чѣмъ развлечься? Впереди предстояли еще три учебныхъ часа.

— Что жъ мы будемъ дѣлать?—спросилъ Карась.

— Давай играть въ трубочисты.

Но лишь только Жирбасъ сталъ загадывать, пряча грифель, подходитъ къ Карасю какая-то каналья и, показывая ему небольшую склянку, говоритъ:

— Хочешь, посажу тебя въ эту бутылочку?

— Въ эту?.. Какимъ образомъ?..
— Да ужъ будешь сидѣть... хочешь?
— Шутишь, братъ! Ну-ка, сади!
— Вотъ тебѣ шапка—грись ею...
— И буду сидѣть въ бутылочкѣ?
— Будешь.

Карась беретъ поданную ему шапку и начинаетъ очень усердно тереться тою шапкой.

— Входишь въ бутылочку, лѣзешь,—говорили окружающіе Карася товарищи, а сами хохотали.
— Что вамъ смѣшно?—спрашивалъ глупый Карась.
— Довольно!—говорятъ ему,—сѣлъ въ бутылочку.
— Какъ такъ?—спрашиваетъ Карась, отнимая отъ лица шапку.

Раздался дружный, веселый смѣхъ...
— Гдѣ жъ я въ бутылочкѣ?
— Дайте ему зеркальце.

Подали зеркало. Заглянувъ въ него, Карась не узналъ своей рожицы: вся она была черна, какъ у трубочиста. Только тутъ Карась смекнулъ, что шапка, которою онъ терся, была вымазана сажею, и ее трудно было примѣтить на черномъ сукнѣ. Карасю было досадно и стыдно.

— Самъ выпачкался,—говорили ему.
— Не на кого и жаловаться...
— Фискалить? да мы его в з д у е м ъ!
— Не буду я фискалить,—отвѣтилъ Карась,—а вы все-таки подлецы!

Карасю пришлось выносить насмѣшки своихъ товарищей. Вымывъ рожицу изъ ведра, стоявшаго въ углу класса, Карась обратился къ Жирбасу, надѣясь на его сочувствіе...
— Черти этакіе!—сказалъ онъ.

Но Жирбасъ, услышавъ такія слова, отвѣчалъ на нихъ оскорбительнымъ для карасинаго уха смѣхомъ.

— Жирная скотина!—проворчалъ Карась...

Это было началомъ его раздора съ Жирбасомъ. Этотъ раздоръ съ каждой минутой развивался сильнѣе и сильнѣе, при тѣхъ случаяхъ, когда Карасю приходилось, какъ новичку, терпѣть разнаго рода шутки и продѣлки со стороны своихъ товарищей.

Къ Карасю подошелъ цензоръ и спросилъ его:

— Видалъ ли ты Москву?

— Никогда не видалъ.

— Такъ я тебѣ покажу ее.

Съ этими словами цензоръ схватилъ карасиную голову въ свои руки, ущемилъ ее между ладонями и приподнялъ новичка въ воздухѣ...

— Ай, пусти!—запищалъ Карась.

Цензоръ, потѣшившись надъ рыбою, опустилъ ее на парту. Жирбасъ опять смѣялся. Его рожа для Карася становилась противна.

— Жирная харя!—сказалъ онъ вслухъ.

Это нисколько не обидѣло Жирбаса. Онъ только пуще захохоталъ. Карась нашелъ, что благоразумнѣе будетъ, если онъ и на этотъ разъ смирится—иначе его досада только усилитъ насмѣшки сосѣдей.

Но вотъ, спустя немного времени, подходитъ къ Карасю какой-то верзила. Строгимъ начальническимъ тономъ онъ отдаетъ ему приказъ:

— Ступай на первую парту. Видишь, тамъ сидитъ большой ученикъ. Ты спроси у него волосянки.

Карась повинуется.

— Дай волосянки,—говоритъ онъ, подходя къ указанному ученику.

— Изволь, сколько хочешь,—отвѣчаетъ тотъ и, вцѣ-

пившись въ волоса несчастнаго Карася, начинаетъ тре пать его очень чувствительно... Карась пищитъ, на глазахъ его слезы.

Вернувшись на свое мѣсто, онъ слышитъ новый смѣхъ Жирбаса. Рожа этого сосѣда дѣлается для него ненавистна.

— Вотъ тебѣ!—говоритъ озлившаяся рыба и даетъ толчекъ по боку сосѣда.

Но и это не дѣйствуетъ на Жирбаса.

— Чкни еще,—говоритъ онъ, подставляя другой бокъ, а самъ заливается обиднымъ смѣхомъ.

— Свинья!—привѣтствуетъ его Карась и отворачивается въ сторону, съ твердымъ намѣреніемъ не говорить ни слова съ сосѣдомъ.

Карась сидитъ насупившись. Смазь, бутылочка, Москва, волосянка показались ему очень солоны... Онъ опасается, чтобы еще не провели его на чемъ-нибудь. Къ нему подходитъ одинъ второкурсникъ. Карась смотритъ на него подозрительно.

— Что, бѣдняга, тебя обижаютъ?—говоритъ второкурсникъ ласково.

Карась отвѣчаетъ на этотъ вопросъ сердитымъ взглядомъ.

— Они новичковъ всегда обижаютъ,—продолжаетъ второкурсникъ.—Ты мнѣ скажи, если кто тебя тронетъ.

Карась былъ пойманъ на ласковое слово.

— Чего они лѣзутъ ко мнѣ?—проговорилъ онъ жалобно,—вѣдь я ихъ не трогаю?

— Теперь ничего не бойся: я заступлюсь...

— Заступись, братъ...

Второкурсникъ сѣлъ подлѣ него и сталъ разспрашивать, откуда онъ, гдѣ его отецъ, есть ли у него мать, братья и сестры. Карась довѣрчиво раскрылъ предъ но-

вымъ знакомымъ свою душу: его привѣтливость была очень кстати и во время для огорченнаго Карася...

— Хочешь булки? — сказалъ онъ, развязывая узелокъ.

Второкурсникъ не отказался и сталъ еще ласковѣе.

— Давай, я тебѣ штуку покажу,—говоритъ онъ.— Напиши: „я иду съ мечемъ судія“.

Карась написалъ.

— Читай теперь сзаду впередъ, отъ правой руки къ лѣвой.

И отъ правой руки къ лѣвой выходитъ: „я иду съ мечемъ судія“.

Это очень понравилось Карасю...

— Подожди, я тебѣ еще покажу штуку, — говоритъ второкурсникъ.

Онъ отлучился куда-то ненадолго и, вернувшись, опять садится подлѣ Карася...

— Напиши, — говоритъ, — „лей воду, лей; ей Богу не скажу я никому“.

Карась, въ надеждѣ, что еще увидитъ что-нибудь въ родѣ „судіи съ мечемъ“, взялъ карандашъ и написалъ, что требовалось.

Но едва онъ успѣлъ кончить послѣднее слово, какъ второкурсникъ окатилъ его водою изъ ковша, который онъ держалъ за спиною. Мокрый Карась понять не могъ, что это значитъ.

— Это еще что?—спросилъ онъ.

— Самъ,—отвѣчалъ второкурсникъ,—далъ расписку, что никому не скажешь...

— Ахъ, ты, подлецъ, подлецъ!...

Но подлецъ лишь только смѣялся. Отвратительный Жирбасъ вторилъ ему. Карась былъ униженъ и оскорбленъ. Онъ не вынесъ смѣха Жирбаса и, увлекшись

злобой, довольно сильно ударилъ его по шеѣ... Но, казалось, Жирбасъ былъ неуязвимъ. Онъ послѣ удара, схватившись за животъ, раскатился пущимъ смѣхомъ... Карась стиснулъ зубы и, закрывъ лицо руками, сбирался плакать.

Въ то время проходилъ мимо него Силычъ, парень лѣтъ восемнадцати, товарищъ ему, десятилѣтнему мальчугану. Силычъ остановился около Карася, положилъ на его плечо руку, а другою, ни съ того, ни съ сего, сильно ударилъ въ его спину. Духъ замеръ въ Карасѣ, потому что ударъ пришелся противъ сердца. Онъ со стономъ еле поднялъ свою голову.

— За что?—проговорилъ онъ.

— Такъ себѣ,—отвѣтилъ Силычъ.

И дѣйствительно, Силычъ, человѣкъ, какъ увидимъ далѣе, добрый, самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ подобную гадость. Онъ ударилъ не по злости, не для потѣхи, не потому, что рука затеклась кровью и просила моціону, а именно такъ себѣ, безсознательно, какъ-то само ударилось, нечаянно... Онъ спокойно пошелъ далѣе, а Карась, наконецъ, не вынесъ и зарыдалъ...

Жирбаса при этомъ прорвало неудержимымъ смѣхомъ.

— Что, голубчикъ, вѣрно, не ѣдалъ еще такихъ штукъ?..

Въ Карасѣ вспыхнула вся злость, накопившаяся въ продолженіе занятныхъ часовъ.

— Подожди же, жирная тварь,—говорилъ онъ, и съ этимъ словомъ, схвативъ въ одну руку линейку, а въ другую довольно толстую книгу, онъ принялся отрабатывать Жирбаса линейкою по бокамъ, а книгою по головѣ. Жирбасъ былъ старше Карася и сильнѣе, но оказался трусомъ. Онъ и не думалъ въ свою очередь сдѣлать нападеніе.

— Ай да новичокъ!—одобряли Карася.

— Молодчина!

— Ты корешкомъ-то его!

Карась послушался добраго совѣта, повернулъ книгу корнемъ внизъ и влѣпилъ ее въ темя ненавистнаго Жирбаса.

— Браво!

— Хлестко!

— Свистни еще его!

Карась послушался и этого совѣта.

Наконецъ, Жирбасъ вырвался изъ его рукъ и, закричавъ: „я смотрителю пожалуюсь", скрылся за дверями.

Расположеніе товарищей къ Карасю перемѣнилось по уходѣ Жирбаса.

— Попался, голубчикъ!—говорили ему.

— Такъ что же!

— А то, что накормятъ березовой кашей!

Карась струсилъ, но, не желая обнаружить этого, проговорилъ храбро:

— Пусть кормятъ!—а самъ думалъ: „неужели же меня въ первый же день и отпорютъ? только этого не хватало".

Черезъ нѣсколько минутъ Карася повели къ смотрителю, и, дѣйствительно, въ первый же день принятія въ бурсацкую вѣру онъ получилъ посвященіе въ количествѣ пяти ударовъ розгами, при чемъ ему было внушено: „только на первый разъ къ тебѣ снисходительны; впередъ будемъ драть больнѣе!" — Соображая, въ какомъ размѣрѣ должна усилиться порка въ будущее время, онъ въ горькомъ раздумьѣ возвращался въ классъ...

— Ну, что?—спрашивали его товарищи.

Карась, опять не желая показаться трусомъ, отвѣчалъ:

— Отодрали—вотъ и все.

— И тебѣ нипочемъ?

— Дери сколько хочешь—мнѣ все одно!

— Э, да ты молодецъ!—похваливали его товарищи.

Карасиное самолюбіе ощутило пріятное щекотаніе, и онъ продолжалъ врать:

— Меня хоть пополамъ раздери, не струшу!

— Полно, такъ ли?

— Ей Богу, мнѣ нипочемъ.

— Ахъ ты, поросенокъ,—осадилъ его одинъ изъ второкурсниковъ,—а дирали и тебя на воздусяхъ?

— На воздусяхъ? — спросилъ въ недоумѣніи Карась.

— Да, ты вотъ откушай этой похлебки, тогда и говори, что дерутъ—вѣдь не рѣпу сѣютъ.

Карась, сдѣлавшись на нѣсколько минутъ предметомъ общаго вниманія, думалъ: „значитъ, и мы не изъ послѣднихъ?“ но на эту думу рефлектировала другая: „что это такое на воздусяхъ? что-нибудь слишкомъ жестокое, если меня пугаютъ такой деркой“.—Но сила послѣдняго вопроса скоро была ослаблена тѣмъ, что онъ, за нѣсколько минутъ до ужина, подслушалъ мнѣніе нѣсколькихъ второкурсниковъ о своей личности. Они говорили: „Изъ новичка, кажется, выйдетъ добрый парень. Фискалить онъ не любитъ, порки мало боится, Жирбасу отлично съѣздилъ по головѣ. Изъ него выйдетъ порядочный бурсакъ, только слѣдуетъ пошлифовать его хорошенько. Мы и пошлифуемъ его!“ — Такія рѣчи настроили Карася на доброе расположеніе духа. Онъ соображалъ такъ: „Всѣ эти смази, волосянки, треухи и бутылочки есть не что иное, какъ шлифованіе. Это меня

испытываютъ они. Значитъ, надо держать ухо востро!" Онъ рѣшился показать себя молодцомъ и уже взыгрался духомъ, намѣреваясь заявить среди новыхъ товарищей свой характеръ, вполнѣ достойный бурсака.—„Что такое на воздусяхъ? и какое еще предстоитъ мнѣ шлифованье?"—когда эти мысли приходили ему въ голову, онъ старался прогонять ихъ тѣмъ, что „изъ него, вѣроятно, выйдетъ добрый парень".—„Посмотримъ, что будетъ!" говорилъ онъ себѣ.

Сходилъ онъ въ училищную столовую, „щей негодныхъ похлебалъ", поѣлъ каши и, послѣ молитвы, пришелъ въ спальную...

— Ты что? — спросилъ его братъ, по прозванію Носатый.

— Меня отодрали,—отвѣчалъ хвастливо Карась.

— Уже?

— Эге!

Братъ, выслушавъ подробности дѣла, одобрилъ поведеніе Карася... Но Карась, сообщая брату о томъ, что его высѣкли, не сказалъ ему о своихъ слезахъ, которыя были вызваны у него сажаніемъ въ бутылочку, смазями, окачиваніемъ водою и затрещинами: въ немъ начиналъ развиваться ложный бурсацкій стыдъ, который запрещаетъ краснѣть отъ лозы.

Карась, главное дѣйствующее лицо этого очерка, будетъ описанъ нами съ особенными подробностями, потому что онъ во многихъ характерныхъ событіяхъ училища и семинаріи принималъ дѣятельное участіе и при томъ прожилъ въ бурсѣ четырнадцать лѣтъ, періодъ, который мы хотимъ прослѣдить въ своихъ статейкахъ о бурсацкомъ воспитаніи. При этомъ замѣтимъ, что мы лично и очень хорошо знакомы съ господи-

номъ, носящимъ прозвище Карася, и эту правдивую исторію пишемъ съ его словъ.

Мы сказали, что Карась уже взыгрался духомъ отъ той мысли, что покажетъ своимъ новымъ товарищамъ свой характеръ, вполнѣ достойный бурсака, и что потомъ все пойдетъ ладно.—„Обживемся“, думалъ онъ. Но онъ и не предполагалъ, что главное горе было впереди. Онъ не носилъ имени Карася при поступленіи въ училище. Это прозвище онъ получилъ нѣсколько дней спустя, и оно-то было причиною тѣхъ его несчастій, о которыхъ поведемъ разсказъ.

Дѣло было такъ.

Не прошло и четырехъ дней, а Карась началъ уже задумываться о домѣ, скучать и потихоньку отъ товарищей плакать. Желаніе его обурсачиться пропало. Все въ училищѣ ему казалось гадко и противно. Съ каждой минутой отъ рывались передъ нимъ гадости, описанныя въ нашихъ очеркахъ, и онъ скоро постигъ весь контрастъ между домашнимъ и училищнымъ бытомъ. Семейная жизнь теперь казалась ему полнымъ блаженствомъ, выше котораго нѣтъ на свѣтѣ, бурсацкая—царствомъ безконечныхъ мученій. Онъ усиленно всматривался въ черную бездну, которая легла между той и другой жизнью... Домой хотѣлось, домой!... Теперь самыми счастливыми для него минутами были тѣ, когда онъ видѣлся съ своими братьями; но онъ ошибся и въ братьяхъ, когда думалъ, что, поступивъ въ бурсу, онъ сдѣлается равенъ имъ. Карась принадлежалъ къ приходчинѣ, на которую старшіе классы смотрѣли свысока и съ пренебреженіемъ. Съ товарищами онъ не успѣлъ сойтись. Тоска грызла карасиное сердце, и ему приходило не разъ въ голову: „не дать ли тягу изъ училища?—но куда бѣжать?“ Въ это время Карась и

придумалъ дѣло, которое показалось ему очень хорошимъ.

Карась еще дома зналъ, что въ училищѣ такъ называемымъ пѣвчимъ не житье, а масленица. Въ епархіальномъ главномъ городѣ той бурсы, въ которую поступилъ онъ, было нѣсколько духовныхъ пѣвческихъ хоровъ: ученическій, семинарскій, академическій, архіерейскій и, кромѣ того, два хора при городскихъ церквахъ. Дисканты и альты (иногда басы и тенора) въ эти хоры набирались изъ учениковъ. Родители всегда возставали противъ того, что ихъ дѣтей верстали въ пѣвчіе. Хоры положительно портили дѣтей [1]). Мальчики теряли учебное время на спѣвкахъ, заказныхъ обѣдняхъ, свадьбахъ и т. п. Въ прошломъ очеркѣ мы приводили факты бурсацкаго невѣжества, но самое глухоголовое невѣжество царило въ пѣвческихъ хорахъ. Дѣльные бурсаки разсказываютъ, что за четырнадцать лѣтъ они помнятъ только одного умнаго человѣка, бывшаго въ маленькихъ пѣвчихъ, да и тому не удалась жизнь: поступивъ, по окончаніи семинарскаго курса, псаломщикомъ въ одинъ изъ университетскихъ заграничныхъ городовъ, съ намѣреніемъ получить полное образованіе, онъ кончилъ тѣмъ, что застрѣлился. Хоры, дѣлая мальчиковъ дураками, въ то же время развращаютъ ихъ. Присутствуя очень часто на поминкахъ, на которыхъ, какъ извѣстно, нашъ православный людъ ѣстъ и пьетъ безъ всякой мѣры, дѣти не только видятъ пьяныхъ, но привыкаютъ сами пить водку. Равнымъ

---

[1]) При нашей характеристикѣ хоровъ должно помнить, что она вполнѣ относится не ко всѣмъ имъ: изъ нихъ отчасти должно исключить хоры при учебныхъ заведеніяхъ, хотя и эти хоры не совсѣмъ безвредны; но о нихъ рѣчь будетъ когда-нибудь послѣ.

образомъ, они нерѣдко бываютъ при кутежахъ большихъ пѣвчихъ, слышатъ циническіе разсказы о полуведерныхъ, о любовныхъ похожденіяхъ, картежной игрѣ, о дракахъ и разнаго рода скандалахъ. Кромѣ того, маленькіе пѣвчіе получаютъ деньжонки, особенно такъ называемые исполатчики,—деньжонки идутъ у нихъ не путемъ. Понятно, что очень легко погибнуть мальчику въ пѣвческомъ хорѣ.

Карась не зналъ ничего этого, онъ рѣшился поступить въ хоръ. Впрочемъ, онъ поступилъ въ учебный хоръ, въ которомъ хотя тоже баловались дѣти, но все же не развращались. Поступивъ въ семинарскій хоръ, Карась могъ отлучаться изъ училища два раза въ недѣлю на спѣвки, при чемъ хоть сколько-нибудь удавалось подышать чистымъ воздухомъ; кромѣ того, въ семинаріи пѣвчихъ поили иногда чаемъ и давали деньги; наконецъ, пѣвчіе состояли подъ особымъ покровительствомъ семинарскаго начальства. Смекнувъ все это, Карась, въ то время, когда ему противна стала бурса, поступилъ въ хоръ; но не смекнулъ Карась того, что онъ, несмотря на свой сильный альтъ, не имѣлъ никакого пѣвческаго таланта. Это ему дорого обошлось. Лучше бы и въ самомъ дѣлѣ быть ему безгласной рыбой, а не пѣвчимъ. За постоянный фальшъ въ пѣніи начали драть ему уши, потчевать пинками, щипками и ударами камертона въ голову. Тогда Карась пустился на хитрости. Его сотрудники поютъ, а онъ только ротъ разѣваетъ. „Не замѣтятъ,—думаетъ,—скажутъ, что я пою“. Но регента трудно было провести такими шутками.

— Ты, галченокъ, что только ротъ разѣваешь? — сказалъ онъ Карасю.

— Я пою.

— Врешь, каналья.

— Ей богу же, пою

Карась перекрестился.

Карась крестится, а его за ухо.

— Пой, шельмецъ, громче!.. шибче!..

Карась заревѣлъ во все горло. Пѣніе вышло такъ хорошо, что всѣ расхохотались и самъ регентъ не выдержалъ. Одинъ же озорникъ, изъ маленькихъ пѣвчихъ, по прозванію Л е х а, указывая на мученика пальцемъ и задыхаясь отъ смѣху, проговорилъ:

— Ка... ка... ка... рррась!

— И вправду, Карась... Широкій, какъ Карась,— подхватили другіе.

— Его надо въ прудъ!

Пошла потѣха.

Карась не былъ настолько благоразуменъ, чтобы обратить дѣло въ шутку. На возвратномъ пути Леха дразнилъ его, и когда они пришли въ училище, бурсачки, окруживъ его, стали кричать:

— Карась!

— Рыба!

— Съ ершомъ подрался!

Карась сталъ браниться, его начали дергать за полы и щипать; тогда Карась принялся за палки и каменья. Весело стало ученикамъ; толпа увеличилась. Наконецъ кто-то сшибъ Карася съ ногъ.

— М а л а к у ч а!

На Карася навалили другихъ, на другихъ третьихъ, и пошла исторія.

— Гдѣ ты, Карасище?—кричали сверху.

Карасю животъ тискали, Карась задыхался, Карась землю ѣлъ, Карась плакалъ...

Послѣ долгихъ усилій онъ вырвался кое-какъ и уда-

рился бѣжать въ классъ. Бурсаки бросились за нимъ въ погоню. Въ классѣ окружили его снова.

— Давайте нарекать Карася...

Схватили его за руки и всевозможными голосами, съ крикомъ, визгомъ, лаемъ, стономъ, начали кричать въ самыя уши его:

— Карась, Карась, Карась!

Гвалтъ поднялся страшный, и среди него ученики н слышали, какъ раздался звонокъ, возвѣщающій классныя занятія. Прошло довольно времени, и уже въ сосѣдній классъ пришелъ учитель, знаменитый Лобовъ, а шумъ не унимался. Несчастнаго Карася щипали, сыпали въ голову щелчки, кидали въ лицо жеваную бумагу. Карась точно въ котлѣ варился; онъ постепенно былъ оглушенъ и ощипанъ. Шутка зашла такъ далеко, что ему уже казалось, будто изъ міра дѣйствительности онъ перешелъ въ міръ полугорячечнаго, безобразнаго сна. Ревъ былъ до того невыносимъ, что Карасю представлялось, что реветъ кто-то внутри самой головы его и груди. Начиналъ онъ шалѣть, предметы въ глазахъ путались, линіи перекрещивались, цвѣта сливались въ одну массу. Еще минута, и онъ упалъ бы въ обморокъ. Но Карася такъ жестоко щипнули, что вся кровь бросилась въ лицо его, въ вискахъ и на шеѣ вздулись жилы, и онъ съ остервенѣніемъ и въ безпамятствѣ бросился на перваго попавшагося подъ руку; пальцы его вцѣпившись въ волоса жертвы, закостенѣли.

Дѣло кончилось крайне омерзительно...

Въ классъ вошелъ Лобовъ, котораго взбѣсилъ шумъ бурсаковъ. Всѣ разбѣжались по мѣстамъ, лишь одинъ одинъ Карась таскалъ свою жертву, которая, къ несчастью, пришлась ему подъ силу.

— Взять его!—приказалъ Лобовъ.

икто ни съ мѣста.

— Взять его!

одНа Карася бросились ученики большого роста и въ нно мгновеніе обнажили тѣ части корпуса, которыя въ бурсѣ служатъ проводниками человѣческой нравственности и высшей правды.

— На воздусяхъ его!

Карась повисъ въ воздухѣ.

— Хорошенько его!

Справа свистнули лозы, слѣва свистнули лозы; кровь брызнула на тѣлѣ несчастнаго, и страшнымъ воемъ огласилъ онъ бурсу. Съ правой стороны опоясалось тѣло двадцатью пятью ударами лозъ, съ лѣвой столькими же. Нервы его были уже измучены тогда, когда его нарекали Карасемъ, щипали и заушали, а во время наказанія они совершенно потеряли способность къ воспріятію моральныхъ впечатлѣній; память его была отшиблена; мысли... мыслей не было, потому что въ такія минуты разсудокъ не дѣйствуетъ; нравственная обида... и та созрѣла послѣ, а тогда онъ не произнесъ ни одного слова въ оправданіе, ни одной мольбы о пощадѣ, раздавался только крикъ живого мяса, въ которое впивались красными и темными рубцами жгучія, острыя, яростныя лозы... Тѣло страдало, тѣло кричало, тѣло плакало... Вотъ почему Карась, когда его послѣ спрашивали, что въ его душѣ происходило во время наказанія, отвѣчалъ: „не помню“. Нечего было и помнить, потому что душа Карася умерла на то время.

— Бросьте его!

Въ жизни человѣка бываетъ періодъ времени, отъ котораго зависитъ вся моральная судьба его, когда совершается переломъ его нравственнаго развитія. Говорятъ, что этотъ періодъ наступаетъ только въ юности: это не-

правда: для многихъ онъ наступаетъ въ самомъ розовомъ дѣтствѣ. Такъ было и съ Карасемъ. Слышали мы отъ него мнѣніе такого рода: „всѣ увѣрены, что дѣтство есть самый счастливый, самый невинный, самый радостный періодъ жизни, но это ложь: при такой системѣ нашего воспитанія, въ которой участвуютъ подобные педагоги,—это самый опасный періодъ, легко развратиться и погибнуть навѣки". Это Карась испыталъ на себѣ...

Карась, послѣ н а р е к а н і я и порки, не могъ опомниться, и на долгое время потерялъ способность соображать. На другой день его посѣтилъ отецъ. Лишь только онъ увидѣлъ отца, изъ глазъ его полились слезы. Родное селеніе, кладбище, домъ съ садомъ, семья, домашніе товарищи, игры—все это живой картиной встало предъ его воображеніемъ. Онъ теперь хорошо понялъ, какъ мила домашняя жизнь, которая казалась ему такой простой, и какъ гнусна бурсацкая, къ которой онъ когда то стремился.

— Домой хочу,—говорилъ онъ, глотая соленую слезу.

Отецъ его былъ человѣкъ въ высшей степени добрый. Ему сдѣлалось жалко сына.

— Тятенька, возьмите меня домой.

— Нельзя,—отвѣчалъ отецъ,—надобно учиться: всѣ учатся, а ты не маленькій... Сначала только скучно, а потомъ привыкнешь... Ты веди себя хорошо, хорошо и жить будетъ.

Но отецъ вдругъ прервалъ свою рѣчь. Онъ подумалъ: „всѣ мы говоримъ дѣтямъ подобныя вещи, но онѣ никогда не утѣшаютъ ихъ". Отецъ вздохнулъ.

— Зачѣмъ вы меня отдали сюда?

Сынъ заплакалъ.

— Обижаютъ, что ли, тебя?..

Сынъ ничего не отвѣчалъ.

Отецъ видѣлъ, что что-то не ладно. Онъ опять сказалъ ласково:

— Что же, тебѣ худо здѣсь?..

Не только дѣти, но и взрослые, когда посѣщаетъ ихъ горе, дѣлаются несправедливыми къ своимъ близкимъ людямъ и друзьямъ, отплачивая на нихъ свое горе. У Карася появилась досада на своего добраго отца.

„Зачѣмъ меня отдали въ эту проклятую бурсу?— разсуждалъ онъ, не говоря отцу ни слова.—Зачѣмъ меня заперли сюда?.. Отецъ меня не любитъ, мать тоже, братьямъ и сестрамъ я не нуженъ... Большіе всегда обижаютъ маленькихъ... Когда такъ, не хочу домой... пусть ихъ... мнѣ все одно... Что и дома, когда тамъ всѣ ненавидятъ меня?.. Имъ пріятно, что я мучусь... нарочно отдали сюда, чтобъ меня сѣкли, били, ругали... Отпустятъ въ субботу домой, не пойду домой“.

Такъ разсуждалъ Карась, а самому страстно хотѣлось домой. Казалось, тутъ бы и раскрыть свою душу передъ отцомъ, но Карась роптalъ и думалъ про себя: „къ чему? не поможетъ!“ Онъ рѣшился ничего не говорить отцу, который такъ и не узналъ, какую моральную и физическую пытку перенесъ его сынъ въ первые дни училищный жизни.

Когда ушелъ отецъ, къ тоскѣ по родномъ домѣ присоединился страхъ. Карась и не подозрѣвалъ, что онъ, сравнительно съ большинствомъ новичковъ, довольно счастливо началъ бурсацкую карьеру. Товарищи знали, что онъ вошелъ въ училище съ веселымъ лицомъ, а не со слезами, на первую пожалованную ему смазь отвѣчалъ ногой въ животъ обидчика; когда его сажали въ бутылочку, давали ему волосянку, показывали Москву, обливали водой, когда билъ его Силычъ,—онъ и не думалъ жаловаться начальству, значитъ изъ него не вый-

детъ фискала; онъ лихо отколотилъ Жирбаса, получилъ въ первый же день порку; когда дразнили его на дворѣ, онъ хватался за палки и каменья, а не бѣжалъ къ инспектору; даже во время самаго нареканья его вцѣпился въ волоса одного бурсака: — все это были факты такого рода, которые внушали уваженіе къ Карасю. Для него скоро бы прошло время, въ которое его считали новичкомъ и въ которое больше всего терпитъ бурсакъ; но онъ потерялъ способность резюмировать. Лобовъ отшибъ эту способность на время. Не будь Лобова, дѣло еще пошло бы кое-какъ. Но въ это-то время душевнаго отупѣнія предъ нимъ и развернулась широкая, бездонная, зіяющая пропасть бурсацкихъ ужасовъ, силу которыхъ онъ испыталъ на своей кожѣ, мясѣ и костяхъ. Карась находился теперь подъ полнымъ подавляющимъ вліяніемъ этой силы; мертвая безнадежность, глухое отчаяніе легли на его сердце; и если бы товарищи продолжали мучить его, а начальники драть безпощадно, не давъ отдохнуть для борьбы, онъ превратился бы или въ дурака, или подлеца. Вспоминая это страшное время, Карась говоритъ: „Многія честныя дѣти честныхъ отцовъ возвращаются домой подлецами; многія умныя дѣти умныхъ родителей возвращаются домой дураками. Плачутъ отцы и матери, отпуская сына въ бурсу, плачутъ и принимая его изъ бурсы“. Карась уединился отъ всѣхъ и замкнулся. Онъ всѣхъ боялся.

Но должно же было разрѣшиться чѣмъ-нибудь, это пассивное страданіе? Оно могло пока разрѣшиться только внутреннимъ путемъ. Въ душѣ его проявляется страшная злость и ненависть, однако боявшаяся обнаружить себя. Она горячитъ воображеніе Карася, и въ головѣ его возникаютъ странныя идеи и картины. Онъ переносится

въ область фантазіи, единственный уголокъ, гдѣ можетъ онъ пріютиться безопасно.

„Хоть поджегъ бы кто ненавистную бурсу!“ думаетъ онъ. Эта мысль очень нравится ему, и онъ быстро доходитъ почти до образныхъ созерцаній.

Карась представляетъ себѣ, какъ онъ, съ зажженной паклей въ рукахъ, опускается въ подвалы училища, строитъ тамъ огромные костры и, вышедши оттуда, ждетъ, скоро ли пламень своими огненными языками начнетъ лизать проклятыя бурсацкія гнѣзда. Злость его видитъ, какъ пожаръ охватилъ бурсу... трещатъ, нагибаются, падаютъ стѣны... разрушаются гнусные классы... горятъ противные книги и учебники, журналы и нотаты... гибнутъ въ огнѣ начальники и учителя, цензора и авдиторы... Съ галлюцинаціонною ясностью стоитъ передъ Карасемъ нарисованная имъ картина... Слышитъ онъ громъ и трескъ разрушающагося зданія, вопль умирающихъ... „Это кто стонетъ?“ спрашиваетъ Карась.—„А! это Лобовъ...“ Карась съ сладострастнымъ наслажденіемъ любуется своими образами и живетъ злорадной мыслью... Нервы его въ полугорячечномъ состояніи пульсъ бьетъ девяносто въ секунду; голова горитъ... Когда въ дѣйствительности силы связаны, тогда у мальчика съ сильнымъ воображеніемъ является въ неестественныхъ образахъ гиперболическая месть. Доводя злыя мечты до послѣдняго развитія, Карась повторяетъ одно и то же нѣсколько разъ, опредѣляя каждую подробность ихъ, каждую мелочь. Но такое психическое состояніе не можетъ продолжаться долго; душа утомляется, и начинаетъ незамѣтно пробиваться здравая мысль. Карась, погруженный въ свирѣпыя мечтанія, почему-то вдругъ вспоминаетъ, какъ онъ однажды подшибъ нечаянно камнемъ голубя и потомъ цѣлую ночь не могъ

заснуть отъ мученія совѣсти... Онъ ясно начинаетъ понимать всю ложь и безобразіе своихъ картинъ, гонитъ ихъ прочь, на душѣ дѣлается пусто и противно, остается одна тошнота отъ неумѣренныхъ и безплодныхъ мечтаній.

Яркій звонокъ возвѣстилъ часъ вечернихъ занятій.

Дѣйствительность, отъ которой онъ закрывалъ глаза и затыкалъ уши, врывалась насильно въ сознаніе, обнаруживая все ребячество его раздраженнаго воображенія. Онъ сидѣлъ въ классѣ, на задней партѣ, понуря тоскливо голову. Уличенный совѣстью, онъ теперь гналъ отъ себя мечты, и такимъ образомъ ни во внѣшнемъ, ни во внутренномъ мірѣ не осталось мѣста, куда бы можно было спрятаться, а между тѣмъ душа и тѣло просятъ дѣятельности. Въ этомъ мучительномъ состояніи Карась не знаетъ, что и дѣлать. Очень тяжело ему.

„Господи,—думаетъ онъ въ невыносимой тоскѣ:—хоть захворать бы мнѣ!“ Это было толчкомъ, отъ котораго развилась фантазія въ новомъ направленіи. Кромѣ внутренняго міра—нигдѣ не было пріюта. И вотъ Карась боленъ... Онъ при смерти... Родная семья плачетъ около его постели и прощается съ нимъ „до радостнаго утра...“ Карась говорится къ переходу въ вѣчность... послѣдній часъ... Но далѣе мечта сбивается съ пути, потому что умирать не хочется. Карасю является какой-то святой мужъ, исцѣляетъ его и велитъ идти спасаться въ пустыню... Рисуется ему пустынная, мирная, ангельская жизнь, трудные подвиги, церковныя пѣсни, бесѣды съ Богомъ... Изъ него выходитъ великій подвижникъ... къ нему стекаются жители окрестностей... Долгіе годы онъ постится, молится, изнуряетъ свою плоть, благодѣтельствуетъ людямъ... и онъ ужъ видитъ, какъ онъ приближается къ кончинѣ... какъ...

. . . . . .

— Карасище!..

Это былъ голосъ не съ того свѣта, а изъ бурсацкаго міра.

— Ты братъ Носатаго?

Карась видитъ передъ собою страшнаго Силыча и инстинктивно сокращаетъ свою шею...

„Боже мой, онъ опять пришелъ бить меня, „думаетъ Карась.

— Братъ тебѣ Носатый?—повторяетъ Силычъ.

— Братъ,—отвѣчаетъ Карась, не понимая, къ чему идетъ дѣло.

— И ладно, коли братъ... Теперь ты ничего не бойся... Я за тебя, потому что твой братъ мой первѣйшій другъ... Жалуйся мнѣ, кто будетъ обижать тебя... Слышишь?

— Слышу.—Но вспоминая коварнаго второкурсника, Карась недовѣрчиво смотрѣлъ на новаго покровителя.

— Тише!—закричалъ Силычъ звонкимъ голосомъ.

Больше ста человѣкъ приготовились слушать Силыча со вниманіемъ. Это показываетъ, какое онъ имѣлъ вліяніе въ классѣ.

— Встань!—сказалъ онъ Карасю.

Карась поднялся на ноги.

— Вотъ эту рыбу,—обратился онъ къ классу, показывая на Карася,—никто не смѣетъ обижать!.. Кости переломаю тому, кто тронетъ Карася...

Карасю стало легче на сердцѣ.

— А ты, Карась, жалуйся мнѣ... Скажи, кто тебя трогалъ?

— Не знаю.

Онъ дѣйствительно не зналъ, на кого указать...

— Не бойся; говори, кто тебя обижалъ?

— Никто не обижалъ...

— Быть не можетъ...

— Да всѣ обижали...

Это было вѣрнѣе.

— Кто твой авдиторъ?

— Рыжикъ.

— Хорошо. Я скажу ему, чтобъ онъ не смѣлъ тебя жучить (строго выслушивать урокъ).

— Спасибо, Силычъ...

— Будетъ просить булки, не давай...

— Ладно, Силычъ...

— Такъ слушайте же,—опять обратился Силычъ къ классу,—бѣда тому, кто даже пальцемъ тронетъ Карася!..

Но на этотъ разъ послышался отвѣтъ нѣкоего Паникадилы.

— Ну, не велика еще бѣда...

Силычъ посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышался голосъ. Онъ ничего не отвѣтилъ, а только сердито сжалъ кулакъ.

— Не бойся,—сказалъ онъ Карасю и сталъ гулять по классу.

Изъ міра фантазій Карась быстро и охотно перешелъ въ міръ дѣйствительности. Точно гора свалилась съ его плечъ... Оглядывая товарищей, онъ видѣлъ, что впечатлѣніе, произведенное Силычемъ, было очень велико... Легко, весело, вольно стало ему. Онъ началъ наблюдать жизнь занятныхъ часовъ и скоро увлекся ею.

Но онъ и не подозрѣвалъ, что сдѣлался теперь предметомъ раздора между Силычемъ и Паникадиломъ...

Что такое Силычъ?

Носатый,—братъ Карася, до поступленія въ училище, ходилъ въ частную школу, гдѣ и познакомился на понюшкѣ табаку съ сыномъ вдовы-дьячихи, Силычемъ. Впослѣдствіи они стали друзьями. Оба они поступили во

второй приходской классъ бурсы... Силычъ остался на второй курсъ—вотъ почему и встрѣчаемъ его, осьмнадцатилѣтняго парня, товарищемъ Карася и вмѣстѣ съ нимъ склоняющимъ: „перо, пера, перу“, долбящимъ „единъ Богъ“, изучающимъ „сумму“ и „разность“. Силычъ былъ средняго роста, некрасиво скроенъ, но крѣпко сшитъ и обладалъ замѣчательной силой... Онъ однажды пришелъ въ гости къ своему пріятелю, Носатому. Отправились на рѣку. Тамъ мужики ловили рыбу. Одинъ изъ рыбаковъ сматывалъ веревку съ ворота.—„Дядя,—говоритъ Силычъ,—давай я буду сматывать, а ты останови воротъ на палку“.—„Ты, кутья, должно быть, съ ума сошелъ“, отвѣчалъ мужикъ.—„Такъ верти же хорошенько“. Мужикъ завертѣлъ воротъ такъ, что палки его сливались для глаза въ одинъ сплошной кругъ, съ каждой минутой усиливая скорость оборотовъ; Силычъ подставилъ свою крѣпкую ладонь, толстая палка ворота влѣпилась въ нее—и воротъ остановился неподвижно. Мужикъ только подивился на него. При такихъ крѣпкихъ мышцахъ Силычъ обладалъ не меньшею и ловкостью. Приходитъ онъ еще разъ къ Носатому въ гости. Теперь они пошли гулять въ поле, но лишь только стали подходить къ забору, какъ услышали сзади себя голосъ мужика, который ругался зачѣмъ они траву мнутъ... Друзья полѣзли черезъ заборъ на кладбище: мужикъ за ними. Силычъ смѣло встрѣтилъ его.—„Что тебѣ надо?“ спросилъ онъ мужика. Тотъ оказался нѣсколько пьянымъ и, разгоряченный виномъ, хотѣлъ ударить Силыча. Его рука уже описала полукругъ въ воздухѣ, но въ то время, когда долженъ былъ совершиться ударъ, Силычъ быстро наклонился, всталъ передъ мужикомъ снова и, скрестивъ руки, сказалъ: „бей еще!“ И на этотъ разъ мужикъ не могъ поймать Силыча. Тогда только Силычъ произнесъ:

„съ трехъ разъ не попалъ! теперь держись за землю, а не то упадешь“, и съ этими словами сшибъ мужика съ могилы... И вотъ этакой-то господинъ, заодно съ Карасемъ, склонялъ: „перо, пера, перу“, долбилъ „единъ Богъ“ и т. п. Что же дѣлать? Его поздно отдали къ бурсу, а до нея онъ добывалъ для матери копейку, справляя службы за дьячковъ, читая по покойникамъ, занимаясь славленіемъ Христа, молебнами и обѣднями. Будучи ученикомъ, онъ въ семьѣ и среди знакомыхъ принимался, какъ взрослый человѣкъ. Силычъ былъ человѣкъ добрый. Онъ никогда не употреблялъ своихъ здоровыхъ кулаковъ на то, чтобы вынудить взятку или добиться отъ кого-нибудь низкой послуги. Если же онъ и давалъ кому затрещину, какъ, напримѣръ, Карасю, при первомъ съ нимъ знакомствѣ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ: въ бурсѣ затрещина—все одно, что въ лавкѣ мелкая монета. Но поступить подъ защиту такого господина значило обезпечить себя отъ всевозможныхъ обидъ съ чьей бы то ни было стороны... Силычъ былъ и не глупъ, и не его бѣда, что такъ поздно онъ началъ склонять: „перо, пера, перу“...

Что такое Паникадило?

Чтобы опредѣлить его, надо сказать напередъ, что такое о з у б к и. О з у б к а м и въ бурсѣ называются куски хлѣба, остающіеся отъ обѣда и ужина, и при томъ такіе куски, которые имѣютъ на себѣ слѣды чьихъ-либо зубовъ. Въ бурсѣ есть повѣрье, что съѣденный озубокъ сообщаетъ силу того, кому онъ принадлежитъ. Многіе постоянно ѣли чужіе озубки, чтобы сдѣлаться богатырями. Паникадило, великовозрастный ученикъ, ѣлъ ихъ уже нѣсколько лѣтъ. Онъ постоянно бахвалился своей силой, которая была дѣйствительно велика. Онъ со всѣми передрался въ классѣ, кромѣ Силыча. Силычъ

былъ для него бѣльмомъ на глазу, за то, что удержалъ въ своихъ рукахъ пальму кулачнаго первенства. Онъ и боялся Силыча, и не хотѣлъ вѣрить, чтобы тотъ смогъ дать ему трепку. Этотъ вопросъ давно мучилъ Паникадилу, и онъ рѣшилъ, что должно получить отвѣтъ сегодня...

Карась, между тѣмъ, совершенно успокоился. Онъ опять сошелся съ Жирбасомъ, который оказался круглымъ дуракомъ.—„Это не бѣда!“ подумалъ Карась и сталъ играть съ нимъ въ трубочисты.

— Въ которой рукѣ?—спрашивалъ онъ Жирбаса.

Въ это время подошелъ къ нему Паникадило, взялъ его за воротникъ сюртука, положилъ спиной на парту и сталъ загибать ему салазки...

— Оставь!—кричалъ Карась.

Паникадило гнулъ ему ступни за самыя плечи.

— Силычъ!—завопилъ Карась.

— Что?—откликнулся тотъ.

— Заступись!..

Явился Силычъ. Паникадило того и ждалъ. Онъ бросилъ Карася.

Начались предварительные переговоры.

— Ты зачѣмъ, сволочь, трогаешь его?

— А тебѣ что?

— Не слышалъ, что я говорилъ?

— На это ухо глухъ.

— Значитъ, вытряски захотѣлось?

— Ну-ка, тронь!

— А ты думаешь, не трону?..

Силычъ подвинулся къ Паникадилѣ.

— Задѣнь только, задѣнь!..

Паникадило подвинулся къ Силычу.

— Слышь, не лѣзь!

Силычъ толкнулъ Паникадилу плечомъ.

— Ты не толкайся!

Толчокъ былъ отданъ обратно.

Въ такой формѣ бурсаки, желающіе подраться, бросаютъ другъ другу перчатку.

Началось плюходѣйствіе.

Спеціалисты сразу же рѣшили: „намнутъ Паникадилѣ бока“, и дѣйствительно, не прошло пяти минутъ, какъ Силычъ сидѣлъ верхомъ на Паникадилѣ, мялъ его и спрашивалъ:

— Живота или смерти?

— Пусти!.. чортъ съ тобой!..

— Карася будешь трогать?

— Да ну тебя!

— То-то!

Потрясши Паниканиду за шиворотъ, Силычъ отпустилъ его съ миромъ.

Паникадило, отправляясь на свое мѣсто, думалъ про себя: „Чорта съ два: эти проклятые озубки ничего не значатъ. А впрочемъ, я, быть можетъ мало ѣлъ ихъ?“ И послѣ того онъ продолжалъ ѣсть озубки, и, быть можетъ, по настоящую минуту кушаетъ ихъ, но болѣе никогда не рѣшался схватываться съ Силычемъ...

Такимъ образомъ, куча плюхъ, смазей и салазокъ, тычковъ, швычковъ и плевковъ, зуботычинъ, заушеній и заглушеній пронеслась довольно благополучно надъ головой Карася.

И опять повторимъ:—не для всѣхъ проходятъ первые дни бурсацкой жизни такъ счастливо, какъ они счастливо миновались для Карася... Но ни для кого они не остаются безъ послѣдствій; не остались безъ нихъ и для Карася.

———

Первыя впечатлѣнія бурсы на Карася были таковы, что не помоги Силычъ, то онъ, какъ говоритъ самъ, превратился бы въ подлеца, либо въ дурака. Эти впечатлѣнія опредѣлили, главнымъ образомъ, весь дальнѣйшій характеръ его бурсацкой жизни.

По отношенію къ начальству онъ сдѣлался полнѣйшимъ, закаленнымъ, пропеченнымъ бурсакомъ... Главное начало товарищества, ненависть къ своему начальству, въ немъ укоренилось и развилось болѣе, нежели въ комъ другомъ. Онъ получилъ до-училищное воспитаніе довольно гуманное и честное; но бурса должна была положить на него свое клеймо. Лобовская порка сдѣлала то, что онъ, послѣ нея, никогда уже не могъ обращаться съ своимъ начальникомъ просто, спокойно и откровенно. Довѣренность къ начальству въ немъ была убита сразу и навсегда. Это главнымъ образомъ выразилось въ томъ, что онъ никогда не говорилъ естественнымъ голосомъ, а заунывнымъ и фальшивымъ, гробовымъ и нижнетоннымъ, всегда предъ начальствомъ ежился и потому не любилъ встрѣчаться съ нимъ. Онъ каждую минуту чувствовалъ себя точно провинившимся, хотя бы ни въ чемъ не былъ виноватъ. Это странное чувство, заставлявшее держать себя такъ, не было слѣдствіемъ страха, потому что, какъ увидимъ ниже, Карась не былъ очень трусливъ, часто рѣшался на дерзости и шутки, на которыя рѣшались немногіе. Дѣло вотъ въ чемъ: Карась положительно сознавалъ, что онъ ненавидитъ бурсу, ея воспитателей, ея законы, щи и кашу—и въ то же время долженъ покоряться начальству, улыбаться предъ нимъ, кланяться, а иногда и льстить даже. Держать себя прямо, высказываться безъ обиняковъ было нельзя, потому что запорютъ, и вотъ Карась навсегда сбычился предъ начальствомъ. Тутъ дѣйствовалъ не страхъ, а совѣстливость.

Когда сколько-нибудь честному человѣку, уважающему свою личность, приходится гнуть спину, гнуть невольно, насильно, неизбѣжно, подъ страхомъ всевозможнаго заушенія, тогда онъ будетъ гнуть ее, какъ человѣкъ, котораго мучитъ совѣсть. Въ Карасѣ такъ и устроилось: либо онъ дерзокъ съ начальникомъ, либо смотритъ какимъ-то чудакомъ. Многіе педагоги, вѣроятно, чутьемъ чуютъ, что они не хорошіе педагоги, когда преслѣдуютъ такихъ учениковъ, какъ Карась, когда они строго говорятъ ученику: „смотри прямо мнѣ въ глаза, имѣй лицо веселое и спокойное, отвѣчай урокъ твердо и четко!“—„Кто не можетъ смотрѣть прямо въ глаза начальнику,—утверждаютъ такіе педагоги,—у того совѣсть не чиста“.—Спорить нельзя, что это вѣрно. Какъ же, ученикъ сознаетъ вѣдь, что онъ не терпитъ своего учителя, и, несмотря на это, долженъ улыбаться передъ нимъ.: на душѣ становится скверно, и улыбка выходитъ странная. Разумѣется, Карась и самъ не понималъ, отчего онъ и говоритъ, и улыбается, и кланяется при встрѣчѣ съ начальникомъ не по-людски; онъ не развился еще до анализа и не могъ опредѣлить, что тутъ дѣйствовала именно совѣсть; онъ это только инстиктивно слышалъ въ себѣ и уже гораздо позже сознательно разобралъ источникъ своихъ отношеній къ властямъ. Впрочемъ, изъ всего этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы потупленность ученика предъ учителемъ всегда была слѣдствіемъ затаенной ненависти перваго къ послѣднему: она можетъ происходить отъ простой застѣнчивости. Но мы говоримъ только о Карасѣ. Такая замаскированная ненависть Карася изрѣдка разрѣшалась откровенно съ его стороны дерзостью, а безъ покрововъ сказывалась очень сильно за спиной начальства.

Но и въ этотъ періодъ своего развитія, когда харак-

теръ его еще не успѣлъ сложиться, Карась сталъ нѣсколько оригинально къ своимъ властямъ, сравнительно съ другими бурсаками, протестовавшими противъ начальства. Карась занялъ почти исключительное положеніе въ бурсѣ. По крайней мѣрѣ половины вредныхъ условій, имѣющихъ злое вліяніе на бурсака, для него не существовало. Его человѣческое достоинство было защищено простой, грубой, мышечной силой перваго богатыря класса, и эта грубая сила спасла его. Ему не пришлось предъ товарищами кланяться, льстить, говорить второклассникамъ на ночь сказки, давать имъ деньги и булки, искать въ ихъ головахъ тварей разнаго рода, чесать пятки, бѣгать за водой и т. п. Въ продолженіе бурсацкой жизни онъ только три раза далъ взятку, и то подошли особые случаи. Онъ, подъ покровительствомъ Силыча, еще будучи новичкомъ, скоро пріобрѣлъ всѣ выгоды и льготы второкурсника. Четырехъ лѣтъ, пока не исключили Силыча, достаточно было, чтобы привыкнуть Карасю держать себя независимо; онъ знать не хотѣлъ ни авдиторовъ, ни цензоровъ, ни старшихъ. Но при такомъ положеніи онъ не воспользовался кулаками Силыча, чтобы угнетать другихъ: его самого чуть не оглушили навѣки, онъ этого никогда не забывалъ и съ тѣхъ поръ относился къ властямъ изъ товарищей и къ физической бурсацкой силѣ отрицательно; при томъ Силычъ и самъ не любилъ взятокъ и утѣсненій, потому не сталъ бы помогать въ томъ и Карасю. Карась въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ его помощи; большею частію при нуждѣ онъ самъ дрался, и если бывалъ при этомъ поколоченъ, то обыкновенно либо ругался, либо пускалъ въ противника камнемъ, книгой, линейкой; если же, при схваткѣ съ болѣе сильнымъ врагомъ, не случалось подъ рукой оружія, то онъ употреблялъ въ дѣло

зубы, когти и ноги, то-есть кусался, царапался и лягался, нерѣдко Карась былъ битъ, бивалъ и другихъ, но все это было въ порядкѣ бурсацкихъ вещей—и только. Поэтому-то покровительство Силыча, при такомъ направленіи его, не навлекло на Карася непріязни товарищей. Многіе даже любили его. Испытавъ на себѣ горькую участь беззащитнаго человѣка въ бурсѣ, онъ нерѣдко употреблялъ кулаки Силыча, иногда же свои зубы, когти и ноги въ пользу угнетенныхъ. Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ училищной жизни онъ постоянно былъ авдиторомъ, часто терпѣлъ наказанія за преувеличеніе балловъ и только разъ увлекся взяткой. Постоянный его протестъ въ защиту заколоченныхъ личностей выразился въ томъ обстоятельствѣ, что онъ особенно любилъ дураковъ. Такъ, безъ него совершенно погибъ бы Петры Тетеры, упоминаемый нами въ прошломъ очеркѣ. Тетеры, обладавшій воловьею силою, по характеру былъ чистѣйшій теленокъ. Всѣ его колотили, плевали на него, обижали его. Карась въ продолженіе полугода защищалъ его и успѣлъ-таки поставить Тетеры на ноги даже до того, что самъ однажды получилъ отъ него трепку. Карась, не будучи самъ дуракомъ, любилъ глупцовъ, проводилъ съ ними цѣлые часы, бесѣдовалъ съ ними, игралъ, дѣлился добромъ своимъ, помогалъ имъ. Въ этомъ, повидимому, странномъ явленіи выразился-таки своего рода протестъ противъ нѣкоторыхъ сторонъ бурсацкой жизни. Карась былъ привязанъ къ своему родному дому, но большинство умныхъ бурсаковъ, къ которымъ онъ обратился бы со своими интимностями, непремѣнно сдѣлали бы ему смазь, потому что интимности на языкѣ бурсаковъ носятъ названіе телячьихъ нѣжностей. Ни съ кѣмъ такъ не былъ откровененъ Карась, какъ съ

дураками; только съ ними говорилъ о родномъ домѣ, вспоминалъ домашнюю жизнь, дѣлилъ семейныя тайны: только съ ними былъ задушевенъ не по-бурсацки, а по человѣчески. Карась, по чувству ложнаго стыда и боязни насмѣшекъ, не только скрывалъ внутреннюю, саму дорогую для него жизнь, но даже напускалъ на себ цинизмъ и самъ смѣялся надъ телячьими нѣжностями, такъ что это разнорѣчіе между внѣшнимъ выраженіемъ и внутреннимъ содержаніемъ составило почти вторую натуру Карася. Но душа требовала отзыва, и Карась окружилъ себя особаго рода дураками, Этотъ родъ дураковъ честныхъ, добрыхъ, милыхъ, задушевныхъ. Благодаря Бога, такихъ дураковъ не мало на бѣломъ свѣтѣ. Только въ семинаріи Карась вступилъ въ дружбу съ умными людьми. Но неужели, спросятъ, въ бурсѣ Карась не нашелъ ни одного человѣка умнаго, съ которымъ могъ бы поговорить по душѣ? Какъ не найти, но на первыхъ порахъ онъ не сошелся съ ними, а потомъ такъ и пошло на долгое время.

Но всего оригинальнѣе относился Карась къ бурсацкой наукѣ. Поступивъ въ училище, Карась зналъ болѣе половины того, что требовала программа его класса. Учиться ему было легко. Надъ чѣмъ товарищи просиживали по цѣлому занятію, онъ приготовлялъ въ полчаса. Но это самое и повредило впослѣдствіи его бурсацкой карьерѣ. У него было очень много свободнаго времени, и Карась, учась такимъ образомъ два года, привыкъ гулять и ничего не дѣлать. Когда перешелъ онъ въ слѣдующій классъ, отъ него потребовались болѣе усиленныя занятія, и при томъ занятія бурсацкія, требующія особыхъ туземно-спеціальныхъ способностей, которыя и развили въ себѣ товарищи въ продолженіе двухъ лѣтъ, пущенныхъ Карасемъ на вѣтеръ: Карасю хотѣлось и

тогда гулять по-старому. Долбежники скоро обогнали его, онъ спускался все ниже и ниже, и дѣло дошло до того, что нотата была осквернена карасинымъ нулемъ. Стали его сѣчь. „Что же,—думалъ Карась:—посѣчете, да и бросите: самимъ надоѣстъ!“ Онъ неудержимо стремился въ Камчатку и, несмотря на розги, достигъ своей цѣли. Здѣсь лѣнь его развилась до послѣднихъ предѣловъ. Въ первый годъ онъ, по крайней мѣрѣ, носилъ въ классъ книги, но на другой бросилъ и этотъ, по его мнѣнію, дурной обычай. Въ сундукѣ его безобразно были перемѣшаны между собою клочья порванныхъ вдоль и поперекъ разныхъ грамматикъ, ариѳметикъ и хрестоматій; писчая бумага шла на безпутное маранье, перья на свистульки и пушки, заряжаемыя картофелемъ, рѣпою и жеванною бумагою, ножъ перочинный—для порчи столовъ и строганья палокъ. Вначалѣ Карась приходилъ къ своему авдитору каждое утро, чтобы сообщить ему свой ученый нуль, но потомъ для сокращенія занятій, онъ объявлялъ ему нуль на цѣлую недѣлю; но, наконецъ, ему надоѣло и это,—онъ однажды сказалъ авдитору: „навѣки мнѣ нуль!“ Изрѣдка являлось въ немъ какое-то темное сознаніе необходимости учиться, онъ брался за книжку, но книжка валилась изъ рукъ. Въ одно время двоюродный братъ Карася, кончившій курсъ семинаристъ, сталъ требовать къ себѣ нотату и слѣдить за его ученіемъ; но Карась нашелся и тутъ: онъ сдѣлалъ другую нотату, свою, и этотъ документъ, съ отличными отмѣтками противъ своей фамиліи, отсылалъ къ брату, за что и получалъ отъ него гостинцы. Сначала онъ лѣнился собственно потому, что было ему пріятно лѣниться, но послѣ дошло до того, что его „навѣки нуль“ было возведено въ сознательный принципъ. Учитель Красновъ, обративъ на него вни-

маніе, заставилъ его сидѣть надъ книгой и въ неучебное время, въ своей квартирѣ: противъ системы Краснова не устоялъ Карась и сталъ зубрить учебники, но когда его насильно заставили занять второе мѣсто въ спискѣ, тогда-то и созрѣлъ окончательно его бурсацкій „навѣки нуль“! Онъ возненавидѣлъ вколоченную науку, и она помѣстилась въ его головѣ, какъ непрошенный гость, значитъ въ сущности дѣла, онъ продолжалъ отрицать ее,—разница въ томъ, онъ не понималъ, что такое отрицалъ, а теперь, выучивъ урокъ, зналъ, что вотъ именно этотъ урокъ, эти слова ему не нужны. Тогда онъ сталъ слѣдить и изучать каждый урокъ, какъ злѣйшаго своего врага, который безъ его воли владѣлъ его мозгами и постепенно, съ каждымъ днемъ, открывалъ въ иныхъ учебникахъ множество чепухи и безобразія; это развивало въ немъ анализъ и критицизмъ, и впослѣдствіи, отвѣчая бойко урокъ, онъ въ то же время думалъ про себя: „какую я дичь несу“.

Вотъ вамъ болѣе или менѣе подробная характеристика того, что создала изъ Карася бурса. Отношенія его къ начальству выразились во всегдашней потупленности, которая была признакомъ совѣстливости, рождавшейся отъ сознанія своей непріязни къ нему; отношенія къ наукѣ оказались вѣчнымъ нулемъ; среди товарищей, исключая послѣднихъ трехъ семинарскихъ лѣтъ, онъ не нашелъ отзыва той сторонѣ жизни, которая была всегда дороже для него, составляла главный мотивъ всего его бурсацкаго существа, т. е. отзыва своей привязанности къ дому, и одни лишь дураки были его задушевными пріятелями.

Этотъ-то мотивъ и былъ главнымъ двигателемъ тѣхъ похожденій и дѣйствій Карася, которыя мы хотимъ изложить далѣе и которыя случились на четвертомъ году его пребыванія въ бурсѣ.

Воздухъ первоуѣзднаго класса наполняется странными напѣвами и голосами.

— Братіе, не дерите платія, а берите нитки и зашивайте дырки,—читаетъ кто-то на манеръ чтенія „апостола“.

— Не мѣшай,—говорятъ ему сосѣди.

— Замолчишь ли ты, сволочь?

— Печали и болѣзни вонъ полѣзли.

— Слушай, скотина, перестань!..

— Братцы, ударьте его хорошенько!

Вдругъ чтецъ замычалъ:—ему сдѣлали очень невкусную смазь. Въ классѣ сегодня обиходъ церковнаго пѣнія, и чтецъ былъ наказанъ за то, что мѣшалъ другимъ пѣть.

— Я,—говоритъ Лапша Голопузу (оба отличные знатоки обихода),—шарахну по нотамъ.

— А я,—отвѣчалъ тотъ,—дерганy по тексту.

— Валяй!

— Лупи!

— Ми-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре, — запѣваетъ Лапша.

— Все-еміі-рну-ую, — аккомпанируетъ Голопузъ каждымъ слогомъ въ каждую ноту Лапши.

Шарахнуть по нотамъ, когда другой пѣвецъ въ то же время дерганетъ по тексту, и при этомъ не сбиться—составляло вѣнецъ церковно-обиходнаго пѣнія.

Къ пѣвцамъ подходитъ четырнадцатилѣтній. Карась. Лицо его озабочено; онъ, по всему видно, ожидаетъ учителя съ тоской и страхомъ.

— Братцы,—началъ онъ.

— Поди прочь, не мѣшай,—отвѣтилъ Голопузъ.

Но Лапша былъ добрѣе.

— Чего тебѣ?—спросилъ онъ.

— Не знаю, какъ „Господи воззвахъ“ на седьмой гласъ! Покажи, Лапша.

— Слушай!—и Лапша запѣлъ...

Въ обиходѣ церковнаго пѣнія употребляется 8 гласовъ, или напѣвовъ, на текстъ „Господи воззвахъ“; слова одни и тѣ же, а напѣвы разные. Это сильно затрудняло бурсаковъ. Аборигены еще бурсы и придумали разныя присловія, по образцу которыхъ не трудно было припомнить, какъ поется тотъ или другой гласъ. Но Карась не былъ одаренъ музыкальнымъ ухомъ, за что давнымъ-давно его выгнали изъ семинарскаго хора. Черезъ нѣсколько минутъ онъ перепуталъ напѣвы... Посмотрѣлъ Карась на Лапшу и Голопуза, думая, не пойти ли опять къ нимъ, но, махнувъ рукою, оставилъ это намѣреніе. „Все равно, не пойду“, заключилъ онъ и печально опустилъ на ладони голову.

Горекъ пришелся ему обиходъ церковнаго пѣнія.

Учителемъ обихода поступилъ нѣкто Всеволодъ Васильичъ Разумниковъ. Онъ одинъ преподавалъ обиходъ въ нѣсколькихъ классахъ. Разумниковъ обладалъ хорошимъ баритономъ, отлично зналъ ноты и порядочно игралъ на скрипкѣ.

О Разумниковѣ мы должны сказать нѣсколько словъ, потому что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ педагоговъ бурсы. Мы упоминали о немъ въ первомъ очеркѣ, какъ о честномъ экономѣ училища. Онъ учредилъ должность комиссара, выбраннаго изъ старшихъ учениковъ, обязанностью котораго было наблюдать за количествомъ пищи. Прежде служители, въ завѣдываніи которыхъ находились жизненные продукты, имѣя каждый по нѣскольку родственниковъ, содержали ихъ на счетъ бурсацкаго питанія; но лишь только комиссаръ вступилъ въ свои права, онъ тотчасъ уличилъ повара въ кражѣ

тридцати фунтовъ мяса и двухъ мѣшковъ гречневой крупы, за что поваръ былъ изгнанъ изъ училища. По крайней мѣрѣ третья часть продуктовъ, прежде похищаемая служителями, была возвращена ученикамъ.

Кромѣ того, Разумниковъ никогда не наказывалъ лишеніемъ обѣда и ужина, какъ будто боялся подозрѣнія, что онъ, изъ экономическихъ [1]) расчетовъ заставляетъ голодать провинившихся. Онъ всегда стоялъ противъ педагогическаго изреченія: satur ventre non studet libenter. Ученики за это любили его.

Онъ кромѣ того, преподавалъ „Законъ Божій“ и „Священную исторію“. И здѣсь онъ пошелъ далѣе своихъ сотрудниковъ. Онъ запретилъ носить въ классъ учебники и отвѣчать по нимъ. Разсказавъ ясно и толково урокъ, онъ тутъ же въ классѣ заставлялъ повторять его со своихъ словъ. Когда ученикъ не могъ отвѣтить, онъ заставлялъ другого растолковывать незнающему; если и этотъ оказывался плохъ, онъ поднималъ третьяго, четвертаго и т. д. Урокъ учился сразу всѣми учениками и оживлялся спорами. Но и послѣ этого многіе плоховато знали урокъ, особенно слабые, а Разумниковъ хотѣлъ, чтобы у него всѣ безъ исключенія учились хо-

---

[1]) Провинившихся въ училищахъ иногда бывало до ста человѣкъ сразу. Лишить такое количество, пятую часть всѣхъ учениковъ, обѣда либо ужина, очевидно было выгодно въ экономическомъ отношеніи. Почти всѣ экономы брали это во вниманіе и старались распространить наказаніе голодомъ. И дѣйствительно, наказаніе голодомъ было не маловажнымъ источникомъ такъ называемыхъ остаточныхъ суммъ. Скоро ли педагоги убѣдятся, что голодный ученикъ такъ же дикъ и негоденъ для науки, какъ и объѣвшійся, — не знаемъ. Только навѣрно можемъ сказать, что эту простую истину позже всѣхъ поймутъ экономы учебныхъ заведеній.

рошо. Для достиженія такой цѣли онъ постановилъ: „авдиторы отвѣчаютъ за незнаніе своихъ подъавдиторныхъ“. Авдиторы выбирались изъ лучшихъ учениковъ, успѣвали хорошо выслушать урокъ во-время, и потому они были обязаны учить своихъ подъавдиторныхъ въ приготовительные занятные часы. Для устраненія случаевъ, когда ученикъ, по интригѣ съ авдиторомъ, явился бы въ классъ съ нулемъ, ссылаясь на то, что авдиторъ не хотѣлъ ему помочь, требовалось на то подтвержденіе со стороны товарищества, иначе незнающій подвергался сугубому наказанію, а авдиторъ былъ правъ. Такіе пріемы для бурсы были слишкомъ прогрессивны. Лѣнтяи были уничтожаемы Разумниковымъ. Но главное достоинство его нововведеній состояло въ томъ, что съ нимъ сама собою падала власть авдиторовъ и второкурсныхъ: они изъ притѣснителей должны были превратиться въ помощниковъ своихъ подчиненныхъ, изъ начальниковъ въ братьевъ. Такимъ образомъ Разумниковъ положилъ начало къ уничтоженію власти товарища надъ товарищемъ. Онъ не уничтожилъ наказаній, и даже былъ очень строгъ, но все таки явленіе такого учителя въ бурсѣ было рѣдкостью въ описываемое нами время.

Одно лишь лежитъ на совѣсти Разумникова — это обиходъ. Положимъ, что косноязычныхъ и безголосыхъ онъ оставилъ въ покоѣ, но держался вреднаго убѣжденія, что всякій, имѣющій какой-нибудь голосъ, при стараніи непремѣнно постигнетъ нотное искусство. Горше всѣхъ пришлось отъ него Карасю, тѣмъ болѣе, что у Разумникова была система наказанія особаго рода: онъ наблюдалъ, на кого какое наказаніе дѣйствуетъ сильнѣе. Онъ понялъ, что для Карася всего хуже неувольненіе въ родительскій домъ. Несмотря на то, что Карась доказы-

валъ учителю свою бездарность изгнаніемъ его изъ пѣвческаго хора, онъ ничего и слушать не хотѣлъ.

Вошелъ учитель обихода въ классъ и, вмѣстѣ съ учениками, пропѣлъ звучнымъ голосомъ «Царю небесный", послѣ чего прямо обратился къ Карасю.

— Пропой на седьмой глассъ...

Уши рѣжетъ Карась.

Учитель говоритъ Лапшѣ:

— Покажи ему.

Лапша заливается.

— Повтори,—говоритъ Карасю.

Уши рѣжетъ Карась.

— И нынѣшній праздникъ не ходи въ городъ.

— Всеволодъ Васильичъ, я уже три недѣли не былъ дома...

— И четвертую не ходи...

— Простите...

— А я вотъ что тебѣ скажу,—отвѣчалъ твердымъ безапелляціоннымъ голосомъ учитель,—если ты не выучишься нѣть, я тебя на всю Пасху не отпущу...

Учитель отошелъ отъ него.

Карась поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. Несчастный Карась! Замѣчательно широкая глотка, которою онъ былъ награжденъ отъ природы, была вѣчнымъ источникомъ его несчастій. Еще дома ему досталось, когда онъ закричалъ на поповну, дразнившую его, такъ яростно, что его голосъ былъ слышенъ за рѣкой. Въ бурсѣ его нарекли Карасемъ въ тотъ моментъ, когда онъ, по приказу регента, пустилъ нотку, которая надорвала животы слушателямъ. Впослѣдствіи, въ семинаріи, голосъ его развился до необъятнаго горлобасія, его выбрали опять въ хоръ, и регентъ, по прозванію Капелла (онъ же Редакція, Конструкція и Мелочная ла-

вочка), употреблялъ его, какъ стѣнобитную машину, какъ хоровой таранъ: подойдетъ крѣпкая нота, мигнетъ регентъ—и рявкнетъ Карась, а при тихихъ нотахъ ему велятъ молчать,—это оскорбляло Карася. Однажды Карась упражнялъ свой голосъ въ комнатѣ по сосѣдству съ семинарскимъ экономомъ; онъ едва не оглушилъ его громовыми нотами, за что экономъ, схвативъ Карася за шиворотъ, потащилъ его къ ректору и только по добротѣ своей помиловалъ его. Инспекторъ ненавидѣлъ его, говоря, что человѣкъ, обладающій рыканіемъ льва, долженъ имѣть характеръ звѣрскій: должно быть, судилъ по себѣ, ибо, обладая семипушечнымъ басомъ, несравненно сильнѣйшимъ карасинаго, по натурѣ былъ настоящій звѣрь, за что и получилъ прозвище не рыбье, какъ Карася, а звѣриное, ибо имя его Медвѣдь. Даже по окончаніи курса Карась, хватившій однажды чарочку, другую и вышедши на улицу, пустилъ такую руладу, что городовой долженъ былъ внушить ему, что подобныя рулады суть не что иное, какъ нарушеніе общественной тишины и порядка. Одно изъ сильныхъ несчастій, причиной которыхъ былъ голосъ, посѣтило его теперь. „Съ такимъ альтомъ, — думалъ Разумниковъ,—невозможно не научиться пѣть“. Неувольненіе на Пасху для Карася было глубокимъ несчастьемъ, которое подвигло его на многія скандальныя похожденія...

Онъ отъ словъ Разумникова тихо плакалъ.

Кому горе, а кому радость. День поступленія Разумникова въ училище былъ днемъ торжества и счастья нѣкоего Лапши... Лапша былъ чудакъ, парень нальной и благой. Широко-ехидное, сѣраго цвѣта лицо, туловище, почти вросшая въ плечи, выдавшаяся впередъ неестественно грудь и остальная часть туловища, помѣщенная на короткихъ ногахъ,—дѣлали фигуру его въ высшей

степени странною, попеременно то жалкою, то уморительною. Лицо его освѣщалось какимъ-то неразгаданнымъ постоянно мѣняющимся, внутреннимъ свѣтомъ: оно серьезно, даже угрюмо; Лапша безъ всякой причины покраснѣетъ, а потомъ раскатится смѣхомъ, и все это совершается въ немъ быстро и неуловимо. Онъ при всемъ этомъ не былъ дуракомъ. Въ лицѣ его вы видите образчикъ бурсацкой застѣнчивости, которая особенно развилась отъ его несчастнаго безобразія. Не будь этой застѣнчивости, онъ, быть можетъ, и не сидѣлъ бы въ Камчаткѣ... Таковъ былъ Лапша. Но онъ дѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, когда пѣлъ что-нибудь: значитъ талантъ. Голосокъ онъ имѣлъ довольно пріятный и владѣлъ тонко развитымъ слухомъ. Всегдашней, самой задушевной мечтой его было имѣть свою скрипку и выучиться играть на ней, но мечта такъ и осталась мечтой: теперь онъ гдѣ-то пастухомъ монастырскихъ коровъ и, говорятъ, отлично играетъ на рожкѣ...

Подходитъ къ Лапшѣ Карась.

— Что тебѣ?—говоритъ Лапша, ежась, двигая плечами и выпячивая свое странное лицо.

— Поучи меня обиходу.

Лапшу медомъ не корми, а только дай въ руки обиходъ.

Отправились они въ Камчатку и затянули „утъ, ре, ми, фа“ и т. д.

— Не такъ: надо тономъ выше!

Карась усиливается тономъ выше.

— Черезчуръ высоко, теперь ниже надо.

Карась на новый манеръ.

Долго они упражнялись въ церковногласіи. Вспотѣли оба.

Но вотъ Лапша съежился, перегнулся, вытянулся,

сдѣлалъ сначала тоскливую рожу, а потомъ вдругъ поднесъ къ носу Карася кукишъ...

— Это что?

— Кукишъ!

Лапша послѣ этого захохоталъ.

— Да что съ тобой?

— Не буду учить...

— Голубчикъ!.. Лапша...

— Не поймешь ничего...

Лапша убѣжалъ.

Остервенѣніе напало на Карася. Онъ грызъ свои ногти и, мигая глазами, усиливался удержать злую, соленую слезу, которая ползла на щеку.

— Когда такъ, къ чорту все!

Онъ ударилъ объ полъ обиходомъ...

— Проклятое училище!—проговорилъ онъ.

Карась началъ вести себя неприлично. Если бы не проклятое наказаніе, Карась, отъ среды до воскресенья, провелъ бы время, мирно почивая на лаврахъ, но теперь онъ былъ раздраженъ, и жизнь его пошла ломаннымъ путемъ.

Подходитъ къ нему одинъ изъ его любимыхъ дураковъ, бѣдная Катька.

— Нѣтъ ли у тебя хлѣбца?

— Этого не хочешь ли?

Карась предлагаетъ голодному Катькѣ туго натянутую фигу.

Катька отходитъ отъ него печально.

Карась идетъ развлечься на училищный дворъ.

— Карасики, пучеглазики!—говоритъ ему Тальянецъ, второкурсный мужланъ старшаго класса, ученикъ съ выворочеными ногами.

— Кривы ножки, кочережки!—отвѣчаетъ Карась.

Тальянецъ начинаетъ его преслѣдовать.

— На кривыхъ ногахъ пять верстъ дальше!—отвѣчаетъ Карась, пускаетъ въ него комомъ грязи и удаляется опять въ классъ.

Подходитъ къ нему другой дуракъ, Зябуня.

— Карасикъ,—говоритъ онъ ласково.

— Ты что, животное безмозглое?

— Карасикъ...

— Поди прочь, пустая башка!

Пустая башка тоже отходитъ отъ него печально...

Карась сталъ несговорчивъ и несправедливъ. Онъ чувствуетъ это, и его начинаетъ мучить совѣсть.

— Чортъ знаетъ, какая тоска...—объясняетъ онъ приступы совѣсти.

Идетъ Карась ко второуѣздному классу, берется за ручку двери и начинаетъ стучать ею: ученики низшихъ классовъ, не имѣвшіе права входить въ высшій, такъ вызывали второуѣздныхъ. Выходитъ ученикъ.

— Кого тебѣ?

— Тавлю.

— Сейчасъ.

Вышелъ Тавля.

— Что тебѣ?

— Дай въ долгъ.

— Сколько?

— Пять копеекъ.

— Въ воскресенье семь.

— Нѣтъ ужъ, послѣ воскресенья, въ другое. Я не уволенъ, откуда жъ мнѣ взять?

— Тогда десять.

Карась задумался на минуту.

— Давай,—сказалъ онъ, махнувъ рукою.

Тавля отсчиталъ ему пять копеекъ.

Карась отправился въ сбитенную, съѣлъ тамъ на три копейки сухарей, а на двѣ выпилъ сбитню. И угощеніе не успокоило его. Оно напомнило ему только домашній чай и кофе. Затосковалъ Карась.

— Боже мой,—проговорилъ онъ,—неужели не отпустятъ меня на Пасху? Пойду, попрошу еще Лапшу: не поучитъ ли? А нѣтъ! чортъ съ ними!.. не выучиться мнѣ!..

Послѣ того Карась изъ пустяковъ какихъ-то полѣзъ въ драку, и хотя пустилъ въ дѣло зубы, и когти и ноги, какъ обыкновенно, однако его все-таки поколотили . . . . . .

. . . . . .

Для Карася не было наказанія тяжелѣе, какъ неотпускъ домой. И вотъ еще порядочный бурсацкій учитель. Разумниковъ, не понималъ же, что такое наказаніе гнусно, незаконно и вредно. Не понимаютъ педагоги и понимать не хотятъ, что они, когда запрещаютъ человѣку, въ видѣ наказанія, переступать порогъ отцовскаго дома, то этимъ самымъ вгоняютъ его въ скуку, тоску и апатію, подвигаютъ на скандалы разнаго рода, поселяютъ къ уроку или нравственному правилу, за которое штрафуютъ и шельмуютъ, полное отвращеніе, лицемѣрное исполненіе и страсть къ запрещенному поступку. Неужели такіе плоды въ видахъ здравой педагогики? Кромѣ того, чѣмъ виноваты отецъ и мать, когда они во время праздника, по приговору педагоговъ, не видятъ въ своей семьѣ сына, часто любимаго, часто единственнаго сына? за что братья и сестры лишаются свиданія съ братомъ? за что ихъ-то наказываютъ педагоги? Воскресный день во многихъ семействахъ одинъ только и есть свободный день въ недѣлѣ— къ чему же онъ туманится печалью по сынѣ или братѣ?

Портить чужой праздникъ никто не имѣетъ права, это дѣло нечестное, дѣло несправедливое. И неужели отецъ и мать, если они любятъ своего сына, меньше могутъ имѣть на него вліяніе, нежели черствый педагогъ. Многіе педагоги скажутъ на это: „да“. Былъ же, напримѣръ, болванъ, котораго мы назвали Медвѣдемъ, семинарскій инспекторъ, который привязанность къ родному дому ставилъ ученику въ преступленіе на томъ основаніи, что желающій быть дома не желаетъ быть въ школѣ, значитъ, ненавидитъ науку и нравственность, проводимыя въ ней. Диво, что такіе педагоги не наказывали дѣтей за любовь къ родителямъ.

Но такихъ педагоговъ скорѣе прошибешь коломъ, нежели добрымъ словомъ. Богъ съ ними! Лучше посмотримъ, что сталось съ Карасемъ, когда онъ страдалъ отъ мысли, что его не отпустятъ домой на цѣлую Пасху . . . . . .

Учителемъ ариѳметики того класса, гдѣ былъ Карась, былъ нѣкто Павелъ Алексѣевичъ Ливановъ; собственно говоря, не одинъ Ливановъ, а два, или, если угодно, одинъ, но въ двухъ видахъ—Ливановъ пьяный и Ливановъ трезвый.

Третья п е р е м ѣ н а, которая была послѣ обѣда, назначалась для ариѳметики... Стоятъ при входѣ въ классъ к а р а у л ь н ы е, ожидающіе Ливанова. Ливановъ входитъ въ ворота училища...

— Каковъ?—спрашиваетъ одинъ караульный.

— Руками махаетъ, значитъ, того...

— Это еще ничего не значитъ...

— Да ты не видишь, что онъ у привратника проситъ понюхать табаку...

Караульные бѣгутъ въ классъ и съ восторгомъ возвѣщаютъ:

— Братцы, Ливановъ въ пьяномъ естествѣ!..

Классъ оживляется, книги прячутся въ парты. Хохотъ и шумъ. Одинъ изъ великовозрастныхъ, Пушка, надѣваетъ на себя шубу, овчиной вверхъ... Онъ становится у дверей, чрезъ которыя долженъ проходить Ливановъ. На него бросается Пушка.

— Господи, твоя воля!—говоритъ Ливановъ, отступая назадъ и крестясь...

Пушка кубаремъ катится подъ парту.

— Мы разберемъ это,—говоритъ Ливановъ и идетъ къ столику.

— Господи,—начинаетъ Ливановъ нетвердымъ голосомъ...

— Мы не господа, вовсе не господа,—кричатъ ему въ отвѣтъ.

Ливановъ, подумавъ нѣсколько времени и собравшись съ мыслями, начинаетъ иначе:

— Братцы...

— Мы не братцы!

Ливановъ приходитъ въ удивленіе...

— Что?—спрашиваетъ онъ строго.

— Мы не господа и не братцы...

— Такъ... это такъ... Я подумаю...

— Скорѣе думайте...

— Ученики,—говоритъ Ливановъ.

— Мы не ученики...

— Что? какъ не ученики? кто же вы? а! знаю, кто.

— Кто, Павелъ Алексѣичъ, кто?

— Кто? а вотъ кто вы—свинтусы!..

Эта сцена сопровождается постояннымъ смѣхомъ бурсаковъ. Ливановъ начинаетъ хмелѣть все больше и больше...

— Милыя дѣти,—начинаетъ Ливановъ.

— Ха, ха, ха!—раздается въ классѣ.

— Милыя дѣти,—продолжаетъ Ливановъ,—я... я женюсь... да... у меня есть невѣста...

— Кто, кто такая?..

— Ахъ вы, поросята!.. Ишь чего захотѣли: скажи имъ, кто? Эва, не хотите ли чего?

Ливановъ показываетъ имъ фигу.

— Самъ съѣшь!

— Нѣтъ, вы съѣшьте!—отвѣчаетъ онъ сердито.

На нѣсколькихъ партахъ показали ему довольно ядреныя фиги. Увлекшись ихъ примѣромъ, одинъ за другимъ, ученики показывали фиги. Болѣе ста бурсацкихъ фигъ было направлено на него...

— Черти!.. цыцъ... руки по швамъ! слушаться начальства!..

— Ребята, носъ ему,—скомандовалъ Бродяга и, подставивъ къ своему носу большой палецъ одной руки, зацѣпивъ за мизинецъ этой руки большой палецъ другой, онъ показалъ эту штуку своему учителю... Примѣру Бродяги послѣдовали его товарищи.

Учителя это сначала поразило, потомъ привело въ раздумье, и, наконецъ, онъ печально поникъ головою. Долго онъ сидѣлъ, такъ долго, что ученики бросили показывать ему фиги и выставлять носы...

— Друзья,—заговорилъ учитель, очнувшись...

Господа, братцы, ученики, свинтусы, милыя дѣти, поросита, черти и друзья захохотали...

— Послушайте же меня, добрые люди,—говорилъ Ливановъ, совсѣмъ хмелѣя...

Лицо его покрылось пьяной печалью. Глаза стали влажны...

— Слушайте, слушайте!.. тише!..—заговорили ученики.

Въ классѣ стихло.

— Я, братцы, несчасливъ... Я женюсь... нѣтъ, не то: у меня есть невѣста... опять не то: мнѣ отказали... Мнѣ не отказали... Нѣтъ, отказали... О, черти!.. о, псы!.. Не смѣяться же!

Ученики, разумѣется, хохотали. Пьяная слеза оросила пьяное лицо Ливанова,.. Онъ заплакалъ...

— Голубчики,—началъ онъ,—за меня никто не пойдетъ замужъ, никто не пойдетъ...

Рыдать началъ Ливановъ.

— У меня рожа скверная,—говорилъ онъ!—пакостная рожа. Этакія рожи на улицу выбрасываютъ. Плюньте на меня, братцы, я гадокъ, братцы...

— Гадокъ, гадокъ, гадокъ! — подхватили бурсаки.

— Да, — отвѣчалъ ихъ учитель, — да, да, да... Плюньте на меня... плюньте мнѣ въ рожу.

Ученики начинаютъ плевать по направленію къ нему.

— Такъ и надо... Спасибо, братцы,—говоритъ Ливановъ, а самъ рыдаетъ...

У Ливанова была не рожа, а лицо, и при томъ довольно красивое; ему и не думала отказывать невѣста, къ которой онъ началъ было свататься; напротивъ, онъ самъ отказался отъ нея.

Спьяна Ливановъ напустилъ на себя небывалое съ нимъ горе. Со стороны посмотрѣть на него, такъ стало бы жалко, но бурсаки не упустили случая потравить его.

— Братцы,—продолжалъ онъ,—я отхожу на покой вѣчный... Я вселюсь...

— Смазь ему, ребята!—крикнулъ Пушка.

— Что такое?—спросилъ Ливановъ.

— Смазь...

— Что суть смазь?

— А вотъ я сейчасъ покажу тебѣ,—отвѣчалъ Пушка, вставая съ мѣста.

— Не надо: самъ знаю... Сиди, скотина... Убью!.. Ахъ, вы, канальи!.. Надъ учителемъ смѣяться!.. а?..— говорилъ Ливановъ, придя въ себя.—Да я васъ передеру всѣхъ... Розогъ!..—крикнулъ онъ, совсѣмъ оправившись...

Въ классѣ стихло.

— Розогъ!

— Сейчасъ принесу,—отвѣчалъ сѣкундаторъ.

— Живо! Я вамъ дамъ, мерзавцы!..

Хмель точно прошелъ въ Ливановѣ. „Что за чортъ,— думали бурсаки,—неужели въ другое естество перешелъ?“ Но это была минутная реакція опьяненнаго состоянія, послѣ которой съ большею силою продолжаетъ дѣйствовать водка, и когда вернулся въ классъ сѣкундаторъ, то онъ увидѣлъ Ливанова совершенно осоловѣвшимъ. Ливановъ, стиснувъ зубы и поставивъ на столъ кулакъ, смотрѣлъ на учениковъ безумными глазами...

— Розогъ,—сказалъ онъ, однако, не забывая своего желанія.

— Что, Павелъ Алексѣичъ?—отвѣчалъ сѣкундаторъ, смекнувъ, какъ надо себя вести.

— Розогъ...

— Всѣ люди происходятъ отъ Адама...—говоритъ ему сѣкундаторъ.

— Такъ,—отвѣчалъ Ливановъ, опять забываясь,— а роз...

— Добро, зѣло, то-есть чисто, прекрасно и безвредно...

— Не понимаю,—говорилъ Ливановъ уставясь на сѣкундатора.

— Я родился въ пятьдесятъ одиннадцатомъ году, не доходя минувши Казанскій соборъ.

— Ей Богу, не понимаю,—говорилъ Ливановъ убѣдительно.

— Какъ же не понять-то? Вѣдь это написано...

— Гдѣ?

— Подъ девятой сваей...

— Опять не понимаю...

— Очень просто: оттого-то и выходитъ, что числитель, будучи помноженъ на знаменателя, производитъ смертный грѣхъ...

— Ты говоришь: грѣхъ?

— Смертный грѣхъ...

— Ничего не понимаю...—Ты это серьезно говоришь?—спросилъ онъ.

— Вотъ тебѣ крестъ...

Ученикъ перекрестился.

— Ты мнѣ сказалъ „тебѣ“?

— Я тебѣ, мнѣ, мною, обо всѣхъ.

— Уйди!.. убью!.,—отвѣчалъ озлившись Ливановъ,— „прошу тебя, уйти!.. Я въ пьяномъ видѣ не ручаюсь за себя...

— Онъ ушелъ,—говоритъ ученикъ.

— Онъ?.. что мнѣ за дѣло до него?.. ты-то уйди!.. Чортъ же съ тобой, скотина,—говоритъ опьянѣвшій педагогъ, стуча по столу кулакомъ...—Не хочешь уйти?.. Такъ я же уйду... Я пьянъ... Я уйду...

Учитель послѣ этихъ словъ неожиданно встаетъ со стула и направляется къ двери. Его провожаютъ хохотомъ, крикомъ, визгомъ и лаемъ.

— Это-же пустяки,—говоритъ онъ,—въ жизни все пустяки,—и выходитъ на лѣстницу.

Лишь только онъ ступилъ на первую ступеньку, тотъ

же сѣкундаторъ, послѣдовавшій за нимъ, схватилъ его за ноги. Пьяный педагогъ полетѣлъ съ лѣстницы внизъ головою. Счастье его, что онъ не переломалъ себѣ реберъ.

— Оступился, чортъ возьми,—говорилъ перепачканный учитель, вставая на площадкѣ, у которой кончалась лѣстница.

Подлѣ него уже очутился сѣкундаторъ, дернувшій его за ногу.

— Вы, кажется, замарались?—спрашиваетъ онъ.— Позвольте, я васъ почищу.

— Не надо, другъ мой, вовсе не надо... Все пустяки...

Учитель, наконецъ, ушелъ домой.

Вотъ каковъ былъ Павелъ Алексѣичъ Ливановъ въ пьяномъ видѣ . . . . . .

Описанная нами сцена была въ четвергъ. Въ субботу Ливановъ явился трезвымъ. Ученики держали себя, какъ и Ливановъ, иначе,—прилично, разумѣется, прилично по-бурсацки. Съ Ливановымъ, когда видъ его перемѣнялся, изъ пьянаго переходилъ въ трезвый, шутить было опасно. Вообще Ливановъ былъ не дурной человѣкъ, хотя, какъ учитель, не выдавался изъ среды своихъ товарищей; но, по крайней мѣрѣ, онъ не запарывалъ своихъ учениковъ до отшибленія затылка... Лобовъ, Долбежинъ и Батька были представителями террора педагогическаго, Красновъ и Разумниковъ—прогрессивнаго бурсацизма, а Ливановъ былъ какая-то смѣсь тѣхъ и другихъ: иногда строгъ до лобническихъ размѣровъ, иногда добръ безтолково. Во всякомъ случаѣ, не любили шутить съ Ливановымъ, когда онъ былъ въ трезвомъ естествѣ...

Карась не выходилъ на сцену, когда былъ пьянъ Ли-

вановъ, но сегодня, когда шутки съ Ливановымъ были опасны, онъ рѣшился на скандалы...

Хотя Карась сидѣлъ въ Камчаткѣ и заявилъ своему авдитору „нуль навѣки“, но онъ былъ все-таки довольно любознательная рыба. Вышелъ такой случай. Однажды, отъ нечего дѣлать, Карась рвалъ ариѳметику Куминскаго; онъ въ этомъ занятіи прошелъ уже до дѣленія. Тутъ его злодѣянія вдругъ прекратились. „Дѣленіе!“ подумалъ онъ.—„А вѣдь я знаю дѣленіе... А дальше что?.. Именованныя числа... Это что за штука?.. Сначала узнаю, а потомъ раздеру...“ Остановившись на этой мысли, онъ сталъ читать Куминскаго и безъ постороннихъ пособій понялъ именованныя числа.—„Дальше дроби—это что такое?“—сказалъ онъ. Понялъ онъ и дроби... Все это было пройдено имъ въ три пріема. Значитъ, когда захочетъ человѣкъ учиться, то можно обойтись и безъ розги. — „Дальше что? десятичныя дроби... Не хочу читать...—Довольно“—Послѣ этого онъ Куминскаго обратилъ въ клочья. Задано было „о приведеніи дробей къ одинаковому знаменателю“, и хотя у Карася стоялъ въ нотатѣ нуль, однако онъ зналъ урокъ, приготовивъ его безъ всякаго поощренія и принужденія, гораздо ранѣе, чѣмъ требовалось...

Учитель вызвалъ къ доскѣ Сѣкиру. Сѣкира, несмотря на то, что былъ авдиторъ, путался...

— Дуракъ,—сказалъ ему Ливановъ.

— Дуракъ и есть,—подвердилъ Карась изъ Камчатки...

— Кто это говоритъ?—разсердившись, спросилъ Ливановъ... Ему дерзкимъ показался отзывъ Карася.

— Я,—отвѣчалъ Карась.—Помилуйте, Павелъ Алексѣичъ, не умѣетъ привести къ одному знаменателю; ну, не дуракъ ли?

— Ахъ ты, скотина!—закричалъ Ливановъ.

— Помилуйте же, Павелъ Алексѣичъ. Я сижу въ Камчаткѣ, значитъ, дуракъ изъ дураковъ; а все-таки „приведеніе знаменателей“ знаю!

— Если же ты не сдѣлаешь мнѣ „приведенія“, я тебя запорю...

— Запорите...

— Къ доскѣ!..

Карась вышелъ и отлично отвѣтилъ урокъ.

— Ну, не правду ли я сказалъ, что дуракъ онъ?—говорилъ Карась, показывая на Сѣкиру.—Даже я умѣю это сдѣлать.

Ливановъ подошелъ къ Карасю и Сѣкирѣ.

— Дай мѣлъ,—сказалъ онъ Карасю.

— Извольте...

Взявши въ руки мѣлъ, Ливановъ сдѣлалъ на лицѣ Сѣкиры крупный крестъ. Дѣлая крестъ, онъ говорилъ:

— Пентюхъ, перепентюхъ, выпентюхъ!..

— Ну, дуракъ и есть,—подтверждалъ Карась.

Послѣ этого Карась отправился въ Камчатку. Развлеченный на нѣсколько минутъ своимъ отвѣтомъ, онъ однако скоро началъ скучать. Пришла ему на мысль предстоявшая опасность неотпуска домой на Святую. Злость на него нашла, которую онъ и выместилъ на грифельной доскѣ, попавшей ему подъ руки. Снявъ съ краевъ ея боковыя планки, онъ хотѣлъ обратить ихъ въ щепы, но, приложивъ палецъ ко лбу, сказалъ себѣ: „подожди, дружище, тутъ выйдетъ скрипка“. Изъ трехъ палокъ онъ сдѣлалъ треугольникъ, къ вершинѣ его прикрѣпилъ четвертую, въ треугольникѣ натянулъ веревочныя струны, добылъ изъ розогъ, лежавшихъ въ печкѣ, по сосѣдству съ нимъ, прутъ, изъ котораго смастерилъ смычекъ, и, такимъ образомъ, устроилъ нѣчто въ родѣ цѣвницы...

Это заняло его на время, но въ голову опять приходитъ мысль о Пасхѣ.—„Черти,—думалъ онъ,—неужели такъ-таки и не пустятъ на Пасху?.. Лучше бы пересѣкли пополамъ! Сколько хочешь сѣки: мнѣ все одно“.—„Такъ ли?“ рефлектируетъ онъ.—„А вотъ попробуемъ“.—Карась беретъ свою цѣвницу и начинаетъ водить по ней смычкомъ, то-есть розгой.

Раздается на весь классъ страшный визгъ, произведенный Карасемъ для скандала.

— Кто это?—спрашиваетъ изумленный учитель.

— Я это,—отвѣчаетъ храбро Карась...

Визгъ былъ до того неожиданъ и неумѣстенъ, что учитель растерялся...

— Что это значитъ?

— Ничего не значитъ.

— Скотина!..

Карась сѣлъ спокойно. Учителя поразилъ этотъ случай, и потому только онъ не отпоролъ Карася...

„Врешь,—думаетъ между тѣмъ Карась,—ты меня выпорешь!“ и беретъ въ свои руки цѣвницу...

Раздается еще сильнѣе визгъ...

Ливановъ на этотъ разъ вышелъ изъ себя. Онъ, озлобленный, бросается къ Карасю. Карась же становится колѣнями на ребро парты...

— Я наказанъ,—говоритъ онъ при приближеніи къ нему Ливанова...

— Стой, скотина, весь классъ...

— Буду стоять.

Учитель недоумѣваетъ, что сталось съ Карасемъ. Однако мало-по-малу онъ успокаивается.

„Нѣтъ, ты меня отпорешь!“ думаетъ Карась...

Беретъ онъ въ руки цѣвницу и, водя по ней прутикомъ, производитъ третій, сильнѣйшій визгъ...

На этотъ разъ Ливановъ совершенно взбѣсился. Онъ бросился на Карася съ поднятыми кулаками...

— Убью, мерзавецъ!

Карась струсилъ, видя разъяреннаго учителя, и когда Ливановъ подбѣжалъ къ нему, онъ вскочилъ на ноги и понесся надъ головами товарищей, по партамъ, къ двери, за которою и скрылся.

Учитель долго не могъ придти въ себя.

Долго ходилъ учитель по классу. Онъ былъ страшно озлобленъ и въ то же время изумленъ. „Понять не могу,—думалъ онъ,—что сталось съ этимъ мерзавцемъ?“ Фактъ выходилъ своею оригинальностью изъ ряда обыкновенныхъ фактовъ, и, должно быть, именно это обстоятельство сдѣлало то, что Ливановъ не донесъ о Карасиныхъ дѣяніяхъ инспектору. Иначе Карасю пришлось бы цѣлую недѣлю таскать изъ своего тѣла прутья: за подобныя дерзости въ бурсѣ драли жестоко, до того жестоко, что послѣ сѣченія относили въ больницу на р о г о ж к ѣ.

Но Карася все-таки высѣкли въ тотъ день. Онъ въ озлобленіи пошелъ бить стекла училища, былъ пойманъ на этомъ дѣлѣ и хотя призывалъ всю небесную силу во свидѣтельство того, что онъ нечаянно разбилъ стекло, однако ему в л ѣ п и л и, какъ выражался онъ, около пятидесяти.

Такимъ образомъ, наказаніе Разумникова имѣло свои добрыя послѣдствія: оно бѣсило только человѣка, а нисколько не наставляло на путь истины.

Посмотримъ, что было послѣ.

Ученики отпускались домой изъ бурсы, по письменнымъ билетикамъ, отъ двѣнадцати часовъ субботы до пяти часовъ воскресенья. Въ субботу разошлись ученики, большинство по домамъ. Училище опустѣло.

Карась остался въ бурсѣ.

Ученики въ свободное время обыкновенно сидѣли въ спальняхъ. Карась находился въ Сапогѣ. На него напала невыносимая тоска. Онъ бросился на кровать, покрылъ свою голову подушкой и зарыдалъ. Мы, взрослые люди, на дѣтское горе смотримъ очень легко. Развѣ можетъ ребенокъ серьезно страдать? Разумѣется, большинство читателей отвѣтитъ: нѣтъ! Между тѣмъ бываютъ дѣтскія печали, глубокія и сильныя печали, за которыя человѣкъ не можетъ простить и тогда, когда станетъ взрослымъ. Карась въ ту минуту, когда лежалъ на кровати, всѣхъ ненавидѣлъ. Развѣ можетъ глубоко ненавидѣть ребенокъ? Можетъ. Если бы не учился человѣкъ ненавидѣть въ дѣтствѣ, не умѣлъ бы онъ ненавидѣть и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Бурса дала Карасю сильные уроки ненависти, злобы и мести!

Для городского, привыкшаго проводить праздники дома, самый гадкій день—праздничный день въ бурсѣ. Карась кое-какъ дождался всенощной.

Учениковъ раздѣлили на двѣ партіи: одна отправлялась въ лаврскую церковь, другая оставалась въ бурсѣ. Къ первой принадлежали имѣвшіе сколько-нибудь приличную одежду, ко второй оборвыши и отрепыши, которыхъ стыдно было начальству пустить на свѣтъ Божій. Карась остался съ отрепышами, потому что былъ не уволенъ въ городъ, а такихъ не пускали въ лаврскую церковь.

По звонку, въ шесть часовъ вечера, оставшіеся отправились на домашнюю всенощную, въ такъ называемый „пятый номеръ“, то-есть классъ подъ № 5. Это была большая длинная комната, уставленная партами. На передней стѣнѣ ея висѣлъ огромный образъ Спасителя, сидящаго на престолѣ; предъ тѣмъ образомъ и

совершалась всенощная однимъ изъ лаврскихъ монаховъ. Ученики сдвинули парты въ одну сторону, къ стѣнѣ. Образовалась довольно обширная площадка, на которой и помѣстились рядами ученики. По правую руку образа поставили аналой, около котораго помѣстилась *сборная братія*, то-есть пѣвчіе-любители изъ оставшихся въ бурсѣ.

Карась въ дѣтствѣ былъ очень религіозный мальчикъ. Кромѣ того, на сердцѣ его накопилось очень много горя. Онъ, лишь только началась всенощная, всталъ на колѣни и началъ усердно молиться. Содержаніе его молитвы, какъ часто случается въ дѣтствѣ, было безпредметное, неопредѣленное. Онъ ни о чемъ не просилъ, ни на кого не жаловался Богу; онъ, отрѣшаясь отъ внѣшняго міра, стремился куда-то всѣми силами своей души. Тепла была его молитва и сильна... Такъ прошло около получаса, и Карась съ каждымъ поклономъ разгорался духомъ. Но это благодатное настроеніе было неожиданно нарушено самымъ пасквильнымъ образомъ.

Когда Карась кончалъ усердный поклонъ, сосѣдъ его, дуракъ Тетеры, сдѣлалъ ему дружескую смазь. Карася это изумило, а Тетеры, разсматривая свою пясть, въ которой сейчасъ держалъ лицо Карася, увидѣлъ ее мокрою...

— Ты плачешь?—сказалъ онъ Карасю.

Религіозный экстазъ Карася миновался.

— У тебя слезы?—повторилъ Тетеры.

Карась озлился, тѣмъ болѣе, что ему было стыдно своихъ слезъ...

— Безмозглая башка,—отвѣчалъ онъ и далъ пинка Тетеры.

— Да о чемъ ты плакалъ? — спрашивалъ глупецъ Тетеры.

— Отстань, оселъ!

— Скажи же,—допрашивалъ добродушный глупецъ.

— Вотъ тебѣ!

Карась далъ ему очень чувствительный пинокъ.

— Подлый Карасище!—привѣтствовалъ его дуракъ.

Такимъ образомъ молитвенное настроеніе Карасинаго духа было нарушено. Карасю сдѣлалось просто скучно. Онъ сталъ наблюдать религіозность своихъ сомолитвенниковъ. Ученики любили свой бурсацкій храмъ болѣе, нежели лаврскій, потому что богослуженіе, которое они совершали, возможно было только въ томъ именно храмѣ, въ которомъ и драли ихъ. Домашняя служба была короче и веселѣе: ее по возможности сокращали и дѣлали занимательною. Дьячокъ изъ учениковъ, читая псалмы, перебиралъ слова до того быстро, что слышалось только щелканье языкомъ и губами, а смысла... смысла бурсакамъ и не требовалось... „Богъ съ нимъ!“ говорили они... Но, кромѣ безтолковаго дьяческаго чтенія, было еще безобразное пѣніе. Сборная братія любила хватить, ляпнуть, рявкнуть, отвести кончикъ—эти термины означаютъ громогласія бурсы. Поющая и взывающая бурса стоитъ и подзадориваетъ тѣхъ, у кого хорошо устроены дыхательные мѣхи и гортанныя связки... Ревутъ молящаяся бурса... Но это все еще ничего бы: у насъ на Руси, въ большинствѣ случаевъ, церковныя службы сопровождаются нелѣпымъ чтеніемъ и аневрированнымъ пѣніемъ, но богомольный русскій человѣкъ давно привыкъ къ тому, и его религіозное чувство все-таки питается во время службы; но этотъ же отерпѣвшійся нашъ богомольный человѣкъ, посѣтивъ бурсацкую всенощную,

непремѣнно возмутится духомъ. Мы видѣли, какъ Карась во время службы смазь получилъ. Такія явленія во время всенощной были очень обыкновенны. Молящіеся толковали, смѣялись, плевались... Отрепыши въ первыхъ рядахъ только стояли прилично, а въ срединѣ, гдѣ ученики были заслонены отъ начальства окружающими ихъ товарищами, играли въ карты и костяжки. Хорь лазилъ по карманамъ. Чахотка, второкурсникъ, спалъ на тулупѣ. Павка, городской мальчикъ, не отпущенный домой за лѣность, училъ урокъ... Смази, щипки, плевки, подзатыльники разсыпались только нѣсколько рѣже и скромнѣе, сравнительно съ обыкновенными и занятными часами.

Все это въ бурсѣ называлось богослуженіемъ.

. . . . . .

Кончился для Карася тяжелый бурсацкій праздникъ.

„Неужели меня не уволятъ и на Пасху?“ думалъ онъ.

Страшно сдѣлалось ему. Онъ зналъ, что такое въ бурсѣ Пасха.

Этотъ праздникъ ожидался учениками съ нетерпѣніемъ, всѣ думали встрѣтить въ святой день что-то особенное, выходящее изъ ряда вонъ; лица торжественныя, свѣтлыя, добрыя; товарищи внимательны другъ къ другу и ласковы; ни одной нѣтъ затрещины по всей бурсѣ. Хоръ, послѣ спѣвки, идетъ въ церковь, поютъ съ увлеченіемъ и звонко, весело христосуются и, послѣ службы, возвращаются въ бурсу, гдѣ и розговляются. Все это очень мило, но вмѣстѣ съ разговѣньемъ улетаетъ изъ бурсы и праздникъ. Если бы дали ученикамъ простую рекреацію, они и справили бы ее, какъ обыкновенно; но Пасха— праздникъ особенный, и проводить его слѣдуетъ иначе.

И вотъ бурсаки снуютъ изъ угла въ уголъ, ищутъ своего праздника, и найти не могутъ. Гдѣ же онъ? Затерялся гдѣ-то, а вѣрнѣе всего—оставленъ дома, на родинѣ. Поневолѣ припоминаютъ бурсачки Христовъ день подъ роднымъ кровомъ, всѣ чуютъ, что не такъ надо праздновать его; и уже христовскій вечеръ становится невыносимо скученъ, на всѣхъ нападаетъ тоска и апатія. Прожить цѣлую недѣлю въ такомъ состояніи — дѣло крайне тяжелое. Оттого-то Карасю и прописывали бурсацкую Пасху вмѣсто казни: на дѣльное что-нибудь она не годилась.

Но Карась поклялся, что онъ, во что бы то ни стало, отдѣлается отъ этой казни... Но что же онъ предприметъ?

„Сбѣгу“, чаще и чаще приходитъ ему на мысль.

Съ этой блаженной мыслью онъ и заснулъ въ тотъ день.

„Сбѣгу“, думалъ Карась, проснувшись на другой день поутру.

Эта мысль начинала нравиться Карасю и окончательно укоренилась по поводу одного маленькаго б ѣ г у н а. Событіе было такого рода. Привезли въ училище Ф о р т у н к у, деревенскаго мальчика, едва ли не семилѣтняго ребенка, который долго скучалъ по родинѣ. Этотъ Ф о р т у н к а, когда ему сдѣлалось очень горько отъ бурсацкой жизни, ночью задумалъ совершить бѣгство. Онъ предпринялъ такой подвигъ, не зная, гдѣ найдетъ пріютъ, и не имѣя денегъ, а только полагаясь на слова пѣсни, пѣвавшейся въ училищѣ; въ ней говорилось, что однажды шелъ бѣдный малютка, онъ весь перемокъ и дрожалъ отъ холода, но думалъ: „Богъ и птичку въ полѣ кормитъ и росой кропитъ цвѣты,—и меня онъ не оставитъ“, и, дѣйствительно, мальчику попалась на-

встрѣчу старушка, которая и пріютила его у себя... Полагаться Фортункѣ больше было не на что, но онъ, все-таки, глубокой ночью всталъ съ своей постельки на ноги, натянулъ на себя свою одежду, завязалъ что-то въ узелокъ и вышелъ на дворъ. „Вечеръ былъ, сверкали звѣзды“, какъ говорилось въ приведенной же нами пѣснѣ. Фортунка полѣзъ черезъ заборъ, вотъ онъ уже сидитъ подъ открытымъ небомъ и думаетъ со страхомъ, куда ему направить путь.—„Но ладно: Богъ и птичку въ полѣ кормитъ“. Бурсацкая птичка хотѣла спорхнуть съ забора...

— Стой! — услышалъ Фортунка чей-то грозный голосъ...

Его сняла съ забора чья-то сильная рука и поставила на землю. Передъ Фортункой оказался солдатъ Цѣпка, училищный хлѣбопекъ, который и поймалъ его на мѣстѣ преступленія.

— Ты что затѣялъ?

— Ей Богу, ничего не затѣвалъ...

— Пойдемъ-ка со мной, дружище...

— Прости, Цѣпа...

— Пойдемъ, пойдемъ...

Солдатъ повлекъ за собой Фортунку. Онъ привелъ его въ свою пекарню. Объ этомъ солдатѣ мы однажды упоминали, какъ о человѣкѣ, несмотря на жестокость и грубость его характера, вообще добромъ...

— Ты что задумалъ, а?

— Я только погулять хотѣлъ...

— То-есть въ бѣги пуститься?.. это съ чего?..

— Здѣсь скучно, Цѣпа...

— Скучно? а инспекторъ отдеретъ, такъ весело станетъ? И куда ты, этакой мальчишка, пойдешь?

— Домой пойду...

— Ахъ, ты, каналья! Гдѣ же тебѣ домой идти!

Однако Фортунка понравился солдату.

— Присядь-ка лучше вотъ здѣсь, — сказалъ онъ мальчику,—и поѣшь лепешекъ съ масломъ...

Фтртунка отъ ласковаго слова повеселѣлъ и началъ ѣсть данную ему лепешку. Солдатъ разговаривалъ съ нимъ о его домѣ и совершенно приголубилъ.

— Ну, поѣлъ, и ступай съ Богомъ спать. И не думай уходить изъ училища—поймаю...

Фортунка пришелъ въ свою спальню и заснулъ въ ней сномъ птички Божіей.

Но на другой день Цѣпка, несмотря на доброту свою, счелъ обязанностью донести о попыткѣ дезертира...— „Отдеру!“ сказалъ инспекторъ. Но когда ему привели Фортунку и онъ въ лицѣ его увидѣлъ совершеннаго ребенка, въ которомъ и сѣчь-то нечего, тогда инспекторъ помиловалъ его...

Но бѣгство было однимъ изъ сильнѣйшихъ преступленій бурсы. Поэтому замыселъ Фортунки, хотя и кончился онъ пустяками, возбудилъ въ училищѣ толки.

— Бѣгуна поймали, —разсказывали въ Камчаткѣ.

— Что же съ нимъ сдѣлали?—спрашивалъ съ любопытствомъ Карась.

— Ничего...

— Неужели?

— Инспекторъ простилъ.

„Убѣгу же и я, — укрѣплялся въ своей затаенной мысли Карась, — вѣдь не запорютъ же, если и поймаютъ“.

Онъ сталъ разговаривать съ товарищами о бѣгунахъ...

— Много у насъ бѣгуновъ?

— Есть таки.

— А вѣдь плохо имъ придется?

— И очень даже...

— А правда,—спросилъ онъ,—что наши на дровяномъ дворѣ спасаются?

— Правда, только ты никому не говори...

— Я фискалъ, что ли?

— То-то. Я самъ бывалъ у нихъ въ гостяхъ.

— Какъ же они живутъ?

— Отлично живутъ. Въ дровахъ подѣлали себѣ кельи и спасаются въ нихъ.

— Чѣмъ же они питаются?

— Воруютъ. Вотъ уже второй мѣсяцъ живутъ такъ... Иногда милостыню просятъ... Иногда приходятъ сюда, въ училище, и наши даютъ имъ хлѣба...

— Не выдадимъ своихъ, — отвѣтили слушатели съ гордостью.

„Убѣгу и я“, подумалъ про себя Карась и съ каждой минутой разгорался духомъ...

— А что женихъ нашъ? — спросилъ кто-то объ ученикѣ, упомянутомъ въ прошломъ очеркѣ,—онъ никакъ теперь пятый разъ состоитъ въ бѣгахъ. Сколько разъ его драли за бѣгство?

— Четыре раза, а все-таки неймется... Отпорютъ его, онъ бѣжитъ за восемьдесятъ верстъ, да пѣшкомъ лупитъ. Явится домой, его начинаетъ драть отецъ, отъ отца онъ бѣжитъ въ бурсу. Отстегаютъ здѣсь, онъ опять домой: такъ и гоняютъ его розгами съ мѣста на мѣсто.

„Но вѣдь не засѣкли жениха,—ободряетъ себя Карась, жадно прислушиваясь къ рѣчамъ товарищей:—и я живъ останусь“.

— Но что женихъ! Нѣтъ, вотъ бѣгуны-то: Вавиловы...

— И вѣдь городскіе еще?

— Да; напишутъ бывало фальшивыя письма отъ родителей, что они оставлены дома по болѣзни, начальство

не безпокоится, дома этого не знаютъ, и Вавиловы гуляютъ себѣ по городу. Такъ они однажды гуляли цѣлую треть года...

— А правда, что ихъ однажды поймали вмѣстѣ съ мошеннической шайкой.

— Еще бы! Но потомъ другіе мошенники выкупили изъ полиціи. Они опять долго торговали краденой банкой и имѣли большія деньги. Когда же негдѣ было стянуть, нанимались въ поденную работу.

— Ай, да ну! Но не слышно ли чего о Меньшинскомъ?

— Что-то не слышно... А онъ тоже давно въ бѣгахъ...

— Вотъ этотъ будетъ почище всѣхъ. Помните, какъ онъ однажды оборвалъ у инспектора часовую цѣпочку и бросился на него съ перочиннымъ ножомъ?

— И все это ему проходитъ. Отпорютъ, и только.

— Другому давно бы дали волчій паспортъ, а у него покровители есть.

Про Меньшинскаго говорили правду. Онъ былъ примѣромъ того, что жестокое воспитаніе можетъ сдѣлать изъ человѣка. Изъ Меньшинскаго оно сдѣлало чистаго звѣря, который не задумался бы, подъ горячую руку, и приколоть кого-нибудь. Долго толковали о немъ, предполагая, чѣмъ разыграется послѣднее его бѣгство. Предъ тѣмъ, по просьбѣ отца, его такъ наказали, что совершенно избитаго на рогожкѣ отнесли въ больницу.

У Карася гвоздемъ засѣла въ головѣ мысль покинуть бурсу. „Если и накажутъ, то все же не такъ, какъ Меньшинскаго: я воровать не буду и съ ножомъ ни на кого не брошусь. Пусть сѣкутъ потомъ: теперь, по крайней мѣрѣ, погуляю“. — Онъ сталъ обдумывать планъ бѣгства. И онъ, предпринимая такое смѣлое дѣло, былъ немного разумнѣе Фортунки. Но Карась ходилъ

около воротъ и выглядывалъ, какъ бы шмыгнуть за нихъ: это было дѣло не легкое, потому что привратникъ строго слѣдилъ за бурсаками, и безъ билета, даннаго отъ инспектора, никого не пропускалъ въ ворота.

— Лишь бы только уйти, а тамъ пойду, отыщу дровяную келью и присоединюсь къ спасеннымъ. Не примутъ, удеру куда-нибудь—заодно.

Такъ размышлялъ Карась, стоя у воротъ училища, съ твердымъ намѣреніемъ исполнить свой замыселъ.

Но вдругъ распахнулись двери училища настежь, и въ нихъ показалась телѣга. Телѣга остановилась у дома инспектора. Карась изъ любопытства заглянулъ въ рогожку, которою былъ прикрытъ экипажъ, и невольно попятился назадъ. Изъ-подъ рогожки на него сверкнули два страшныхъ глаза...

— Меньшинскаго привезли!—закричалъ онъ.

Въ телѣгѣ лежалъ, связанный по рукамъ и ногамъ, дѣйствительно Меньшинскій. Онъ, убѣжавъ за нѣсколько верстъ въ свою деревню, былъ накрытъ отцомъ ночью, скрученъ веревками и отправленъ въ бурсу. Свободнымъ везти его боялись—непремѣнно убѣжитъ снова...

Около телѣги образовалась толпа учениковъ.

— Меньшинскій,—говорили бурсаки.

Онъ посмотрѣлъ только со злобой на своихъ товарищей; онъ всѣхъ ихъ ненавидѣлъ въ ту минуту.

— Какъ тебя поймали?

— Связаннаго такъ и везли?

— Сорокъ слишкомъ верстъ?

— Убирайтесь къ чорту,—отвѣчалъ онъ и закрылъ глаза.

Появился инспекторъ, и толпа разсыпалась въ стороны.

Черезъ полчаса велѣно было ученикамъ собраться

въ пятомъ номерѣ. Туда притащили связаннаго Меньшинскаго, повалили его на полъ, раздѣли, два служителя сѣли ему на плечи, два на ноги, два встали съ розгами по бокамъ, и началось сѣченіе.

Жестоко наказали знаменитаго бѣгуна и отправили въ больницу...

Впечатлѣніе отъ этой порки было потрясающее.

„Страшно,—подумалъ Карась.—Богъ съ нимъ и съ бѣгствомъ! Лучше на Пасху не пойду".

Послѣ того у Карася прошла охота бѣжать.

„Однако на Пасху не идти? Нѣтъ, какъ-нибудь да урвусь изъ бурсы. Завтра обиходъ,—думалъ Карась,—рѣшится дѣло, идти мнѣ на Пасху, или нѣтъ?"

Вотъ когда сдѣлалось ему страшно. Чѣмъ ближе подходилъ грозный день неотпуска, тѣмъ становилось ему тошнѣе. Къ чувству ненависти и тоски присоединялось еще какое-то новое чувство, все стало казаться пустяками, зарождалась мизантропія, мрачный взглядъ на міръ Божій. Пробовалъ онъ чѣмъ-нибудь развлечься—ничего не выходило. Купилъ онъ костяжекъ и сталъ играть въ „юлу". „Какое нелѣпое занятіе!" сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ и раскидалъ костяжки по полу. Добылъ пряникъ изъ кармана, сталъ лакомиться, но скоро и пряникъ полетѣлъ въ печку. Пошелъ къ своимъ дуракамъ, но дураки только бѣсили его. Въ душѣ Карася начинали подниматься вопросы, на которые ни іоты не могли отвѣтить дураки: „Отчего люди злы? Отчего слабосильнаго человѣка всегда тѣснятъ и давятъ? Гдѣ всему этому начало? Говорятъ, дьяволъ всему причина, онъ соблазнилъ людей; былъ когда-то рай на землѣ, но теперь все гадко на свѣтѣ: отчего это? откуда?" Дуракамъ до такихъ вопросовъ, разумѣется, не было дѣла. Сновалъ Карась изъ угла въ

уголъ и сильно волновался, наконецъ, забился онъ въ своей Камчаткѣ подъ парту, накрылъ побѣдную голову шинелью и горько зарыдалъ. Слезы однако мало облегчили его. Онъ мало-по малу однако забылся и, утомленный впечатлѣніями дня, заснулъ, кое-какъ. Пробудился онъ съ головной болью, и первый вопросъ опять былъ о Пасхѣ.

Карась думалъ, что онъ съ ума сойдетъ отъ горя. Но вдругъ лицо его стало проясняться; какая-то надежда прокрадывалась въ сердце, точно онъ видѣлъ исходъ изъ своего положенія. Карась рѣшался на что-то и не рѣшался. Но борьба быстро кончилась.

„Не умру же, Господи, Твоя воля!“ проговорилъ и приступилъ къ занятіямъ такого страннаго рода, что человѣку, незнакомому съ тайнами бурсацкой жизни, могъ показаться уже лишившимся разсудка.

Вечеръ. Занятія кончаются. Скоро ужинъ.

Карась вышелъ на дворъ, отыскалъ большую лужу, усѣлся около нея и сталъ снимать сапоги. Потомъ, оставшись въ однихъ чулкахъ, принялся бродить по водѣ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ превратился въ большую рыбу. Послѣ такой операціи онъ надѣлъ сапоги сверху мокрыхъ чулокъ и долго ходилъ по двору. Хотя весенній ледъ прошелъ и время стояло довольно теплое, но на дворѣ, по вечерамъ, стояла легкая изморозь. Карась рисковалъ поплатиться здоровьемъ; но когда чулки на немъ просохли, онъ опять сталъ плавать въ лужѣ и снова повторилъ свою продѣлку. Все это было очень дико. Но Карась не унимался. За ужиномъ онъ нарочно ничего не ѣлъ, хотя не могъ пожаловаться на дурной аппетитъ. Послѣ ужина онъ опять ходилъ въ намоченныхъ чулкахъ. Пришедши въ спальню, онъ намочилъ холодной водой галстукъ и надѣлъ его себѣ на

шею. Всѣ заснули, а онъ все ворочался въ постели. Когда же сталъ одолѣвать Карася сонъ, онъ всталъ съ кровати, добылъ свои подтяжки, привязалъ ими себя за ногу къ спинкѣ кровати—положеніе, въ которомъ неудобно заснуть. Онъ гналъ свой сонъ. Мучилъ себя Карась добровольно.

Но что все это значитъ?

„Какъ бы захворать?—думалъ Карась.—Завтра меня стащатъ въ больницу: обиходъ пройдетъ безъ меня, и я останусь уволеннымъ на Пасху. Не умру же я. Хоть и больного возьмутъ домой, все же лучше!..“

Вотъ чѣмъ объясняется сумасбродство Карася.

Когда бурсакъ уходилъ отъ какой-нибудь бѣды въ больницу, прятался въ отхожихъ мѣстахъ, строилъ келью на дровяномъ дворѣ, утекалъ въ лѣсъ, либо домой, то это на мѣстномъ языкѣ называлось „спасаться“.

Спасающихся въ больницѣ было не мало. Мы видѣли, что дѣлалъ Карась, чтобы поселиться въ ней. Для этой же цѣли многіе развивали на тѣлѣ чесотку и нарочно не лѣчили ее, смотрѣли долго на солнце, чтобы получить куриную слѣпоту, натирали шею сукномъ либо накалывали ее булавками, чтобы распухла она, раскровыривали страшно свои ноги, растравляли на ногахъ раны и т. п.

Поутру, на другой день, Карась, блѣдный, растерзанный, еле держась на ногахъ, отведенъ старшимъ въ мѣстную больницу.

Но такое спасеніе, на которое рѣшился Карась, обходилось очень дорого: во-первыхъ потому, что приходилось рисковать здоровьемъ, а, во-вторыхъ, больница была однимъ изъ самыхъ страшныхъ мѣстъ бурсы.

Она дѣлилась на два отдѣленія: чистое и чесоточное.

Чистое имѣло въ себѣ комнату подъ аптекой; потомъ шли палаты для больныхъ. Въ палатахъ на желѣзныя кровати были брошены слежавшіеся матрасы, жесткіе, какъ камень; въ нихъ гнѣздами гнѣздились клопы и другіе паразиты. Комнаты были съ линючими стѣнами, въ пятнахъ, плѣсени, зелени; полъ проѣденъ мышами и крысами. Чесоточное отдѣленіе, находящееся отъ чистаго черезъ коридорръ, въ одной огромной комнатѣ, было еще милѣе: это была какая-то прокаженная яма, кишащая коростой, струпьями и всякою заразою. Подлѣ этой ямы находилась кухня, изъ которой неслась рвущая носъ гниль и вонь. Близлежащіе ватеръ-клозеты увеличивали впечатлѣніе. Содержаніе больныхъ было очень нездорово. Воздухъ, при дурной вентиляціи, былъ дохлый; пища скудная и скверная — габеръ-супъ, прозванный отъ бурсаковъ храбрымъ супомъ, вмѣстѣ съ пятибулкой (булка въ пятакъ ассигнаціями), прополаскивая желудокъ, мало питали организмъ; бѣлье было грязное и рваное; верхняя одежда тоже, но особенно замѣчательны были дерюжные, сѣро-армяжные халаты; при этомъ строго наблюдалось, чтобы грязный колпакъ былъ на головѣ больного. Лѣкарства, нечего и говорить, были пустыя: мушка, рожки, горчица, ромашка, oleum ricini, рыбій жиръ, мазь отъ чесотки да нѣсколько пластырей—вотъ и все; только въ край нихъ случаяхъ рѣшались на что-нибудь подороже.

Ко всему этому фельдшеромъ былъ нѣкто Мокеичъ. Онъ былъ глухъ на правое ухо и глухъ на лѣвое ухо, глупъ съ фронтона и глупъ съ затылка, хотя и былъ человѣкъ души доброй. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что доктора всегда глупѣе фельдшеровъ, особенно моло-

дые. Мокеичъ хвастался, главнымъ образомъ, тѣмъ, что у него счастливая рука, и вѣроятно на этомъ основаніи пропилъ аптекарскіе вѣсы, а послѣ всегда узнавалъ вѣсъ рукою—подтряхнетъ на ладони какую-нибудь спеціо, „пол-унце“ говоритъ, и сыплетъ въ банку. Онъ лѣчилъ обыкновенно прислугу училищную и кой-кого изъ окрестныхъ обывателей, передъ которыми и ругалъ своего доктора.

Бурсаковъ въ такой больницѣ спасалъ онъ смерти служившій при ней Доброволинъ. Если бы не онъ, то моромъ бы морило бурсаковъ. Ученики, помнящіе его, вспоминаютъ объ этомъ человѣкѣ съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Онъ обладалъ отличною ученостью, постоянно слѣдилъ за наукою и въ какіе-нибудь три года составилъ себѣ огромную репутацію. Кромѣ того, что онъ всегда былъ готовъ помочь, уже одинъ видъ его добраго лица, ласковый, задушевный голосъ, умѣнье обойтись съ больнымъ оживляли паціента доброй надеждой. Бѣдные люди, во всякое время дня и ночи, могли найти его готовымъ на помощь имъ: посѣщая лачугу какого-нибудь бѣдняка, онъ приносилъ ему лѣкарство, пищу и деньги. Несмотря на то, что онъ имѣлъ богатую практику, Доброволинъ, вслѣдствіе необъятной доброты своего сердца, по смерти, оставилъ капиталу только пятиалтынный. Когда газеты напечатали его некрологъ, то огромное количество почитателей стеклось, чтобы помочь его семейству въ несчастьи. Доброволинъ былъ духовнаго происхожденія и очень любилъ бурсаковъ. Онъ велъ дѣятельную и усердную войну съ училищнымъ начальствомъ. Но, несмотря на всю энергію свою, ничего не могъ сдѣлать въ этомъ несчастномъ мѣстѣ. Больница осталась страшнымъ мѣстомъ.

И вотъ все-таки въ это мѣсто, полное смрада, не-

чистоты и болѣзней, бурсакъ прибѣгалъ, какъ въ древности прибѣгали люди къ священному алтарю своему, искать защиты и спасенія. Бурсакъ въ гнусной больницѣ искалъ спасенія. И знаете ли, что и здѣсь не всегда ученикъ избѣгалъ золъ бурсацкихъ: бывали, хотя очень рѣдко, примѣры, что больныхъ сѣкли. Да.

Но Карась все выжилъ, все перенесъ, лишь бы только бурсацкое начальство не украло у него Пасху.

Пасху Карась провелъ дома. Дорогонько она обошлась ему.

. . . . . .

Вотъ, господа, какъ бѣгаютъ и спасаются наши бурсаки.

Д. 67/168 г. л.

мк - 411159
4 50
3-

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00034997629